Центр региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ
Российский институт стратегических исследований
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН
Академия наук Чеченской Республики
Гуманитарный фонд «Кавказ – новые горизонты»

МАТЕРИАЛЫ III МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА ИСТОРИКОВ-КАВКАЗОВЕДОВ

Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства

17 ноября 2015 г.

Ответственный редактор
В.В. Черноус

г. Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2015

УДК 061.3
ББК 63.3
М 34

Издание осуществлено при поддержке
гуманитарного фонда «Кавказ – новые горизонты»

Редакционная коллегия:

Атаев А.В., Гасанов М.Р., Гапуров Ш.А., Касьянов В.В.,
Клычников Ю.Ю., Крамарова Е.Н. (ответственный секретарь),
Кринко Е.Ф., Крючков И.В., Озеров А.А.,
Черноус В.В. (ответственный редактор), Шеуджен Э.А.

М 34 Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Черноус В.В. – Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2015. – 274 с.

ISBN 978-5-9907681-5-4

В сборнике помещены доклады, сообщения III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства». На Форуме были обсуждены дискуссионные вопросы российско-кавказских отношений, истории народов Северного Кавказа.

Рекомендуется ученым и преподавателям исторических дисциплин, студентам и всем, кто интересуется историей и культурой Кавказа, Юга России.

ISBN 978-5-9907681-5-4

© Авторы, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Пленарные доклады

Матишов Г.Г. Российско-грузинские взаимоотношения в контексте проблем современного кавказоведения..... 9

Гапуров Ш.А., Магомаев В.Х. Россия и Чечня: поиск путей к государственному единству (конец XVI – первая треть XIX вв.) 14

Акаев В.Х. Русско-чеченские взаимоотношения: особенности социокультурного становления и развития 20

Гасанов М.Р. Из истории взаимоотношений народов Кавказа со славянами (русами) в раннем средневековье 29

Кринко Е.Ф. Современное кавказоведение и проблемы изучения военной истории Северного Кавказа в XVII–XX вв. 37

Крючков И.В. Военнопленные стран Четверного союза на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны 42

Шеуджен Э.А. Северо-Западный Кавказ: проблема «удревления» российской истории..... 47

Черноус В.В., Калмыкова А.Р., Тхагапсоев Х.Г. Конфликтогенность методологии этноцентризма в историческом кавказоведении 51

Первая сессия

Авдулов Н.С. Чему учит история взаимоотношений народов России и Кавказа 58

Аверьянов А.В. О некоторых аспектах национальной политики большевиков на Юге России в 1920-1930-е гг. 63

Авраменко А.М., Скибицкая И.М. К вопросу о мифотворчестве и фальсификациях в современном кавказоведении 68

Акиева Х.М. Русско-кавказские взаимоотношения в изобразительном искусстве 74

Амирханова М.М. Аграрная политика государства и особенности ее претворения в Дагестане (вторая половина 40-х гг. XX в.) 81

Апхаидзе Ш.В. История и современность в двухсторонних отношениях между Россией и Грузией 86

Архипова Е.В. Роль британских представителей в формировании межгосударственных границ на Южном Кавказе 90

Афанасенко В.И. Национальные дивизии Закавказья в боях на Тереке в 1942 г. 95

Бедрик А.В. Сериков А.В. Этнические установки и практики межнациональных отношений в г. Ростове-на-Дону (на материалах социологического исследования) 100

Викторин В.М. Российская Астрахань, северо-западный Прикаспий и Терский край по пути на Кавказ: этнический, конфессиональный, языковой факторы исторического развития и взаимодействия (сер. XVI - нач. XX вв.) 108

Виноградов Б.В. К проблеме значения раздела Крымского ханства (1783) для развития российско-горского взаимодействия..... 118

Гармышев Д.А. Имамат Шамиля как реальность эпохи Кавказской войны: дискурсы осмысления 125

Гарсаев Л.М. К вопросу о многовековых русско-чеченских отношений и зарождении терско-гребенского казачества в регионе 130

Гарунова Н.Н. Внешний облик города Терки в описаниях путешественников, купцов и дипломатов 139

Дударев С.Л. О специфике исламизации Северо-Западного Кавказа в 1830 – начале 1860-х гг. 145

Ильюков Л.С. Нижний Дон и Северный Кавказ: взаимоотношения культур в раннем бронзовом веке (III тыс. до н.э.) 150

Каймаразов Г.Ш. Экономические и культурные последствия присоединения Дагестана к России (от Гюлистанского мирного договора 1813 г. до 1917 г.) 155

Каймаразова Л.Г. Русско-дагестанское культурное взаимодействие в конце XIX – начале XX вв. в региональной историографии 1897-1917 гг.: проблемы, источники изучения 161

Касьянов В.В. Проблемы взаимовлияния культур Северного Кавказа в условиях глобализации 166

Вторая сессия

Колесникова М.Е., Ермоленко Л.П. Библиографические указатели по истории Северного Кавказа: традиции составления в XIX – начале XX вв. 171

Крамаров Н.И. Национальная история в пространстве Интернета 176

Матвеев В.А. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа в условиях гражданской войны (1917–1920 гг.) 181

Матвеев О.В. Военное кавказоведение в конструировании пространства взаимопознания: подполковник Николай Львович Каменев 186

Медвенский Н.И. Казачество Юга России в грузино-абхазской войне 1992–1993 гг. 192

Микаелян А.М. Мифы о Кавказе 198

Нагиева М.К. Влияние российских врачей на развитие медицинского обслуживания в Дагестане в конце XIX – начале XX вв. 205

Намруева Л.В. Межконфессиональный диалог в мультиэтничном регионе РФ (на примере Республики Калмыкия) 210

Озеров А.А., Аверьянов А.В. Украина как военный таран против России 215

Семёнова О.В. Вместе или рядом? (Социокультурные тенденции в современной Грузии) 219

Скорик А.П. Образование станицы Милютинской в полосе казачье-крестьянского фронтира 224

Султанбеков Р.М. К вопросу о русско-дагестанских отношениях на рубеже XVI – XVII вв. 230

Танкиев В.-Г.Х. Навеки вместе (к 245-летию единения Ингуше- 235

тии с Россией) .....

Урушадзе А.Т. От наместничества к наместничеству: поиск оптимальной модели управления Кавказом 240

Чекулаев Н.Д. Политика Российской империи по привлечению Дагестана в свое подданство (1722-1735 гг.) 245

Шавлаева Т.М. Исследователи XIX в. о хозяйственной деятельности чеченцев 251

Шнирельман В.А. Кавказская война и социальная память 256

Щукина Е.Л. Межкультурный диалог как основа современного единства на Юге России 262

Эльбуздукаева Т.У., Изрипова Е.А. Россия и Чечня в борьбе с терроризмом и экстремизмом 267

□□□□□□□□□□□

17 ноября 2015 г. в Ростове-на-Дону состоялся III Международный форум историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства». Как и первые два Форума он был организован по инициативе Центра региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Российского института стратегических исследований, Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, Академии наук Чеченской Республики и Гуманитарного фонда «Кавказ – новые горизонты».

Программа Форума включала более 60 докладов ученых из Москвы, Абхазии, Грузии, вузов и научных учреждений ЮФО и СКФО. Докладчики стремились отталкиваться при освещении проблем русско-кавказских отношений от принципов и подходов, принятых на первых Форумах - «Хартии кавказоведов-историков» и «Этического кодекса кавказоведа», направленных на преодоление политизированности кавказоведения и налаживание диалога между учеными, придерживающимися различных подходов и исторических концепций.

Работу Форума открыл сопредседатель оргкомитета, руководитель Центра региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ, с.н.с. ЧКРИАЦ РИСИ В.В. Черноус. Он отметил, что, несмотря на отдельные рецидивы, тенденция перехода от конфликтующего к конструктивному российскому кавказоведению, диалогу между учеными заметно усилилась в последние годы, что вселяет уверенность в успешную работу III Международного форума историков-кавказоведов.

Пленарное заседание было открыто докладом председателя ЮНЦ РАН академика Г.Г. Матишова, подчеркнувшего важность развития научного взаимодействия между учеными разных стран, регионов, научных направлений и школ для преодоления усиливающейся глобальной нестабильности. Образовались сложные, порой болезненные взаимоотношения России и Грузии, которые политизируются с разных сторон. Г.Г. Матишов призвал к выработке нового исторического подхода, избегающего умолчания о болезненных событиях прошлого и в то же время современной политизации их. Профессор Комплексного НИИ

РАН В.Х. Акаев (Грозный) охарактеризовал периодизацию русско-чеченских отношений и на их примере показал необходимость соблюдения и учета баланса интересов этносов Кавказа и общеисторического развития России при реконструкции сложных, неоднозначных периодов истории. Профессор ДГПУ М.Р. Гасанов (Махачкала) остановился на рассмотрении истоков в раннем средневековье взаимоотношений народов Кавказа и славян (руссов), которые стали прелюдией для их укрепления в последующие века. Д.и.н. ИСЭГИ ЮНЦ РАН Е.Ф. Кринко выявил проблемы современной историографии военной истории Северного Кавказа в XVII-XX вв. К.и.н., и.о. директора АИГИ С.Ш. Салакая (Абхазия, г. Сухум) показал роль русских исследователей в становлении исторической науки в Абхазии. Ш.В. Апхаидзе (зам. председателя правления Института Евразии, Грузия) остановился на различиях в интерпретации российско-грузинских взаимоотношений в российском и грузинском кавказоведении, их влиянии на современную политику и важность налаживания конструктивного диалога, проведении научных дискуссий. В докладе профессора В.В. Черноуса (ЮФУ), аспиранта А.Р. Калмыковой и профессора Х.Г. Тхагапсоева (КБГУ, Нальчик) предпринята попытка обосновать методологию кавказоведения, ограничивающую этноцентризм, неизбежно воспроизводящего конфликтогенность кавказоведения. Профессор СКФУ И.В. Крючков (Ставрополь) осветил малоизвестные страницы истории военнопленных Четверного союза на Ставрополье в годы Первой мировой войны. Начальник сектора кавказских исследований РИСИ А.В. Атаев (Москва) на огромной эмпирической базе осветил деятельность в соцсетях исламистов, в т.ч. с использованием исторической политической мифологии и меры по противодействию им.

В дальнейшем работа Форума проходила сессионно. В докладах и дискуссиях был обсужден широкий круг проблем истории Кавказа: от археологии и этногенеза до современных этнополитических и культурных процессов.

В материалах сборника вышла значительная часть докладов, прозвучавших или заочно заявленных на Форум.

Редколлегия

Матишов Г.Г.
Председатель Южного научного центра РАН, академик РАН

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Перед современным кавказоведением стоит немало сложных и острых проблем, в исследовании которых призван сыграть свою роль и данный форум, проходящий на базе Южного научного центра Российской академии наук. В настоящее время ЮНЦ РАН представляет собой целый комплекс научных институтов, комплексных отделов и специализированных лабораторий, расположенных от Таганрога до Астрахани и от Волгограда до Грозного. Это многопрофильный научный центр, разрабатывающий широкий круг научных проблем. Среди них специфика формирования языка, культуры, литературы народов южного макрорегиона, их уникальное археологическое и историко-культурное наследие и многие другие вопросы.

Юг России всегда представлял собой зону интенсивных культурных контактов различных народов. Древняя история Дона и Приазовья неразрывна с античными поселениями. Многие знают о греческих поселениях в Приазовье, таких, как Танаис. Именно через Приазовье тысячу с лишним лет назад проходили караванные пути, связывавшие между собой различные цивилизации, в том числе и Великий шелковый путь.

И сейчас Юг России – самый полиэтничный и поликонфессиональный макрорегион страны. Здесь проживают представители более 100 национальностей, в том числе многочисленные диаспоры кавказских народов, самой большой из которых является армянская. Но и выходцы из других кавказских республик составляют немалую долю среди жителей нашего макрорегиона и страны в целом. Например, только грузин в России зарегистрировано 160 тыс. чел. Все это отражает длительный период совместного существования разных народов в составе единого государства – сначала Российской империи, а затем и Советского Союза.

Память граждан бывшего СССР о прошлом, о выдающихся событиях и людях в чем-то совпадает, в чем-то расходится, отражая диалектику самой общественной жизни. Рассмотрим эти вопросы подробнее на примере взаимоотношений России и Грузии, насчитывающих почти тысячу лет.

Первые дипломатические контакты между нашими странами возникли еще в XI–XII вв. и в духе того времени обычно принимали форму династических браков. Наиболее известен заключенный в 1185 г. брак царицы Тамары с князем Юрием Андреевичем Суздальским. В ту же эпоху зародились и первые культурные контакты: известно, в частности, что в украшении мозаикой Киево-Печерской лавры в XII в. участвовали живописцы из Грузии.

После падения Константинополя в 1453 г. Грузия оказалась отрезана от остального христианского мира. В XV–XVIII вв. грузинские царства вели борьбу за выживание с мусульманскими соседями – Персией, Турцией и кавказскими горцами. В этой борьбе их потенциальным союзником выступала единоверная Россия, что хорошо осознавали как российские, так и грузинские правители. Напротив, мусульманские державы стремились всеми мерами расстроить союз Грузии с Россией.

Только в эпоху Петра I возникла возможность более тесного взаимодействия Грузии и России. Во время подготовки персидского похода была достигнута договоренность о поддержке русской армии войсками картлийского царя Вахтанга VI. Однако Петр I отменил поход. Турецкая армия заняла Картли и Кахетию и оставалась там в течение десяти лет. Сам царь Вахтанг VI с семьей и приближенными (общей численностью около 1400 чел.) выехал в Россию.

Следующий важный шаг на пути объединения Грузии и России был сделан в царствование Екатерины II. По просьбе царя Ираклия II в крепости Георгиевске 24 июля 1783 г. был подписан договор о покровительстве и верховной власти Российской империи с Картлийско-Кахетинским царством. Грузия признала покровительство России и частично отказалась от самостоятельной внешней политики, обязываясь служить ей своими войсками. Россия выступала гарантом независимости и целостности территорий Картли-Кахетии, предоставляя ему полную внутреннюю самостоятельность. Стороны обменялись посланниками. Договор уравнивал в правах грузинских и русских дворян, духовенство и купечество. Россия обязалась защищать Грузию и держать там два батальона пехоты с четырьмя пушками.

Однако договор просуществовал всего несколько лет, и уже в 1787 г. Россия вывела войска. В том же году началась русско-турецкая война, по итогам которой в 1791 г. был подписан Ясский мирный договор. Турция отказалась от претензий на Грузию и обязалась не предпринимать каких-либо враждебных действий в отношении грузинских земель.

В 1799 г. в Картли-Кахетию вступил русский полк генерала И.П. Лазарева. В том же году глава закавказской экспедиции граф А.А. Мусин-Пушкин по разрешению императора Павла I вступил в переговоры с грузинским царем Георгием XII о присоединении к России.

В 1800 г. Георгий XII сам обратился с просьбой о принятии его в подданство России. 22 декабря император Павел I подписал манифест о присоединении Грузии к России, сохранив за Георгием XII до конца его жизни престол, а после смерти пообещав утвердить Давида XII Георгиевича генерал-губернатором с титулом царя. Однако после вступления на престол Александра I наследник был отстранен, автономия упразднена, а «управляющим Грузией» назначен командующий русской армией генерал Лазарев. 12 сентября 1801 г. был издан новый императорский манифест о присоединении к России Восточно-Грузинского царства.

Через несколько лет, в 1810 г. в состав Российской империи вошли Имеретия и Абхазия. Последующие территориальные приобретения и расширение границ Российской империи в Закавказье происходили в ходе войн с Османской империей и Персией, закреплялись соответствующими статьями мирных договоров. Бухарестский мир завершил русско-турецкую войну 1806–1812 гг., признав переход к России Сухуми и части побережья Черного моря. Гюлистанский мирный договор после русско-персидской войны 1804–1813 гг. закрепил за Россией Картли, Кахетию, Мегрелию, Имеретию, Гурию и Абхазию. Андрианопольский мир по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. признал присоединение к России Поти и Ахалцихе. Наконец, на Берлинском конгрессе после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. к России была присоединена Аджария. Грузия впервые за много лет обрела территориальное единство в составе Российской империи, при этом ее границы были заметно шире, чем сегодня.

Следует помнить и том, что с XVI по XIX вв. продолжались систематические набеги горцев Северного Кавказа на Грузию. Нападения начались с распада единого Грузинского царства, вследствие снижения обороноспособности образовавшихся государств – его преемников, ведших непрестанные оборонительные войны против Персии и Турции. Набеги были достаточно частыми и разрушительными, горцы захватывали заложников, разоряли пограничные поселения. Отдельные нападения превращались в крупные военные операции с участием многотысячных отрядов дагестанских феодалов и вольных обществ часто в союзе с турками или персами. Последний такой набег совершили войска Шамиля в 1854 г.

Российское правление установило мир в Грузии, защитив ее от внешней угрозы. Первоначально Грузия находилась под военным управлением: главнокомандующий русской армией в Закавказье одновременно был грузинским губернатором. В 1801 г. была создана Грузинская губерния, позже две губернии – Тифлисская и Кутаисская. Российское правление привело существенным изменениям в общественном устройстве, экономике и культуре Грузии, сделало ее открытой для европейского влияния. Но в конце XIX в. недовольство российскими властями привело к возникновению национального движения.

Распад Российской империи в 1917 г. породил бурную политическую жизнь на национальных окраинах страны, вызвал их стремление к «самостийности», привел к возникновению Донской, Украинской, Грузинской и других республик. Но Грузинская демократическая республика за три года так и не смогла создать устойчивые государственные институты, чем и воспользовались местные большевики. В 1921 г. была образована Грузинская ССР, вошедшая на следующий год в состав СССР.

Необходимо отметить, что на протяжении столетий талантливые военачальники грузинского происхождения верно служили России и руководили русскими войсками в сражениях с различными иноземными завоевателями. Пожалуй, самым известным из них был генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион (1765–1812), участвовавший в 156 боях и боевых операциях. В ходе Отечественной войны 1812 г. он командовал 2-й русской армией и был смертельно ранен на Бородинском поле. Всего в Бородинской битве участвовали 12 грузинских генералов, а с учетом заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг. генеральские звания имели 22 грузина на русской военной службе.

Традиции русско-грузинского боевого сотрудничества были продолжены в годы Великой Отечественной войны. На территории Грузинской ССР были созданы: 47-я Краснознаменная горнострелковая им. И.В.Сталина (1941–1942); 63-я горнострелковая ордена Красной Звезды им. М.В.Фрунзе (1941–1942); 392-я стрелковая (1941–1945), 406-я стрелковая (1941–1945), 9-я Краснодарская Краснознаменная, орденов Кутузова II степени и Красной Звезды горнострелковая (пластунская) (1941–1945); 414-я Анапская Краснознаменная стрелковая (1942–1945); 276-я Темрюкская Краснознаменная стрелковая (1942–1945); 349-я стрелковая (1942–1945); 296-я стрелковая (1943–1945) дивизии. Всего в ряды РККА было призвано более 400 тыс. грузин, 70 тыс. чел. награждено орденами и медалями, в том числе 90 грузин стали Героями Советского Союза.

Через территорию Грузинской ССР в годы войны пролегали маршруты «персидского коридора» ленд-лиза, значение которого прежде замалчивалось. Между тем, уже в марте 1942 г. советские летчики получили в Тегеране первые 72 бомбардировщика, а всего за 1943 г. по «персидскому коридору» было доставлено 742 самолета, 8 816 грузовиков, сотни тысяч других воинских грузов. С июля 1942 г. по май 1943 г., а особенно за вторую половину 1942 г. поставки, в том числе через Грузию, могли достигать 70 % всех грузов.

Сотрудничество стран антигитлеровской коалиции позволило им одержать в итоге верх над фашизмом. Вторая мировая война стала жестоким испытанием для всех государств и народов. Нам нужно помнить об этом бесценном опыте военного сотрудничества стран с разным политическим и социально-экономическим строем.

Очень важны для изучения и культурные контакты между Грузией и Россией. Культура народов Грузии воспета в многочисленных художественных произведениях моих соотечественников, она импонирует русскому духу и мировоззрению. Хорошо известен вклад выдающихся грузинских физиков, математиков, астрономов, врачей, языковедов в развитие науки нашей страны.

Можно по-разному относиться к выходцам из Грузии в руководстве СССР – И.В. Джугашвили (Сталину), Г.К. Орджоникидзе, А.С. Енукидзе, К.Н. Леселидзе, М.П. Георгадзе, Э.А. Шеварднадзе. Но все это – страницы нашей общей истории. Ее надо помнить, но не манипулировать событиями прошлого в интересах современных политических сил.

Мы, деятели науки, должны показать нашим политикам примеры кооперации, творческих связей, взаимных обменов. Нам необходимо развивать научные контакты между исследователями, проживающими в разных странах Кавказа, между различными научными учреждениями, университетами и исследовательскими институтами, разными научными школами и направлениями. У нас есть широкий круг общих исследовательских проблем, от рыбоводства, использования морского шельфа, экологии и экономики до вопросов военной истории и культурного взаимодействия разных народов Кавказа, но решить их можно только совместными усилиями.

Гапуров Ш.А.
д.и.н., профессор, президент Академии наук Чеченской Республики (Грозный),

Магомаев В.Х.
д.и.н., профессор декан исторического факультета Чеченского государственного университета (Грозный)

РОССИЯ И ЧЕЧНЯ: ПОИСК ПУТЕЙ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЕДИНСТВУ (конец XVI – первая треть XIX вв.)

Проблема присоединения народов Северного Кавказа к России была и остается одной из сложных и дискуссионных в кавказоведении. Нет единства мнений у ученых ни о путях, ни о времени, ни о методах этого исторического явления. Нет даже четкого определения самого этого термина – «присоединение». Хотя во многих субъектах северокавказского региона прошли празднования юбилеев их присоединения к России.

Нам представляется, что присоединение народов Северного Кавказа к России – это исторически длительный во времени, сложный и многоплановый исторический процесс, когда Россия и горские народы в течение длительного времени (в течении нескольких веков) искали взаимоприемлемые пути и формы создания государственного единства. Нам хотелось бы показать этот процесс на примере взаимоотношений России и Чечни в конце XVI-первой трети XIX вв.

Первые контакты русских и чеченцев относятся, как минимум, к IX-X вв. К XVI же веку Россия и Чечня уже относительно хорошо знают друг о друге (Россия к середине XVI века вышла уже к рубежам Северного Кавказа и начала строить городки-крепости в низовьях Терека). У русских и у чеченцев возникла реальная заинтересованность в установлении политико-экономических взаимоотношений.

В таком сближении, в создании военно-политического союза были заинтересованы обе стороны – и чеченская, и российская. Российские городки-укрепления, казачьи станицы по Тереку являлись одновременно и центрами местной торговли и чеченцы крайне были заинтересованы в продаже здесь излишков своего производства (земледелия,

скотоводства, домашних промыслов) и приобретении необходимых для себя мануфактурных товаров. Чеченцы рассчитывали также на помощь царских властей в борьбе с кабардинскими и дагестанскими феодалами, стремившимися установить свою власть над переселяющимися на равнину чеченцами.

Интерес Российского государства к Чечне объясняется прежде всего ее географическим положением – непосредственным соседством с терскими городками и тем, что по ее территории проходили наиболее удобные пути сообщения с Грузией (с которой Россия интенсивно начала обмениваться посольствами с 80-х годов XVI века, заинтересованная в распространении своего влияния в Закавказье, откуда уже был непосредственный выход в страны Среднего Востока и в Индию). [1, с. 10-12]. Основной путь, связывающий Московское государство с первыми его союзниками на Кавказе – Кабардой и Грузией, - назывался в источниках «дорога в черкассы», Черкасской дорогой. Один из важных отрезков ее проходил вдоль левобережья Сунжи в непосредственной близости от мест обитания чеченцев и вел затем по верховьям Терека через кабардинские и ингушские владения в Грузию [2, с. 26].

Разумеется, в XVI-XVII вв. царизм не ставил задачу завоевания или покорения Чечни: но стратегическая важность Чечни для дальнейшего продвижения на Северном Кавказе московским правительством была четко осознана уже тогда. Как полагала Е.Н. Кушева, установление политических и иных отношений с чеченцами было связано для русского правительства с общими вопросами русской политики на Кавказе и шире – на Востоке, с задачами борьбы с Крымом и Турцией [3, с. 10].

В 1588 году в Москву отправляется первой чеченское посольство во главе с Батай-мурзой. Его принимал лично Московский царь. В 1589 году царь прислал на Терек, к чеченцам, грамоту о принятии чеченцев в российское подданство. Разумеется, там не расписаны подробно права и обязанности сторон. Но этот документ четко показывал одно – заинтересованность сторон во взаимном сближении, в союзе. Многие авторы называют отношения, сложившиеся между Россией и Чечней (а также с Кабардой, Дагестаном) с конца XVI века вассально-союзническими. Мы согласны с этим определением. Другого тут трудно подобрать. Это еще не присоединение Чечни к России, но обе стороны взяли на себя определенные обязательства: Чечня не должна «приставать» к «недругам» России, должна выполнять указания из Москвы, а Россия берет ее под «свою руку», разрешает торговать в российских пределах. С конца

XVI века и в течение всего XVII века чеченцы сопровождают до грузинской границы российские посольства, встречают их на обратном пути, участвуют в походах терских воевод. В течение всего XVII века российско-чеченские связи расширяются, укрепляются. В этот период Москву посещают еще несколько чеченских делегаций, которых также принимает сам царь. Растет число чеченских обществ, принимающих российское подданство. Этот период – период вассально-союзнических отношений, по нашему мнению, продолжался до начала XVIII века.

XVIII век (точнее, до последней четверти XVIII века) – это переходный период к более высокой ступени российско-чеченских отношений: от вассально-союзнических отношений к подданству чеченцев России.

Уже в середине XVIII в. российское правительство подчеркивало, что «чеченской подданной ея императорского величества народ», «жительство имеет на реке Сунже из гор вытекающей, не в дальнем расстоянии от Червленного и Щедрина казачьих городков, в гористых и лесных, а потому и весьма крепких местах» [4, л. 1]. Даже крайне неровные, иногда противоречивые русско-чеченские отношения конца XVI-первой половины XVII в. "вполне созидательно сказывались на Чечне". Наметился процесс национальной консолидации, "менялся внутренний и внешний мир Чечни", она втягивалась в российское экономическое пространство, ускорилось развитие внутренних социальных процессов [5, с. 83]. Однако это в целом поступательное развитие русско-чеченских отношений шло далеко не прямолинейно и зачастую прерывалось непоследовательной, не всегда продуманной политикой и действиями царской администрации в крае: речь прежде всего о том, что Россия в качестве своих представителей пыталась насаждать в Чечне инонациональных (кабардинских и дагестанских) феодалов, что крайне негативно воспринималось чеченцами.

Качественно новым этапом в российско-чеченских отношениях явился рубеж 70-80-х годов XVIII века. В 1780-1781 гг. целый ряд равнинных чеченских обществ подписали договора (соглашения) о подданстве России, где уже более или менее четко указывались права и обязанности сторон. Однако к этому времени изменилась политика России по отношению к горским союзникам. Период «политики ласканий» на Северном Кавказе закончился.

В конце XVIII в. и официальный Петербург, и кавказская администрация, уверенные в своей силе после ослабления позиций Турции и

Ирана на Северном Кавказе (окончательная победа России над этими державами в борьбе за этот регион была уже совершенно явственной после заключения Кючук-Кайнарджийского мира), не считали уже нужным считаться с интересами и волеизъявлением ни рядовых горцев, ни их феодальной верхушки. М.М. Блиев писал: "Молодая имперская идеология, набиравшая силы в пору "просвещенного абсолютизма", четко проявилась в "Договоре" о присоединении Чечни: хорошо осознавая унизительность для Чечни передачи ее в управление соседним феодалам, Петербург находил в порядке вещей не церемониться с племенем, "Богом забытым", на Большом Кавказе" 5, с. 91]. Российская сторона считала, что с подписанием "Договора" 1781 г. вопрос о присоединении Чечни окончательно уже решен. Однако это было далеко не так. Чеченская сторона трактовала этот договор (как и все предыдущие) совсем по иному. Чеченцы, как и горцы в целом, не воспринимали различные соглашения с Россией как действительное присоединение к ней, с соответствующими последствиями – потерей независимости, установлением российских порядков и т.д. [6, с. 39]. Российско-северокавказские соглашения о подданстве горцев России часто носили формальный характер. Русско-чеченский договор 1781 г. не был исключением в этом плане. По мнению А. П. Новосельцева, каждый горский правитель, обращавшийся к России в XVI-XVIII вв., был заинтересован в сохранении своей власти, часть которой он готов был, в силу тех или иных причин, уступить российскому монарху. Но только часть. Обращавшиеся к России горские владетели, старейшины вовсе не были намерены полностью утратить свою независимость, тогда как царское правительство было заинтересовано в полном их подчинении [7, с. 179]. Практически все горские владетели и общества и в конце XVIII века воспринимали свои отношения с Россией как союзнические, как политический союз, направленный против общих врагов, как соблюдение взаимных интересов, а не как акт их превращения в подданных России. В то же время кавказская администрация не всегда считалась с тем, как понимает горская сторона подписанный с нею договор о подданстве и тогда взаимоотношения сторон осложнялись, возникала конфликтная ситуация, натянутость в отношениях с горскими правителями, порой доходившая до разрыва [8, л. 14].

И все же российско-северокавказские соглашения о подданстве горцев, при всей их непрочности, подготавливали постепенно политическую почву для будущего установления власти России на Кавказе,

укрепляли здесь ее позиции. Эти соглашения – особенность кавказской политики России. Мы полагаем, что можно говорить о том, что к началу Х1Х в. Кабарда, равнинные части Чечни и Дагестана уже находились в российском подданстве. Здесь началось установление российской административной власти.

Однако этот процесс относительно мирного присоединения народов Северного Кавказа к России был прерван с назначением в 1816 году наместником Кавказа генерала А.П. Ермолова, который с 1818 года начал ускоренно устанавливать российскую власть в регионе силовыми, военными методами, отбросив предыдущий, многовековый опыт преимущественно мирных российско-горских отношений. С 1818 года началась Кавказская война. Однако к 1826 году наместник приходит к выводу, что для «сближения» России и чеченцев необходимы преимущественно мирные (административные, экономические, культурные) средства. Начинается новый этап в процессе присоединения Чечни к России.

После подавления восстания в Чечне в 1825-1826 гг. и российская, и чеченская стороны начинают искать новые, взаимоприемлемые формы присоединения Чечни к России. Военно-политический лидер Чечни того времени, Бей-Булат Таймиев, в конце 20-начале 30-х годов XIX века ведет по этому поводу переговоры с начальником Левого фланга Энгельгардтом, шамхалом Тарковским и на завершающем этапе – с преемником Ермолова на посту кавказского наместника – графом Паскевичем. Результатом явилось соглашение между Бей-Булатом и Паскевичем о том, что Чечня будет включена в состав России на правах автономии (документ «Временное постановление», выданный Паскевичем Таймиеву, предусматривал «внутренне самоуправление» для Чечни) на особых условиях [9, л. 14]. Если бы эта линия была бы доведена до конца, Чечня, скорее всего, дальше в Кавказской войне и не участвовала бы: в период этих переговоров, в конце 1820-х-начале 1830-х годов, в Чечне нет военных действий. Бей-Булат удерживает чеченцев от вооруженных выступлений против России. К сожалению, в начале 30-х годов Х1Х века два главных действующих лица новой политики в отношениях между Россией и Чечней – Паскевич и Бей-Булат Таймиев, сходят с политической арены Кавказа: первого перевели в Польшу, второй был убит кумыкским князем Салат-Гиреем Эльдаровым. Преемники же Паскевича вернулись к старой, военно-силовой практике покорения Север-

ного Кавказа и процесс включения Чечни в Российскую государственную систему был завершен лишь с окончанием Кавказской войны.

Таким образом, процесс присоединения Чечни к России прошел через несколько этапов: вассально-союзнические отношения, отношения формального подданства, автономия в составе России, завершение присоединения через Кавказскую войну.

Примечания

1. Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI-первой половине XVII в. //Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVII-начале XX в. Грозный, 1981. С. 10-12.
2. Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI-XVII вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии… С. 26.
3. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сборник документов. М., 1997. С. 10.
4. АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1757 г. Д. 9. - Л. 1.
5. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации. М., 2004. С. 83.
6. Гапуров Ш.А. Роль мирных соглашений в российско-северокавказских взаимоотношениях в XVIII в. //Социально-политические процессы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С. 39.
7. Новосельцев А.П. Правдиво отображать историю взаимоотношений народов нашей страны // Вопросы истории. – 1989, № 5. – С. 55.
8. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. – М., 1991. – С. 179.
9. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6244. Л. 14.

Акаев В.Х.
д.ф.н., профессор, академик Академии наук Чеченской Республики (Грозный)

РУССКО-ЧЕЧЕНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Истоки, динамика формирования русско-чеченских взаимоотношений, их нынешнее состояние в исследованиях ученых, требуют детального освещения, глубокого анализа, что предполагает основательного выявления новых архивных документов, широкое обобщение различного рода фактов и событий, имеющих не только противоречивый характер, но созидательно-перспективную социокультурную направленность.

О первых контактах русских и чеченцев, имевшие взаимопознавательный, дружественный характер пишут отечественные историки и они относятся к первой половине XVI века, когда на Дон, Терек переселились казаки, уходившие от крепостного гнета, в поисках свободы и независимости. Анатолий Куликов в своей недавно изданной книге «Все Кавказские войны России» – этот процесс называет стихийным продвижением «россиян на юг в степи, положившее начало образованию Донского и Терского казачества, поступление части казаков на московскую, порубежную и городовую службу» [7, с. 5]. Однако этот процесс не был столь однозначный, прямолинейный, поскольку имел сложный, длительный, многоплановый, конфликтный характер.

Как отмечает Ш.А. Гапуров: «В XVI-XVII вв. на Тереке появляются русские люди, которые в поисках свободы бежали на Кавказ от крепостного рабства» [3, с. 5]. Московское государство продвигалось на юг осторожно, постепенно, преследуя цель укрепления на Северном Кавказе, находившемся под влиянием Османской империи. Свои решительные притязания на этот регион проявлял и Иран, осуществлявший в XV-XVI вв. завоевательную политику в Закавказье, совершая периодические набеги.

Русские в 1567 г. на Терской косе при впадении Сунжи в Терек, что находилось на границе расселения чеченцев строят крепость Терки, расположив в ней крупный гарнизон с артиллерийским нарядом [2, с. 295]. При этом устанавливались политические, торговые, культурные

отношения с влиятельными чеченцами-окочанами. Во второй половине XVI в. Россия, завоевывав Казань и Астрахань, укрепляется на Волге, устанавливает союз с частью кабардинских и чеченских владетелей. Османская империя, решительно притязавшая на Северный Кавказ, Каспий и Поволжье, в 1569 году направляет свои войска в Астрахань, где они потерпели поражение.

Под давлением турецкого султана в 1571 году крепость Терки была снесена русским правительством, а восстановлена только через семь лет, в 1578 году. У русских не было сил, чтобы противостоять политике османского государства на Северном Кавказе, которое имело сильных союзников среди кабардинских князей, Крымского ханства, способные в любое время направить своих испытанных в боях воинов на Москву.

По мнению В.А. Потто, в 1579 году большинство донских и волжских казаков, навлекших на себя царскую опалу направилось к Тереку, где с давнишних пор заведен был разбойничий притон для всех воровских казаков. Там они остановились и построили свой трехстенный городок, названный Терки, куда и стали собирать к себе кабардинцев, чеченцев, кумыков и даже черкесов [14, с. 13]. Но этом месте постоянно собирались бродяги и удальцы, селившиеся здесь без ведома царя и занимавшиеся разбоем [там же, с. 14]. Но казаки «впоследствии испросили себе прощение Ивана Грозного и, присоединившись к Терскому войску, обязались охранять наши пограничные владения» [там же].

Ситуация на Тереке, и на Кавказе в целом не была спокойной, Шамхал Тарковский совершал частые набеги на Грузию, что принуждало царя Иверии Александра обращаться к русского царю за помощью. В 1586 году он отправил послов в Москву, чтобы «единственный православный государь принял их в свое подданство и спас их жизнь и душу» [там же]. Притеснения Шамхала Тарковского, кабардинских князей, разорительные нашествия крымских татар принуждали чеченцев обращаться к военно-политической помощи России, а в 1588 году были направлены послы от чеченских обществ в Москву, просившие принять чеченцев, живших на Тереке, в российское подданство.

Некоторые из них находились на службе воевод Терского городка, принимали участие в его защите, военных походах, сопровождали русские посольства в Грузию, Персию, были гонцами во все уголки Кавказа [9, с. 523]. С восшествием на Российский престол нового царя Михаила Федоровича Романова, что произошло в 1613 году, от терских чеченцев-окочан для поздравления его были отправлены в Москву Ахмат

Иналов и Ачалей Халеев, они были приняты царем и пожалованы царским жалованьем [там же, с. 526]. Из их челобитной узнаем, что окочане терского городка были преимущественно родом из аккинцев, ичкеринцев (восточных чеченцев). Окочане служили царю, ставили острог, копали ров, сопровождали послов через Шатой в Грузию, Кумыкию, Дербент, встречали и сопровождали персидских послов. Часто у них происходили стычки с оппозиционными к России владельцами. В челобитной сообщается, что они испытывали голод, гибли, им годами не выдавали жалованье. Царь выплатил послам чеченцев жалованье, одарил их подарками.

Московское царство ставит задачу покорения Тарковского шамхальства для этой цели в 1604 году с войсками были направлены воеводы Бутурлин и Плещеев, но этот поход завершился поражением. Горные чеченцы, например, шибутцы (шатоевцы), считая выгодным для себя установление дипломатических связей с Московским царством, будучи мусульманами, в 1647 году, давали русскому царю шерть (присягу) на Коране [7, с. 87].

Значительную роль в укреплении российского влияния на Северном Кавказе, в становлении русско-чеченских политических, торгово-культурных связей сыграло возникновение и функционирование терско-гребенского казачества. А. Куликов утверждает, что казаки участвовали в охране и обороне южных рубежей Московского государства [10, с. 5]. Но эти самые рубежи долгие годы не были стабильными. Таковыми они не стали даже во времена Персидского похода Петра I. Как известно, 23 августа 1722 года войско во главе с русским царем подходит к Дербенту, а его жители «все стар и млад вышли навстречу». Ему были вручены ключи от городских ворот». Более того, в Дербенте к Петру «обратились уцмий Кайтага, кадий и майсум Табасарана, владетель Бойнака и другие с просьбой принять их в подданство России» [4, с. 423]. По мнению Н.И. Покровского, Петр «отвоевал все Каспийское побережье Кавказа» [12, с. 195]. Но этот поход завершился для русского царя неудачно из-за крушения в Аграханском заливе его кораблей, заболевания солдат и офицеров, падежа лошадей. До начала XVIII в. Северный Кавказ оставался вне активного политического влияния России. Как утверждает Ш.А. Гапуров, Россия в XVI-XVIII вв. приобрела солидный торгово-экономический, политико-дипломатический опыт взаимоотношений, успешно используемый до начала наместничества на Кавказе А.П. Ермолова.

Русско-чеченские отношения приобрели обостренный характер в связи с религиозно-политической деятельностью Ушурмы-шейха Мансура (1785-1791 гг.), первоначально имевшая чисто религиозный характер, направленная на преодоление внутренних конфликтов в чеченском обществе, адатов их продуцировавших, на шариатизацию чеченцев, ингушей, а также против дагестанской, осетинской и кабардинской феодальной верхушки.

С целью ареста «лжепророка» Ушурмы (шейха Мансура), как его называли в донесениях в Санкт-Петербург, из Астрахани был направлен в Чечню отряд полковника Пиери, который разрушил село Алды, сжег 400 домов, в том числе и дом Мансура. При отступлении Пиери заставил солдат угнать крупнорогатый скот алдинцев, который пришлось оставить в связи с начавшимся ожесточенным боем [1, с.175]. Но в сунженском лесу русский отряд попал в засаду, понес огромные потери, а сам командир погиб.

Контакты чеченцев с казаками имели различные, и даже причудливые формы. Они описаны историками, писателями, подчеркивается их первоначальный мирный, взаимовыгодный экономический характер, культурное взаимообогащение. Эти взаимоотношения через поэзию, литературу отражены в творчестве великих русских поэтов и писателей А.С. Пушкина, Ю.М. Лермонтова, Л.Н. Толстого. Так, А.С. Пушкин в своей повести «Путешествие в Арзрум» описывает факт сопровождения его отрядом чеченцев во главе с Бейбулатом Таймиевым через Дарьяльское ущелье, и его участие в боях против турков, параде русских войск в Эрзруме. Это происходило в конце 20-х годов XIX, когда Бейбулат, через посредство генерала Паскевича, напряженно искал союз и покровительство у русского командования, для создания автономии чеченцев в составе Российской империи.

Бейбулат Таймиев, бывал в Иране, Турции, хорошо знал мощь российской армии, в отличие от пленного Шамиля. Находясь в пути Санкт-Петербург, Шамиль произнес знаменитую фразу: если бы я знал, что Россия такая огромная, то никогда не стал бы с ней воевать. Парадоксальная ситуация! Но надо вспомнить, что его духовный наставник, суфийский мистик, мюршид Джамалэдин Казикумухский, категорически запрещал Газимухаммаду и Шамилю объявлять газават России, мотивируя тем, что она большая и сильная, и горцы не смогут ее победить. Между тем объявление газавата Газимухаммадом и продолженного в

течение 25 лет Шамилем, с нашей точки зрения – следствие карательной политики в Чечне и Дагестане генерала Ермолова.

В то время, когда Шамиль не отдавал себе отчет во что он ввязывается, призывая горцев Дагестана и Чечни к газавату, Бейбулат Таймиев 20 лет раньше начала его религиозно-политической деятельности придерживался компромиссной тактики, хорошо зная военные и экономические возможности России, искал сближение с русским командованием на Кавказе.

Удивительно переплетены судьбы детей-аманатов русско-чеченских военных столкновений, периода Кавказской войны. Так, великий русский поэт М.Ю. Лермонтов, дружил с Ботой Шамурзаевым, который был вывезен в детстве в Россию, получил военное образование, служил в русской армии. Они вместе посещали в кумыкские и чеченские свадьбы на Тереке, например, в Аксае (Ташкичу), где происходили основные события повести «Герой нашего времени». Пленный мальчик из села Дади-юрт, Петр Захаров, в последствии ставший – академиком Академии Художеств Российской империи. Он воспитывался в семье семьи Ермоловых, двоюродного брата проконсула Кавказа Ермолова, явился прототипом героя поэмы «Мцыри». Лучший портрет Лермонтова принадлежит кисти Петра Захарова, который во время сеансов написания портрета рассказывал о своей судьбе.

В знаменитом лермонтовском стихотворении «Валерик» (1840), поэт выразил в художественных образах трагедию сражения русских и чеченцев на этой реке смерти. С вашего разрешения я продекларирую некоторые сюжеты.

Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть…
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна

Картина боя, успокоение, величавость гор Кавказа, порождают у М.Ю. Лермонтова фундаментальный нравственный, философский вопрос:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?» [8, с. 317].

Человек и сегодня враждует, и масштабы этой вражды – гигантские. Но зачем все это? Бесспорно, стихи Лермонтова о Кавказе высоко патриотичны, они вызывают у читателя глубокое чувство негодования против несправедливости, деспотизма, нацеливают его на возвышенный дух справедливости, свободы и независимости.

В повести «Казаки», написанной в 1851 году, но опубликованной 1863 году, Л.Н. Толстой, раскрывает жизнь терских казаков со своими внутренними коллизиями, неоднозначными отношениями с чеченцами, содержащими в себе как элементы дружбы, так и вражды.

Будучи противников царского эксплуататорского строя, Л.Н. Толстой осуждает насилие и деспотизм самодержца Николая I и имама Шамиля, что четко усматривается в его знаменитой повести «Хаджи-Мурат» (опубликована 1912 году после его смерти). В своих воспоминаниях Толстой призвался: «Меня здесь занимает не один Хаджи-Мурат с его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизм двух главных противников той эпохи – Шамиля и Николая, представляющих вместе как бы два полюса властного абсолютизма - азиатского и европейского» [5, с. 48].

В русско-турецкой войне (1875-1876 гг.) в рядах царской армии сражались сотни чеченцев и ингушей, наиболее известным среди них является генерал Орца Чермоев, который был близок к царскому двору и имел высокие государственные награды.

В царское время происходила искусственная поляризация чеченцев, формировался военный, мулльско-купеческий, промышленно-управленческий слой, нередко назначались старшины из самих чеченцев. Эта иерархизация чеченского общества была необходима для разрушения традиций, патриархального уклада, успешного осуществления колонизации, эксплуатации народа. Вместе с тем русские просветители прилагали значительные усилия по просвещению и образованию безграмотных чеченцам. В этой связи нельзя не назвать барона Карла Услара, разработавшего чеченский алфавит на основе кириллицы, написавшего букварь для чеченских детей, а также для многих народов Кавказа.

В Первой мировой войне в составе так называемой Дикой дивизии Российской армии принимали участие чеченские, ингушские, кабардинские, дагестанские, татарские полки, доблестно сражавшиеся с врагом империи. Их боевые заслуги высоко оценены русским командованием, царем Николаем II. Исследователь О.Л. Опришко в своей книге «Кав-

казская конная дивизия», в которой названы имена фамилии, воинские, чины, награды, описаны подвиги, совершенные дагестанцами, чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами, казаками, грузинами, абхазами геройски сражавшимися с общим врагом отечества. Журналист и писатель Илья Толстой, сын Л.Н. Толстого, осенью 1914 года в течение полтора месяца имел возможность в Галиции близко соприкасаться с частями Дикой дивизии, общаться с чеченцами, видеть их в походе, на стоянках, бою. Он писал: «60 лет тому назад эти люди упорно с нами воевали, а теперь они настолько слились с Россией, что сами добровольно пришли сюда для того, чтобы общими усилиями сломать упорство нашего, теперь уже общего, опасного и сильного врага» [11, с. 52], «Я видел их выполняющими самые трудные и сложные военные поручения; и я видел их в боях дисциплинированных, безумно отважных и непоколебимых» [там же, с. 60], - констатирует сын Толстого.

Как отмечает Д. Фурман, для Российской империи покорение и подчинение чеченского общества оказалась задачей предельно трудной, потребовавшей колоссального напряжения сил. Причиной тому - отсутствие княжеского сословия, социальной верхушки, с которой можно было договориться, «перетянуть на свою сторону приманкой закрепления и упрочения ее власти, предоставления ей каких-то мест в общероссийской иерархии и более высокой и развитой культуры, и с которой хотя бы можно было просто о чем-то договориться» [14, с. 9].

Однако в царское время в русско-чеченских взаимоотношения характеризуются не только военным противостоянием, они имели и интеллектуальное, культурное составляющее. Дети чеченской знати, офицеров, купцов, аманаты, получали образование в классических гимназиях, военных училищах, университетах. Они становились в последующем военными, государственными, общественными деятелями. Назову фамилии некоторых: Орца Чермоев, Ирисхан Алиев, Тапа Чермоев, Ш. Эльмурзаев, Турловы, Шамурзиевы, А. Саракаев, Таштемир Эльдерханов, Ахметхан и Исмаил Мутушевы, братья Шериповы, Борщиковы, Дубаевы, Кужуев и др.

Наше поколение, сформировавшееся в годы советской власти, с благодарностью вспоминают русских учителей, врачей, инженеров, агрономов, государственных деятелей, приобщали чеченцев к образованию, науке, культуре. О них нами пишутся научные статьи, книги, ими названы улицы, учреждения Чеченской Республики.

Исследователи сосредотачивают внимание на двух позициях формирования русско-чеченских, российско-северокавказских отношений: конфронтационной и интеграционной. В их рамках разрабатываются односторонние концепции, согласно которым кавказские горцы повинны в начале Кавказской войны в силу их экспансионистской деятельности, а России в ее завоевательной агрессивной политики. Как бы преодолеть эти особенности отдельные исследователи предлагают концепцию «российскости», которая якобы «творчески применена к изучению российско-чеченских отношений, к западнокавказскому материалу, прошлому северокавказского казачества, вехам вхождения Кавказа в состав России в целом, конкретным персоналиям, историко-культурным, литературным, реалиям региона и др.» [10, с. 98]. С нашей точки зрения, эта концепция применительно к русско-чеченским отношениям не дает такую благостную, картину.

Вместе с тем в наших нынешних реалиях, очевидна необходимость укрепления единство народов России на основе разработки новых теоретических, методологических позиций, которые позволили бы найти место народным, национальным героям в общей российской истории со всеми их плюсами и недостатками. Всякие «патриотические» изыски возвышающие цивилизованность России (которая была все-таки далека от европейской) при акцентировке внимания на варварстве, социальной и культурной отсталости народов Северного Кавказа, полагаем контрпродуктивными.

Примечания

1. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур (народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785-1791 гг.). – 2-е изд., перераб и доп. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010.

2. Ахмадов Я. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.: «Мир дому твоему», 2001. – 426 с.

3. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня: этапы многовекового содружества // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийского научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. Г. Грозный, 19-20 июня 2012 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.). – С. 3-11.

4. История Дагестана в древнейших времен до настоящего времени. Т. 1. – М.: Наука, 2004.

5. Козлов Р.С. Лев Толстой как мыслитель и гуманист. – Изд-во МГУ, 1985.

6. Куликов А.С. Все Кавказские войны России. Самая полная энциклопедия. – М.: Яуза: Эксмо, 2013. - 608 с.

7. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россий. – М., 1963.

8. Лермонтов Михаил Юрьевич. Герой нашего времени. Поэмы. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2014. – 800 с.

9. Магомадова Т.С. Челобитная Терских окочан 1614 г. (из истории русско-чеченских взаимоотношений) // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийского научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19-20 июня 2012 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.). – С. 522-528.

10. Матвеев О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания // Материалы международного форума историков-кавказоведов (14-25 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дон) / отв. ред. Черноус В.В. – Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013. - С. 94-102.

11. Опришко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914-1917: Возвращение из забвения. – Нальчик: Эль-Фа», 2007.

12. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. – 548 с.

13.Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.: Т. 1.: С древнейших времен до Ермолова. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 672 с.

14. Фурман Дмитрий. Самый трудный народ России // Чечня и Россия: общества и государства. – М.: «Полиграф-Талбури», 1999. – С. 5-18.

Гасанов М.Р.
д.и.н., профессор, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала)

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ КАВКАЗА СО СЛАВЯНАМИ (РУСАМИ) В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Объективное и всестороннее освещение связей народов Кавказа с восточными славянами на различных этапах исторического развития представляет значительный интерес в научном и практическом отношении. Одним из сложных, насыщенных событиями этапов истории взаимосвязей между народами Кавказа и восточными славянами (русами) является раннесредневековый период. Некоторые аспекты данной темы изучены в трудах исследователей XIX-XX вв., а также в обобщающих курсах.

Сведения о связях народов Кавказа со славянами (русами) содержатся в сочинениях армянских, грузинских, арабских и др. авторов, в русских летописях.

В раннем средневековье на Кавказе существовали различные формы (типы) политических образований - Иберийское (Картлийское), Армянское царства, Ширванское, Шемахинское и другие ханства, владения Дагестана, Алания, Хазарский каганат и др.

В V-VI вв. в истории восточных славян произошли существенные изменения, складываются племенные объединения, одним из которых был союз рос (русь), объединивший племена между Днепром и Доном.

Связи населения Кавказа со славянами (русами) складывались неодинаково и неодновременно. Из кавказских народов наиболее ранние связи с восточными славянами установили адыги. Адыго-славянские отношения тесно связаны с вопросом о славянах Приазовья. Согласно некоторым источникам, уже в VI в. н.э. на юго-востоке Приазовья находилось славянское население.

В историографии признается тот факт, что горцы Кавказа и славяне (русы) поддерживали связи задолго до того, как они были зафиксированы в письменных источниках, о чем свидетельствуют археологические материалы.

Для освещения темы ранних связей славян (русов) с населением Кавказа большой интерес представляет сообщение автора X в. Мухам-

меда Бал'ами, по данным которого в VII в. среди соседей Дербента находились и русы [1,с.79].

Как отмечает А.П. Новосельцев, в VI в. славяне «в союзе или в какой- либо иной форме контакта с ирано-аланскими племенами и тюркскими народами Восточной Европы двигались и в юго-восточном направлении» [2,с.21]. Это подтверждается и в трудах Р.М. Магомедова [3, с.14], В.Г. Гаджиева [4с,21], М.Р. Гасанова [5с.15] и др.

Связи славян (русов) с народами Кавказа были разнообразными, характерными для той эпохи: нашествия сменялись мирными периодами, развивались торгово-экономические, культурные связи, совершались совместные завоевательные походы.

Один из этапов славяно (руско)-кавказских взаимоотношений связан с периодом существования Хазарского каганата, в состав которого входили земли, населенные славянами и некоторые горцы Северного Кавказа. Через пределы Хазарии восточные славяне поддерживали связи с народами Закавказья, Средней и Передней Азии.

Связи народов Кавказа со славянами (русами) вступили в дальнейший этап с возникновением Древнерусского государства. Источники описывают Русь как огромную державу. Этот период в истории Древней Руси характеризуется внешнеполитической активностью от Русского моря и «Славянской реки» до Византии, Анатолии, Закаспия и Багдада.

С выходом границ Древнерусского государства на берега Черного моря и в Приазовье, активизацией торговли между Древней Русью и народами Кавказа, дальнейшее развитие получили связи славян (русов) на Каспии. Восточные источники сообщают о походах русов в прикаспийские области. В развитии славяно (руско)-кавказских связей необходимо отметить и роль Волжского пути, соединявшего Балтийское и Каспийское моря. Значительную роль в торговле между народами Кавказа и славянами играли города Дербент, Семендер, Тмутаракань, Магас, Верхний Джулат, Бардаа (Партав) и другие города. Средневековые авторы рисуют Дербент как один из главных морских торговых центров на Каспии, обладавших обширной и хорошо укрепленной гаванью. Они же сообщают основные названия судов, плававших на Каспии: «сафина», «маркаб», «заурак». Суда русов Масуди называет «маркаб» [6,с.23.]. По свидетельству Ибн Хаукаля, суда русов вмещали около 100 человек. Акад. В.В. Бартольд отмечал, что Дербент, в отличие от других областей Прикаспия, ни разу не пострадал от набегов русов[7с,825]. Как считает А.А. Кудрявцев это «благодаря прочному долговременно-

му военно-политическому союзу русов с дербентскими правителями». По его же мнению, дербентские мореходы могли заимствовать у русов определенные приемы оснастки и сами типы судов[8,с.79-80].

В развитии славяно (руско)-кавказских морских связей, следует отметить и роль Черного моря, известного и как Русского моря. Эти связи осуществлялись через колонии, основанные в Причерноморье. Тмутаракань была связана с берегами Понта, с Трапезундом и Синопом, откуда товары шли для реализации в Поднепровье. По словам Ибн Хордадбеха до Румского (Черного) моря купцы русов добирались через страну дунайских булгар (болгар). Сведения VIII - начала IX века о русских флотилиях в Черном море свидетельствуют о большой активности Руси на южных морских торговых магистралях.

Причерноморские грузинские города были известными морскими торговыми центрами, где торговали и русы. В этой торговле участвовали и грузинские торговые люди. В древнерусских источниках содержатся сведения о Грузии и грузинах. В источниках грузины названы «колхами», «обези», «авери» и т.д. Название обези-абази-абхази идет из восточных источников, которые Грузию часто называли «Абхази». Под Абхазией в данном случае подразумевалась Западная Грузия. Форма «авер» византийского происхождения и образована от названия «ивер» царства Иберия или Иверия. «Авер иже суть обези» - говорится в источнике. Известны также данные, относящиеся к XI в. о военно-политических контактах киевского великого князя и грузинского царя. В 1154 г. Киевский князь Изяслав женился на дочери грузинского царя. Интерес грузинских политических деятелей к Руси не ослабевал. Царица Тамара выходит замуж за сына великого князя Владимирского Андрея Боголюбского – Юрия, которого в Грузии звали Георгием. Представители грузинского и русского обществ встречались в Константинополе, на территории Причерноморья и т.д. О связях Грузии с Древней Русью свидетельствуют нумизматические факты. Монеты, отчеканенные в Тифлисе в IX -X вв. обнаружены на территории Древней Руси. В русских летописях содержатся также сведения, относящиеся к XI веку, в частности, о грузинских художниках, которые принимали участие в оформлении и украшении мозаикой знаменитого киевского собора святой Софии.

В раннем средневековье зародились связи армян и славян (русов), которые продолжались на последующих этапах истории. Об этом наглядно свидетельствуют данные, приводимые Г.А. Капанцяном в ста-

тье «Армянский ара и славянский яр». Кроме того, в армянском сочинении «География VII в.» содержатся сведения о славянах (русах), о реках Дон, Волга и т.д. Армянские купцы и славяне (русы) контактировали в городах Дербенте, Бердаа (Партаве), Семендере, Итиле, Багдаде и др. торговых центрах.

Со второй половины X в. связи армян и русов расширились как в Византии, так и в Крыму, на приволжских и придонских рынках. Как известно, после раздела в 387 г. Армянского государства Аршакидов в состав Византии вошла приблизительно четвертая его часть: Западная (Малая) Армения, Внутренняя Армения и автономные княжества. Коммерческие отношения между Византией и Русью были взаимовыгодными. Армяне в торговле Византии с Русью играли значительную роль[9, с.21]. Кроме того, Русь испытывала потребность в армянских изделиях из металла, в гончарной, текстильной и др. продукции.

В Киевской Руси были созданы армянские общины, а армянское духовенство основало здесь свой монастырь. В Киеве проживали армяне, среди которых в XII в. был известен придворный лекарь Владимира Мономаха. С юга Черного моря через Крым - «Приморску Армению» (названную так, потому что на этой территории было много армянских колоний), армяне доходили до берегов Азовского моря. Через Дербент и по Каспию и Волге армянские купцы добирались до Суздали, Владимира, Новгорода и т.д. В свою очередь, купцы Киевской Руси имели возможность общаться с армянами в городах - Партаве (Бердаа), Багдаде, Тмутаракани и др. пунктах.

В разносторонних связях со славянами (русами) находились жители Аррана, Ширвана, занимавшие прикаспийскую территорию Закавказья.

Из Дербента славяне (русы) совершали походы на Ширван, на Бердаа (Партав). Овладев ими, русы с большой добычей возвращались в Русь. Восточные источники упоминают о четырех Каспийских походах древнерусских войск: первый в 60-80 гг. IX в., второй в 909-910 гг., третий после 912/13 гг. и четвертый в 944 г.

Большой интерес представляет вопрос об участии отдельных дагестанских народностей в некоторых походах русов, особенно в походе 943/944 г. Сирийский текст истории Абу-л-Фараджа Бар-Эбрея (XIIIв.) вместе с русами упоминает алан и лезгин (дагестанцев). В «Повести временных лет» под 6473 годом (т.е. 965 г.) рассказывается о походе Святослава, дружины которого разгромили хазарские войска. Наряду с Саркелем (Белая Важа) войсками Святослава были взяты города Итиль

и Семендер. Речь шла не только о разгроме Хазарии, но и о господстве над ее основными «территориями на Волге, на Керченском проливе и на Дону с тем, чтобы полностью взять в свои руки контроль над восточной торговлей, игравшей весьма важную роль в связях Руси с народами Кавказа.

После разгрома Хазарского каганата отряды русов оставались на Северном Кавказе и они активно вмешивались во внутренние дела правителей Восточного Кавказа.

Купцы - русы, приплывавшие на своих судах к берегам Каспийского моря с торговыми целями были осведомлены о Ширване[10,с.76], куда совершали и военные походы. «Дружины русов, - пишет А.Ю. Якубовский, - не были новаторами и шли по хорошо известной дороге, где исстари совершался оживленный товарообмен между странами Восточной Европы, Кавказа и Персией» [11,с.37]. В 1030 г. русы совершили очередной поход в Закавказье, разорили побережье Ширвана. Связи Ширвана со славянами (русами) отразились в творчестве известных поэтов, в частности, Низами (1140-1203 гг.). В двух из пяти своих поэм он пишет о славянах- русах. В поэме «Семь красавиц» поэт одну из своих новелл посвятил славянам. В поэме «Искандер-наме» Низами описал доблесть войск русов. О связях Ширвана и Аррана с Русью свидетельствуют и нумизматические данные. Как отмечают исследователи, чеканные в монетных дворах Ширвана и Аррана монеты были распространены и на Руси[12,с.154].

Со славянами (русами) были связаны и аланы, по территории которых проходили торговые и стратегические магистрали. Связи Алании с русами с возникновением Древнерусского государства усилились. Об этом свидетельствуют русские летописи, в которых часто встречается этноним «ясы»[13,с.189]. Известны совместные походы русов и алан в Закавказье. Так, в 1032 г. русы в союзе с аланами совершили поход в Закавказье. Возглавлял поход царь аланов. Поход союзников на Ширван был неудачным. Несмотря на это политика Руси в Дербенте, Алании и Ширване свидетельствует о прочности занятых Русью позиций на Кавказе.

Предки чеченцев и ингушей контактировали со славянами в составе Хазарского каганата[14,с.14.]. В X в. чеченцы вели меновую торговлю с основанным в X в. в низовьях Дона славянским городом Белая Вежа, а также с Киевом и другими славянскими городами. Общение между кавказскими народами и славянами (русами) способствовало взаимообогащению их материальной и духовной культур. Изучая па-

мятник русской культуры XII в. «Слово о полку Игореве», Д.Д. Мальсагов пишет, что «взаимодействие между русским и северокавказскими народами и их языками было чрезвычайно интенсивным с древнейших времен, поэтому северокавказские языки и этнография этих народов могут дать ценные факты для понимания некоторых темных мест «Слова»[15,с.121]. Достоверно, что в Чечню и Ингушетию христианство проникало не только из Грузии, Армении, но и Юго-Восточной Европы. Христианское влияние, как считает Д.Д. Мальсагов, шло в горы Центрального Кавказа не только с юга, но и севера, от восточных славян[15,с.126].

В связях населения Кавказа со славянами (русами) значительную роль сыграло Тмутараканское княжество возникшее во второй половине X в. на Таманском полуострове и в низовьях реки Кубани. Появлению Тмутараканского княжества на Тамани предшествовала активность славян на Черном, Азовском и Каспийском морях[16,с.158]. «Повесть временных лет» впервые говорит о русской Тмутаракани в 80-х годах X в. (988 г.). Начало истории этого княжества связывают с походом князя Святослава Игоровича в 965 г. Святослав воевал и с касогами, обитавшими в Тмутаракани. Наряду с потомками хазаро-булгарских родов, основную массу населения Тмутаракани составляли адыги, известные в византийских источниках зихами, а в русских - касогами. Южными островами дельты Кубани зихи владели уже в середине X в., как об этом свидетельствует Константин Багрянородный, а к 70-м годам, после похода Святослава, приток зихских групп в окрестности Тмутаракани настолько усилился, что сюда из древнего зихского центра Никопсиса была перенесена епископская кафедра, которая одновременно была повышена в ранге и стала именоваться архиепископией «Матрахи или Зикхии». Тмутараканское княжество становится частью русских земель, лежащих далеко за пределами основной территории Киевской Руси. В Тмутаракани жили греки, славяне (русы), хазары, армяне, евреи, ясы, адыгейцы и др.[17,с.4-5] Народы Кавказа поддерживали разносторонние связи с населением этого княжества, о чем свидетельствуют русские летописи. Тмутараканское княжество контролировало не только Подонье и Кубань, но и Нижнюю Волгу. Это способствовало, активизации влияния русов на Каспийском море и позволило успешности их торговых сделок на Северном Кавказе и в Закавказье. Полагают, что русы попадали на Каспий по Кубани и Тереку, базируясь в Тмутаракани. На во-

стоке владения Тмутараканских князей простирались вглубь Кавказских гор.

Через Тмутаракань осуществлялись связи народов Кавказа с торговыми центрами Черноморья. В конце XII в. на юге и юго-востоке Русь теснили половцы, которые затрудняли торгово-экономические связи Руси с Причерноморьем. Это привело к утрате русских владений на Северном Кавказе, к потере Тмутараканского полуострова и части Крыма, захваченного Византией[18,с.195].

Взаимоотношения горцев Северного Кавказа и славян (русов) в период Тмутараканского княжества не ограничивались политическими и торговыми связями. Они оставили отчетливые следы и в области культуры народов Северо-Западного Кавказа. Тмутараканская Русь сыграла большую роль в распространении и поддержании христианства среди горцев. В могильниках и на поселениях Северо-Западного Кавказа найдены вещи славяно (руского) происхождения – металлические поясные пряжки, привески, кресты – тельники, серьги и др. [19,148].

Изложенный материал свидетельствует о связях населения Кавказа со славянами (русами) в раннем средневековье. Следует отметить также роль населения Кавказа в связях славян (русов) с восточными странами и народами, а также роль славян (русов) в связях кавказских народов с населением Юго- Восточной Европы. Взаимоотношения населения Кавказа со славянами (русами) развивались в сложной международной обстановке, в условиях соперничества крупных держав из-за влияния на Кавказе. Развитию связей мешали труднопроходимые пути, состояние транспортных средств, этническая пестрота, политическая раздробленность, частые нашествия кочевых племен. Несмотря на это, связи населения Кавказа со славянами (русами), Древнерусским государством в раннем средневековье служили фундаментом, на котором развивались русско-кавказские отношения в последующие периоды истории.

Примечания

1. Гаркави А.Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских (с начала VII в. до конца X в.) СПб., 1870. С. 79.

2. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI - IX вв.// Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шу-

шарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.С.21.

3. Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. Махачкала.,1987. С. 14.

4. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.,1965. С. 34.

5. Гасанов М.Р. Из истории русско- дагестанских взаимоотношений. Махачкала. 2010.С. 15.

6. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX - X вв. М., 1962. С. 23.

7. Бартольд В.В.Арабские известия о русах // В.В. Бартольд. Соч. т. III, ч. I. С. 825.

8. Кудрявцев А.А. Великий город на Каспии. Махачкала., 1982. С. 79-80.

9. Оболенский Д. Связи между Византией и Русью в XI - X вв. М.,1970. С. 21.

10. Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.). Баку., 1983. С. 76.

11. Якубовский А.Ю. Ибн Мискавейх. О походах русов в Берда'а в 943/4 г.// Византийский временник. М., 1926, t. XXIV. с. 37.

12. Буниятов З.М. Азербайджан в VII- IX вв. Баку., 1965. С. 154.

13. Гаглойти Ю.С.Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.,1966. С. 189.

14. Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный., 1975.С.14.

15. Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, т.I, вып.2. Грозный., 1959, с. 121.

16. Гасанов М.Р. Дагестан и народы Кавказа в V-XV вв. Махачкала. 2008.С. 158

17. Бетрозов Р.Ж. Этническая история адыгов. Нальчик., 1996.С. 186; Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик., 1994.С. 4-5.

18. Гасанов М.Р., Султанбеков Р.М., Ибрагимов И.Г., Магомедова Э.М. К истории связей Кавказа и Юга России в древности и раннем средневековье.Махачкала., 2013.С.195.

19. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.С. 148.

Кринко Е.Ф.
.и.н., заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

СОВРЕМЕННОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVII–XX ВВ.[1]

В последние три столетия Северный Кавказ не раз превращался в зону интенсивных боевых действий в ходе многочисленных войн и вооруженных конфликтов. Первоначально это были преимущественно войны за утверждение влияния здесь Российской империи, главными противниками которой являлись Османская империя и Персия. В ходе Крымской войны (1853–1856) против России выступила целая коалиция европейских государств, а окончательное присоединение региона произошло уже после Кавказской войны (1817–1864), существенно изменившей его этносоциальный состав и хозяйственное развитие. Значительным потрясением стали войны XX в.: если линии фронтов Первой мировой (1914–1918) проходили в непосредственной близости от данного региона, лишь на завершающем этапе захватив и его, то во время Гражданской (1918–1920) и Великой Отечественной (1941–1945) войн сражения здесь приобрели решающих характер, сопровождались огромными людскими потерями и материальными разрушениями. Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались новыми вооруженными столкновениями, а также многочисленными межэтническими конфликтами.

Вопросы военной истории Северного Кавказа XVIII–XX вв. давно и небезуспешно разрабатываются различными исследователями, представляющими разные научные школы, подходы и направления. В настоящее время данная проблематика исследуется сотрудниками десятков различных научно-исследовательских и научно-образовательных учреждений центра и региона. В первую очередь, необходимо отметить Институт российской истории, Институт всеобщей истории и Санкт-Петербургский институт истории РАН, Научно-исследовательский ин-

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Азово-Черноморско-Каспийский регион в условиях войн и вооруженных конфликтов конца XVII – начала XXI вв.: геостратегические и историко-антропологические аспекты» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблем развития полиэтнического макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

ститут (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, научно-исследовательские институты гуманитарной и социальной направленности Южного, Владикавказского, Кабардино-Балкарского и Дагестанского научных центров РАН, а также научно-исследовательские институты Республики Адыгеи и Карачаево-Черкесской Республики. Немаловажный вклад в ее изучение вносят Московский государственный университет, Московский государственный институт международных отношений (в котором создан специальный центр Кавказа и региональной безопасности), Южный федеральный университет и другие вузы Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Ставрополя, Нальчика, Владикавказа, Махачкалы, Майкопа, Черкесска, Армавира, Пятигорска и др.

Современный этап в разработке данной темы берет начало в 1990-е гг., а его наступление было обусловлено общими переменами в жизни страны, рассекречиванием архивных документов, появлением новых подходов. В содержательном отношении его отличает значительная открытость, расширение возможностей сотрудничества российских историков с зарубежными исследователями, издание и переиздание неизвестных или неопубликованных прежде в России трудов дореволюционных, советских, эмигрантских и зарубежных авторов.

Новизной отличаются и предлагаемые подходы к анализу войн и вооруженных конфликтов на Северном Кавказе в XVIII–XX вв. Нередко они рассматриваются в контексте межимперского соперничества «великих держав», получившего название «большой игры» [1]. Введение в научный оборот большого массива новых данных позволило исследователям предложить новые описания боевых действий в ходе Кавказской войны и их влияния на различные народы региона и его судьбу в целом [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и др.]. Новое прочтение получили причины Кавказской войны, объясняемые не стремлением России к агрессии, а процессом перехода горских обществ от патриархально-родовых отношений к раннефеодальным, классовым, породившим набеговую систему как особый способ жизнеобеспечения [9 и др.]. Однако эти идеи вызвали резкую критику со стороны других региональных авторов, выступающих с осуждением политики России на Кавказе. Ожесточенная дискуссия приобрела характер настоящей «Кавказской войны историографий» [10, с. 69]. Тем не менее, постепенно расширяется количество сторонников изучения социокультурных аспектов Кавказской войны, использования понятия фронтира применительно к югу России и других новых подходов [11, 12, 13 и др.]

В новых обобщающих трудах о Первой мировой войне утверждается представление о ней, как о глобальном вооруженном конфликте, охватившем различные сферы и вызванном сложным комплексом причин и противоречий. Историки анализируют особенности поведения человека в экстремальных условиях военного времени, общественные настроения и ценности эпохи, восприятие событий войны различными слоями, формирование образов противников и союзников [14, 15 и др.]. Находит отражение в историографии и роль казачества, а также народов Северного Кавказа и их отдельных представителей в Первой мировой войне [16, 17, 18 и др.].

Переоценке подвергаются события Гражданской войны. Переосмысливаются ее причины, подчеркивается трагизм «братоубийственного» характера войны. При этом, в отличие от предыдущего, советского этапа в развитии историографии, значительно больше внимания уделяется роли и составу антибольшевистских сил, прежде всего казачества и крестьянства, а также национально-государственных структур и образований на Северном Кавказе [19, 20, 21, 22, 23 и др.]. Внимание уделяется фронтовому быту и повседневной жизни участников боевых действий, роли личного фактора в событиях Гражданской войны [24 и др.].

Постепенно формируются новые подходы и в изучении боевых действий на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. В новых трудах переосмысливаются ход и итоги битвы за Кавказ, участия в них горских народов [25, 26, 27 и др.]. На основе рассекреченных архивных документов раскрыты особенности противостояния РККА и вермахта на туапсинском и новороссийском направлениях, роль «персидского коридора» в снабжении СССР по ленд-лизу [28, 29, 30 и др.].

В целом, за последние четверть века в изучении военной истории Северного Кавказа накоплен немалый опыт. Все большее распространение получает разработка проблем военной повседневности, в значительной степени определявшейся самими условиями боевых действий. Это позволяет считать одной из перспективных исследовательских задач анализ соотношения природного и социального фактора в войнах и вооруженных конфликтах на Северном Кавказе. Еще одним актуальным направлением современной историографии постепенно становится анализ их отражения в исторической памяти населения региона в тесной взаимосвязи с формированием и эволюцией мемориальной политики.

В то же анализ историографии проблемы свидетельствует об определенном дисбалансе в ее развитии, выражающемся в неравномерности в изучении отдельных сюжетов: часть из них постоянно находи-

лась в центре исследовательского внимания, другие долгое время оставались маргинальными, а третьи только становятся предметами специального анализа. Этот историографический дисбаланс является следствием ряда объективных и субъективных обстоятельств, прежде всего, господства определенных методологических принципов и подходов к изучению военной истории, задающих те или иные исследовательские приоритеты, а также самого диапазона возможностей историков, в том числе, связанного с имеющейся в их распоряжении источниковой базой. В данной связи очевидна необходимость консолидации исследователей проблемы в рамках единой организационной структуры или общественной ассоциации, позволившей координировать дальнейшие исследования.

Примечания

1. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.
2. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.
3. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005.
4. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства. Ростов-на-Дону, 2006.
5. Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX веке (до 1864 г.). Майкоп, 2007.
6. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня: последняя треть XVIII – первая половина XIX века. Грозный, 2009.
7. Гапуров Ш.А. Саралиева Л.Ш. Кабарда в кавказской политике России в первой четверти XIX века. Грозный, 2012.
8. Кидирниязов Д. С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013.
9. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
10. Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 69.
11. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000.
12. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2007.

13. Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015.

14. Первая мировая война: Пролог XX в. М., 1998.

15. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000.

16. Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998.

17. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвенья. Нальчик, 1999.

18. Иванов Р.Н.. Генерал-адъютант Его Величества. Сказание о Гуссейн-Хане Нахичеванском. М., 2006.

19. Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне 1917–1920. Ростов-на-Дону, 1992.

20. Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград, 1997.

21. Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997.

22. Почешхов, Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917–1920 гг.). Майкоп, 1998.

23. Черкасов А.А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии. Сочи, 2007.

24. Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2012.

25. Битва за Кавказ (1942–1943). М., 2002.

26. Януш С.В. Войсковые операции Советской Армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь, 2002.

27. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

28. Пятигорский Э.И. История – это то, что было… 1942. Туапсинская оборонительная операция. Хроника. Факты. Размышления, комментарии и версии краеведа. Туапсе, 1992.

29. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2012.

30. Юрина Т.И. Новороссийское противостояние: 1942–1943 гг. Краснодар, 2008.

Крючков И.В.
д.и.н., профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

ВОЕННОПЛЕННЫЕ СТРАН ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начале XX века Ставропольская губерния являлась одним из наиболее развитых аграрных регионов Российской империи. Поэтому в годы Первой мировой войны, в условиях обострения ситуации с продовольствием, экономическое значение Ставропольской губернии сильно возросло. Это и предопределило в условиях нехватки рабочих рук поставку военнопленных – подданных Австро-Венгрии, Германии и Османской империи в качестве рабочей силы в губернию. По самым скромным подсчетам в первой половине 1915 г. экономике губернии не хватало более 60 тыс. чел.

Первые военнопленные в Ставрополе появляются 15 сентября 1914 г. Однако после объявления Османской империей войны Россия губерния включается в военную зону, куда запрещалось ввозить военнопленных. Данный факт не остановил губернские власти, которые постоянно требовали от Петрограда направления на Ставрополье военнопленных в качестве рабочей силы, угрожая в противном случае срывом уборки урожая. В середине июня 1915 г. в губернию прибывают первые партии военнопленных, предназначенных для хозяйственных нужд губернии общей численностью в 5169 чел. [10, с.3]. О национальном составе военнопленных можно судить по следующим данным. Так, группа из 420 пленных, прибывших в Ставрополь 16 июля 1915 года включала: 111 венгров (мадьяр), 116 русин, 110 румын, 16 чехов, 41 австро-немец, 16 поляков [8, с.2]. Общая численность военнопленных в губернии на 1 ноября 1916 г. составила 19138 чел., в том числе 4186 солдат армии Османской империи [4, л.3].

Пленные в большинстве случаев не распределялись по отдельным селам и хозяйствам по национальному признаку. Это, как правило, был смешенный состав, в одном хозяйстве трудились представители разных национальностей, в том числе славяне, венгры, немцы, хотя власти требовали отделить всех славян от немцев и венгров. В 1915 г. – начале 1916 г. военнопленные за свой труд получали 10 руб. в месяц, из них

5 руб. выдавалось на руки пленным, а остальная часть переводилась земству на содержание пленных.

Большинство военнопленных направлялось в крестьянские семьи Ставрополья. В губернии уровень жизни крестьян был довольно высоким, в сравнении, что благоприятно сказывалось на питании военнопленных.

Кроме уездов военнопленных направили в губернскую столицу – г. Ставрополь. В начале 1917 г. в городе трудилось 385 чел. (328 из Австро-Венгрии, 33 чел. из Османской империи, 24 чел. из Германии) [2, л.193]. Пленные, находившиеся под контролем городской управы, имели четко фиксированный рабочий день с 6.00 до 18.00 с перерывом с 12.00 до 14.00.

В 1915 – первой половине 1916 гг. пленные в Ставрополе получали, за редким исключением все необходимое для жизни, о чем свидетельствует целый ряд документов, в частности, сохранившиеся расписки пленных о получении вещей [5, л.17].

В манеже и в большинстве других помещений города условия содержания пленных выглядели вполне удовлетворительно. Однако в обращении, поданном в августе 1915 г. группа пленных жаловалась на тяжелые бытовые условия своего содержания [6, л.13]. В таких случаях власти города постоянно сетовали не нехватку средств на обустройство быта пленных. Правда, это не совсем соответствовало действительности, если учесть, что пленные перечисляли часть своих заработанных средств в специальный фонд. В среднем один военнопленный городу обходился в 49,1 коп. в день [2, л.42].

Выходя за рамки Ставрополя, следует подчеркнуть, что при составлении смет расходов на содержание военнопленных наблюдались по уездам значительные расхождения. Некоторые уезды (Александровский) стремились экономить средства, приобретая только самое необходимое, зачастую это негативно сказывалось на содержании пленных. Другие (Святокрестовский), наоборот, закладывали значительные суммы расходов на содержание пленных. Так, например, Александровский уезд в последнем квартале 1915 г. на приобретение одежды и обуви выделил в среднем по 8 руб. на чел., а Святокрестовский на эти же цели ассигновал по 71 руб. [1, л.44,48]. Данные затраты являлись вполне обоснованными, так как зачастую одежда и обувь прибывавших пленных находились в отвратительном состоянии, поэтому местным властям приходилось выделять внушительные средства на приобретение и починку обмундирования пленных. При распределении пленных, уезды

стремились получить тех из них, у которых одежда и обувь находились в удовлетворительном состоянии.

В условиях нарастания экономического кризиса в России и на Ставрополье снабжать пленных одеждой и обувью становилось все сложнее. Земства имели денежные средства, но за них в условиях дефицита трудно было приобрести необходимые для пленных вещи. Ставропольской земской управе осенью 1916 г. не удалось приобрести кожу для ремонта обуви пленных, теплые шапки и рукавицы [2, л.123-125].

О повседневной жизни военнопленных, к сожалению, имеются весьма отрывочные сведения. Значительная часть военнопленных в сельской местности проживала в жилых помещениях вместе с хозяевами. Спецификой Ставрополья являлось наличие летних кухонь, которые быстро приспосабливались для проживания военнопленных, особенно на хуторах. В хозяйственных постройках военнопленные жили довольно редко и то в основном в осенне-летний период, с началом холодов пленные переводились в другие помещения. На селе ритм и распорядок жизни военнопленных полностью подчинялся графику проведения сельскохозяйственных работ.

В Ставрополе военнопленные так же имели определенную свободу действий. Они могли находиться в городе до 19.00-20.00, посещать большинство общественных мест, свободно общаться с местными жителями. Особое внимание российскими властями обращалось на создание военнопленным нормальных условий для исполнения религиозных обрядов. Православные и униаты без препятствий посещали церкви Ставрополя и сел губернии, католики городской костел, евреи синагогу губернского центра. Представители других вероисповеданий обеспечивались местом для совершения религиозных обрядов. Губернская управа без всяких индивидуальных обращений с 1916 г. разрешила военнопленным праздновать Рождество и новый год по европейскому стилю на территории всей губернии, заранее поставив в известность работодателей. Пленным разрешали не работать и на другие религиозные праздники, но без выплаты жалования за эти дни, кроме случаев, оговоренных инструкциями [3, л.30].

Военнопленные страдали от нерегулярности поступления писем с родины. Поэтому от них постоянно шли жалобы на перебои получения корреспонденции и денежных переводов с родины. Но ставропольские власти отрицали свою вину в этом, утверждая, что они передавали пленным все, что поступало на территорию губернии [3, л.29].

Серьезной проблемой для военнопленных стала организация досуга. В основном он сводился к игре в карты, бесконечным беседам о перспективах войны, своем прошлом и будущем, распитию спиртных напитков. Однако примеры пьянства среди пленных являлись редким явлением. Многие военнопленные жаловались на отсутствие на Ставрополье хорошего вина и пива, без которых они не представляли себе нормальный досуг [7, с.3]. Острой проблемой для военнопленных являлось отсутствие книг и периодических изданий на родном языке, хотя доставка соответствующих изданий, вышедших до 1913 г. не была официально запрошена, печатных изданий для военнопленных на Ставрополье катастрофически не хватало.

Серьезной проблемой для региональных и центральных властей становятся взаимоотношения военнопленных с местными женщинами. Такого рода факты привели к появлению от военнопленных незаконнорожденных детей. В этих условиях в октябре 1915 г. МВД России разрешило браки русских женщин с военнопленными [11, с.3]. На Ставрополье фиксируется несколько десятков браков военнопленных с местными женщинами.

В 1916 г. возникает проблема содержания военнопленных в некоторых хуторских хозяйствах. Военнопленные в целом предпочитали трудиться в крестьянских, а не в хуторских хозяйствах, так как в хуторах интенсивность труда была значительно выше. К тому же на хуторе пленные жили под строгим надзором, от них требовали соблюдения субординации и дисциплины, и пленные не имели практически ни каких развлечений. В то время как в селе пленные жили относительно вольготно. К тому же пленным в селе было легче организовать свой досуг. «К довершению всего очень высоко ценится у пленных дамское общество, среди которого они в деревне пользуются вниманием под час даже неумеренным», - отмечал урядник с.Спицевское [12, с.3].

В целом примеры жесткого отношения к военнопленным на Ставрополье являлись исключением из общей практики. Незначительное количество побегов военнопленных от своих хозяев как раз об этом свидетельствует. Сбежавшие военнопленные сразу добирались до ближайшей земской управы и сдавались властям. В 1915 г. регистрируется только один случай побега пленного за пределы губернии [9, с.2]. Следует подчеркнуть, что общественность и пресса губернии внимательно следили за положением пленных. Ставропольчане постоянно обращали внимание властей через прессу и заявления в официальные инстанции на бедственное положение некоторых пленных.

Таким образом, на территории Ставропольской губернии оказалось в годы Первой мировой войны несколько тысяч военнопленных, людей различной национальности (венгры (мадьяры), словаки, итальянцы, словенцы, сербы, русины (украинцы), хорваты, немцы, румыны, евреи, турки). К маю 1917 г. в губернии находилось более 22 тыс. военнопленных. Условия труда и содержания военнопленных в губернии выгодно отличались от условий их содержания в Сибири, в Средней Азии и в промышленных регионах. Повседневность военнопленных на Ставрополье интегрировала довоенный жизненный уклад военнопленных и те реалии, в которых они оказались на территории губернии. Некоторые льготы в России получили военнопленные славяне. Однако на практике не существовало четкой границы в содержании военнопленных славян и представителей других народов. На Ставрополье отсутствовал мощный административный аппарат, который мог следить за исполнением установленных правил содержания военнопленных, поэтому все нормы и практики содержания пленных формировал локальный мир сельских обществ Ставропольской губернии, имевший собственные представления об условиях содержания военнопленных, и сочетавший элементы быта традиционной крестьянской семьи и патернализм.

Примечания

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.67. Ставропольское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп.1. Д.197.

2. ГАСК Ф.96. Ставропольская губернская управа. Оп.2. Д.3150.

3. ГАСК. Ф.96. Ставропольская губернская управа. Оп.2. Д.3171.

4. ГАСК. Ф.311. Ставропольская губернская земская управа. Оп.1. Д.503.

5. ГАСК. Ф.311. Ставропольская губернская земская управа. Оп.1. Д.1753.

6. ГАСК. Ф.314.Уездная земская управа Ставропольской губернии. Оп.1. Д.102.

7. Северокавказский край. 1915. №120.

8. Северокавказский край. 1915. №145.

9. Северокавказский край. 1915. №189.

10. Северокавказский край. 1915. №217.

11. Северокавказский край. 1915. №224.

12. Северокавказский край. 1916. №131.

Шеуджен Э.А.
д.и.н., профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета (Майкоп)

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ: ПРОБЛЕМА «УДРЕВЛЕНИЯ» РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Вопрос становления русско-кавказских отношений при всей своей многофакторности имеет особый историографический аспект лежащий в русле интеллектуальной истории, связанный с поисками «начала» российской истории. В целом подобный подход, не нов: многие народы Европы, не имея фиксированных документальных свидетельств отдаленного исторического прошлого, стремились найти «начало» своей истории в сочинениях античных авторов, отодвигая временные границы «назад», в глубины веков.

При реконструкции прошлого народов особый смысл приобретает вопрос о времени его появления на исторической арене и степени известности. Первые неясные сведения о территории Северо-Западного Кавказа содержатся в эпических поэмах «Илиада» и «Одиссея» Гомера (IX-VIII вв. до н.э.). Силой поэтического воображения Гомер создал таинственную картину этой земли, завораживающую и манящую, во многом до конца «нерасшифрованную» [1,2,135].

Эти описания во многом определили интерес античных авторов к данному региону. Так, Геродот (V в. до н. э.) в своем главном труде «История» подробно представил географию, климат, образ жизни, бытовые и религиозные обычаи населяющих эту территорию народов. Им были предприняты серьезные усилия, направленные на описание географии их расселения, миграций, военных походов, используя систему «привязок» к географическим ориентирам: Кавказские горы, Боспор Киммерийский, Таманский полуостров, озеро Меотида. Благодаря его труду сложилось представление об этнической «пестроте» региона: «Много разных племен обитает на Кавказе» [2, 1, 203].

Античными авторами хорошо осознавались трудности познания этого «другого мира»: географическое положение на «краю» («севернее людей нет»), этническая «пестрота», зачастую малопонятный образ жизни, воинственность. В V–IV вв. до н. э. сведения о народах региона заметно расширились благодаря возникновению Боспорского царства, объединившего несколько греческих городов и варварскую периферию.

По мнению ряда исследователей, именно под влиянием Боспорского царства у синдов уже в середине V в. возникает государство: «в Синдской области есть место Горгиппия – столица синдов, недалеко от моря…»[3, 179].

Перед боспорскими царями стояла сложная задача «покорить все племена, окружающие Понт». По-видимому, присоединение аборигенных племен скорее было формальным, чем фактическим. Однако названия племен синдов, меотов, дандариев сохранялись в титулатурах боспорских царей. Важным является вопрос об уровне контактности и взаимовлияния античного и варварского миров. Интересные сведения об отношениях правителей Боспорского царства с местным населением вошли в «Историческую библиотеку» Диодора Сицилийского (I в. до н.э.). Он сообщает, что в борьбе за власть цари Боспора вступали в «дружеские отношения» с соседними варварскими народами, отряды которых были способны противостоять тысячам греческих наемников [3, 54].

Если судить по комплексу дошедших до нас источников, в регионе веками параллельно, лишь иногда пересекаясь, существовало два мира – эллинов и варваров. Популярность трудов античных авторов способствовала закреплению представлений о «варварском мире» этого региона как о древнем, динамичном, активном сообществе народов, утверждавшихся на исторической арене. Вплоть до наших дней авторы обращаясь к истории народов Северного Кавказа, пытались прокомментировать приводимые свидетельства, нередко подвергая их сомнению, но очарованные силой создаваемых образов, неизменно к ним вновь и вновь обращались.

По мере развития российской государственности и имперских притязаний принципиально важным стало «удревнить» историю России, «вписав» ее в пеструю панораму античных свидетельств. Несмотря на понимание того, что «современники Гомеровы» имели «ложное понятие» о северо-восточной окраине известного тогда мира было найдено «начало», область опосредованных контактов с античным миром (Кавказ, Меотисское море, Боспор и т.п). «Только в повествованиях греков и римлян, – утверждал Н.М. Карамзин, – сохранились известия о нашем древнем отечестве» [4, 1, 51].

Все народы, упомянутые в сочинениях античных авторов, стали представать как «жители или соседи древней Руси», «обитатели южной России». Обращаясь к характеристике народов, населяющих в прошлом «нынешние кавказские страны России», Н.М. Карамзин пишет о скифах и сарматах, делая в ходе рассуждений на эту тему весьма своеобразное заключение о существовании «Скифии российской» – «необозримой равнины, гладкой и безлесной» [4, 1, 54].

Эти экстраполяции, как и многие другие подобного рода, отражали упорное стремление «вписать» древнюю историю Руси не только в другое историческое время, но и другое историческое пространство. Создавалось представление о непосредственной границе Руси с Причерноморьем и Северным Кавказом. При этом в должной степени не учитывалась что «местом встречи» славянских и кавказских народов стала огромная буферная зона, привольные степи, находившиеся под контролем кочевых народов», воспринимаемая как «ничья земля» (Terra nullius) [5, 57]. Шла постоянная ожесточенная борьба за сферы влияния. При обращении летописцев к конкретным историческим событиям, описываются конфликты и военные столкновения не только между славянами и народами этого региона, но и между группировками славян и разными этническими объединениями на Северном Кавказе. Утверждались более сложные формы взаимодействия народов: войны, захват территорий, изменения границ обитания, переселения, союзы.

Первые сведения о народах Северо-Западного Кавказа вошли в русские источники IX-XII вв. В значительной степени интерес к этому региону был обусловлен образованием на Таманском полуострове Тмутараканского княжества. «Его владыки очень сильны, мужественны, благоразумны и решительны. Их почитают за смелость и господство над соседями» [6, 61-71]. О Тмутаракани современники писали как о древнем городе: «вечный город, существующий с незапамятных времен, и неизвестно, кто его построил»; крупном, торговом центре «с множеством жителей, с процветающими областями», где есть виноградники и обработанные поля. В городе имелись рынки и ярмарки, на которые съезжались купцы из разных стран. На территории княжества обитали разные народы: русы, касоги, греки, хазары, аланы, армяне. Столица княжества Тмутаракань считалась крупным, по масштабам Средневековья, торговым и культурным центром, связывающим население Северо-Западного Кавказа с Русью, Византией и другими странами.

Свидетельства об этом периоде русско-адыгских отношений вошли в «Повесть временных лет». Вполне обоснованно считается, что это – один из древнейших летописных сводов, охватывающий большой период с древнейших времен до начала второго десятилетия XII века. Начиная повествование, как было принято в средневековой историографии, с библейских сюжетов, летописец отмечает, что одному из сыновей Ноя Иафету, ставшему родоначальником яфетических народов, отождествляемых с индоевропейцами, достались страны, в том числе Меотида, Древняя Сарматия, Скифия, а в качестве географических ориентиров упоминаются Понтийское море и Кавказские горы.

В летописи были зафиксированы факты участия касогов (так русские называли адыгов Прикубанья) в военных походах русов. В частности, в 1023 и в 1024 годах касоги приняли участие в борьбе Мстислава с Ярославом Мудрым за право «сесть» на престол в Киеве[7, 202 - 203]. К сожалению, до нас дошли весьма скупые сведения, дающие лишь фрагментарное представление о начальном этапе отношений русов и адыгов. Пожалуй, одно бесспорно: опыт первых контактов закладывался именно в эти удаленные в прошлое века.

В известном смысле эти представления поддерживали «имперскую идею», обосновывая право России на эту территорию, с древнейших времен заселенную «варварскими народами». В принципе это достаточно типичное явление: историческое самосознание народа, формирующееся интеллектуальной элитой, как правило, направлено на выявление «реальных» истоков своих народов, желательно их родства с миром цивилизации, и пренебрежительного отношения к аборигенным народам.

Однако нельзя не подчеркнуть, что стремление обосновать «историческое право» России на «южные» территории, приводило к серьезному нарушению хронологии, «совмещению» событий разного времени, явственно выраженному анахронизму при соотнесении античных свидетельств с историей России. Историки в известном смысле оказались в замкнутом круге античных первоисточников, создав исследовательский прецедент: этими данными при реконструкции начального периода отечественной истории фактически пользовались все русские историки (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др.). Впрочем, как и современные историки, конечно с учетом состояния научной критики источников.

Примечания

1. Гомер. Илиада. Одиссея. В 2 т. М.: Терра, 1998.

2. Геродот. История. В 9 кн. Кн. 1. М.: Ольма-Пресс, 2004.

3. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д.: Русская энциклопедия, 1990.

4. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. В 4 кн. М.: Феникс,1998.

5. Соловьев М.М. История России с древнейших времен. Сочинения. В 18 т. М.: Наука, 1988.

6. Коновалова И.Г. Тмутаракань в XII - XIV вв. (по данным арабских источников) // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М.: РАН, 1995.

7. Повесть временных лет. СПб., Наука, 1996.

Черноус В.В.
к.полит.н., профессор Института социологии и регионоведения ЮФУ, с.н.с. ЧКРИАЦ РИСИ,

Калмыкова А.Р.
аспирантка кафедры философии Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик),

Тхагапсоев Х.Г.
д.ф.н., профессор Кабардино-Балкарского университета (Нальчик)

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ МЕТОДОЛОГИИ ЭТНОЦЕНТРИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ

Политизированность и паранаучность кавказоведческих исслелований в постсоветский период, конфликтогенный характер этнических историко-культурологических исследований вызвали критику со стороны профессионального сообщества ученых еще в 90-е гг. XX в. [1], но как показали Форумы историков-квказоведов [2, 3], прошедшие в 2013 и 2014 гг. ситуация мало изменилась.

На наш взгляд, это проблема не только российского кавказоведения, но и кавказоведения в целом.

Современный глобализирующийся и непрерывно усложняющийся мир все чаще воспринимается и трактуется как «общество рисков» [4]. При этом принято многообразие бытующих рисков, а также причины и факторы их появления соотносить главным образом с техногенной, экономической, и политико-управленческой формами деятельности человека. Однако, как свидетельствуют факты, к числу рискованных относится и познавательная деятельность, в частности - исследования этносоциальных феноменов, отношений. Уточним сразу: речь идет не о явных и скрытых противоречиях и трениях, которые, как известно, являются органичным аспектом социальных отношений и процессов (требуя корректного проявления, деликатного описания, осторожного прогнозирования возможных тенденций развития и тонкого регулирования), а о конфликтах, которые, привносятся в общество в процессах исторических и этнологических исследований и интерпретаций. Их основной ис-

точник, как нетрудно понять - изъяны методологии этнологических исследований, особенно - в сфере этнической историографии.

Заметим, речь идет не о неких нюансах-пожеланиях к методологии этнической историографии, что всегда было и, видимо, будет предметом дискуссий, а о базовых элементах методологии этнической историографии, в частности и этнологии - в целом. О чем идет речь?

Внешне (в артикуляциях, текстах) все выглядит «как надо»: этнологические исследования базируются на современной методологии, они апеллируют к идеям и принципами системного подхода, междисциплинарности, синергетической парадигмы; в них используется эвристический и интерпретационный потенциал идентичности. Однако при ближайшем рассмотрении все это оказывается «модной упаковкой» познавательных стратегий и интерпретаций, которые по существу не отвечают критериям научности. Дело в том, что в методологических стратегиях, о которых идет речь, объект по имени «этнос» (его идентичность с учетом универсальных и специфических черт объекта) сформулирован и представлен, скажем так, весьма своеобразно. А именно: здесь этнос, что называется «по умолчанию», наделяется универсальными свойствами некоей закрытой системы, которая практически не сопряжена с окружающими социальными системами большей масштабности и сложности, т.е. с суперэтносами и цивилизациями, а тем более- с глобальным культурно-историческим бытием. Так в методологию исследования изначально вводится постулат «этнос в героическом одиночестве творит историю» - с вытекающими последствиями. Так, в рамках подобной методологии чуть ли ни базовой нормой является отождествление «истории места»(региона) лишь только с этнической историей, что с неизбежностью редуцирует все многообразие аспектов и граней культурно-исторического процесса «в данном месте» к генезису доминантного «субъекта места» т.е. какого-либо этноса, его социально-культурного бытия. При опоре на такую методологическую оптику региональная историография ориентируется и центрируется главным образом (если не исключительно) на единично-уникальное (т.е. этническое) в ущерб общему (социально-историческому, цивилизационному); замыкается на идиографичное в ущерб номотетическому (закономерному) и довольствуется описательностью в ущерб объяснительности [5].

К изложенному надо добавить еще одно немаловажное обстоятельство- природа этноса в рамках рассматриваемой методологии трактуется только в ключе примордиализма.

Серьезные издержки этой методологической культуры (она в литературе чаще всего определяется как «этноцентризм» или «этнодетерминизм»), возобладавшей в силу известных причин в начале 90-х годов минувшего века, уже не раз становились предметом обеспокоенного анализа кавказоведов. Как отмечал известный археолог В.А. Кузнецов: «На наших глазах история становится фактически идеологией, причем иррациональной и питаемой мифологическим восприятием прошлого, что порождает беспочвенные иллюзии в настоящем» [6]. В результате единое социокультурное пространство сегментируется, легитимизируя сепаратизм и экстремизм [7]. Однако она по-прежнему продолжает доминировать не только в сфере региональной историографии, но и шире - на арене всех этнологических наук, выдвигая на повестку дня вопрос о методологических путях ее преодоления. Дело в том, что методология «этноцентризма» заряжена конфликтогенным потенциалом - едва ли ни всюду и каждодневно мы наблюдаем факты провоцирования взаимных недовольств этнических сообществ и групп, межэтнических трений и даже системно (политически) оформленных конфликтов, порождаемых и подпитываемых именно дискурсами этнической историографии. Но почему-то подобные конфликты не соотносятся с методами этноисториографической науки и с ее конфликтогенным потенциалом, а списываются на «субъективный фактор» - на предвзятость, на политические пристрастия авторов.

Но самое главное заключается в том, что в рамках методологии этноцентризма соотнесение региональной истории(а точнее- истории того или иного этноса) с общим (мировым) историческим потоком носит весьма условный и относительный характер- фоновый и «факультативный», поскольку мировой исторический процесс здесь предстает не иначе как «отдаленные перипетии» крупных форм цивилизации (Восточной, Западной, аграрной, индустриальной, постиндустриальной и т.д.), к которым региональное историческое бытие якобы имеет лишь косвенное, событийно-эпизодические отношения. В итоге получается так, что во взаимном отчуждении сосуществуют «две истории», два исторических потока и пространства: история генезиса какого-либо конкретного этноса и общемировая, к которой регионально-историческое бытие, якобы имеет, подчеркнем еще раз, лишь отдаленное, косвенное, эпизодическое, «рикошетное» отношение. Так ныне широко бытующая методологическая стратегия этнологии фактически изолирует этнические истории от всемирной- в разрез с реальными фактами, а этноисториографию превращает в некий «сеанс интроспекции» этноса, в котором этнос предстает как «Робинзон», единственный обитатель острова.

А между тем, современная неклассическая методология истории оперирует идеями, методами и концептами совсем иного уровня и порядка. В их числе и методология синтеза макроисторических парадигм, ориентирующая историческое познание, прежде всего, на осмысление социальной онтологии и структуры мирового исторического бытия на основе большого спектра типов и форм социальных целостностей(в числе которых: племя, чифдом, ном, полис, локальная цивилизация и т.д.) и их параметрических изменений во времени и пространстве, что просто не оставляет места для взаимной отчужденности и «параллелизма» пространств региональной (этнической) и мировой историй.

Ключевая идея этой методологии заключается в необходимости объединения (синтеза) известных макротеорий общества и истории: формационной теории, цивилизационного подхода и концепций социальной мироцелостности [8]. При этом синтез указанных макротеорий(научных парадигм) осуществляется на основе формализованной и детально структурированной онтологии, в рамках которой социально-историческое бытие подразделяется на четыре крупные сферы: социосферу, культуросферу, психосферу и экотехносферу. При этом каждая из указанных сфер онтологического пространства истории наделяется сложной внутренней структурой, элементы которой описываются в таких мерах (категориях) как «подпространство», «фаза»(«фазовое пространство», «фазовый элемент исторического пространства»), «стадия развития» и т.д. В частности, структура социосферы в данном случае включает два подпространства: «социальное» и «социетальное». В свою очередь структура социетального подпространства распадается на ряд фазовых пространств или на ряд фаз (т.е. заключает в себе набор множества «фаз»). При этом различные авторы насчитывают до 8 подобных «фаз состояния исторического бытия», а именно: «первобытная», «первобытно- общинная», «раннее средневековье», «имперская древность», «средневековье», «постсредневековье», «капитализм, «посткапиталистическая эпоха» [9]. И каждая из указанных фаз(эпох) исторического бытия (исторического пространства) образуется как результат взаимного влияния элементов всех сфер исторического бытия - экотехносферы, культуросферы, психосферы и социосферы на определенном этапе истории. Таким образом, в рамках данной методологии, т.е. методологии синтеза макроисторических парадигм, исторический процесс предстает как нечто единое и целостное, как развертка времени(«движение времени») в фазовом пространстве мирового исторического бытия. Именно формирование, чередование и взаимовлияние фазовых пространств (в

том числе регрессивно-возвратного характера) и составляют суть мирового исторического процесса.

Но самое главное заключается в том, что формирование того или иного фазового пространства, происходит на основе конкретных форм социальной общности (целостности), выполняющих роль аттрактора.

В итоге в рамках рассматриваемой методологической модели история каждого этноса предстает по сути как обособленное историко-героическое бытие, фактически превращая историю, с одной стороны, в апологию «древнейшего и высокого происхождения этноса, с другой- в уникальную цепь трагедий и несправедливостей, навязанных этносу извне, выводя этническое бытие и этносоциальные отношения прежде всего на конфликтные позиции «исторического счета» к окружающим субъектам (этносам) социально-исторического процесса.

Все это, легко просматривается не только на примерах ныне печально известного «украинского дискурса», но и в научной и социально- политической жизни кавказских(и не только кавказских) республик. В итоге получается так, что дискурсы, выстраиваемые в ключе широко бытующей ныне методологической парадигмы «этноцентризма», пробуждают (вызывают к жизни) едва ли ни во всех весях многоэтничной России (прежде всего на Северном Кавказе) «когнитивные конфликты»-как вследствие столкновения исторических идей, подходов, выводов и интерпретаций с ментальными установками, преобладающими(или преобладавшими доселе) в обществе, что так или иначе трансформируется в групповые и социально-групповые конфликты. Именно так проявляется риски, сопряженные с интерпретациями этноисторических процессов и этно-социальных отношений, а точнее - конфликтогенность, ныне стоящих за этим методологий.

Известно, что социальные риски могут быть сведены к минимуму с помощью различных приемов и стратегий действия. В данном случае, полагаем, подобные действия возможны по меньшей мере в трех направлениях. Первое - это базирование этнической историографии на концепциях макроисторических парадигм, что автоматически выводит этноисторический процесс в общее пространство мировой цивилизационной истории, погружая его в сеть многообразных, сложных и противоречивых связей-отношений и не оставляя, таким образом, места как для уникализации/героизации отдельно взятого этноса, так и и противопоставления «этнических историй» историям более крупных социальных общностей(цивилизаций, локальных цивилизаций).

Второе направление действий в данном случае, полагаем, может строиться на корректном учете реальной природы этноса. Ведь этнос-

социоприродный феномен и включает в себя не только социальное, но также «природное» и психическое. Если стать на эту позицию, этнос оказывается в ряду «человекоразмерных» объектов, в которых воедино слиты природное, социальное, ментальное, виртуальное (субъективное). А значит - и познание (исследование) в данном случае должно строиться по соответствующей стратегии. В частности, на первый план познавательной стратегии должна быть вынесена «проблема пределов, форм и границ развертывания познания» человеко-размерного объекта, за которыми возможны нежелательные последствия: риски, конфликты, катастрофы [10].

Однако, как показывает практика, наиболее надежной формой предотвращения социальных рисков является управление (управленческое воздействие), что, вероятно, должно быть распространено и на процесс исследования этносоциальных отношений (историографии, прежде всего). Разумеется, речь не идет и не может идти об административном вмешательстве, ограничительно –запретительных механизмах. Однако этика науки и ее регулятивные нормы здесь должны действовать императивно [11]. Например, если мы признаем, что формирование российской гражданско-политической идентичности имеет для всех россиян (независимо от их нынешней этнической и культурной принадлежности) экзистенциальную значимость, не возникает ли этическое долженствование «не нанесения» вреда этому процессу? Ведь социально-психологические и политические издержки (в пределе - возможные исторические последствия) рискованных и конфликтогенных дискурсов в сфере этносоциальных процессов/отношений так велики и опасны, что здесь вполне уместны и некие формы управляющего воздействия. Например, воздействие через механизм независимого академического рецензирования научной продукции по тематике этносоциальных исследований, а также лицензирования издательской деятельности в этой сфере.

В частности, выходом из ныне существующей ситуации «брошенного» и конфликтогенного существования этнологических наук вне общего и единого научно-образовательного пространства страны могла бы стать государственная политика их курирования Федеральными университетами и Российской академией наук, исключающая превращение этноисториографии (этнологии) «прикладной теорией» национализма, экстремизма и межэтнических конфликтов.

Понятно, что эта политика должна быть комплексной, включать не только финансирование, но и теоретико-методологическое сопровождение и издательское обеспечение. А пока этнологическая наука в регионах остается не только вне единого пространства научно-образовательной политики, но и вне поля рефлексии этики науки, являя

собой весьма своеобразный «остров свободы без ответственности, творчества без правил, науки без должной методологии», с вытекающими оттуда опасными последствиями.

Примечания

1. Шнирельман В.А. Злоключение одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3; Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание. Пятигорск. 1998 и др.
2. Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: МАРТ, 2013. – 244 с.
3. Материалы II Международного форума историков-кавказоведов (15-16 октября 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во Фонд науки и образования, 2014. – 208 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 384 с.
5. Тхагапсоев Х.Г. К особенностям социального бытия современной России //Философские науки, 2007, №9, с. 48-66.
6. Кузнецов В.А. Исторические мифы и их место в общественно-исторической жизни Северного Кавказа сегодня // Материалы к научной конференции «Россия и Кавказ: история и современность». Владикавказ. 2004.
7. Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 1.
8. Розов Н.С. Структура социальной онтологии: по пути к синтезу макроисторических парадигм // Вопросы философии, 1999, № 2, С. 3-23.
9. Дьяконов И.М. Пути истории. М., «Наука», 1994, 288с.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. М., «Прогресс-Традиция», 744 с.
11. Черноус В.В. Этический кодекс кавказоведа: обоснование проекта // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д.: Изд-во Фонд науки и образования, 2014. С. 15-20.

Авдулов Н.С.
в.н.с. Южного федерального университета

ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ РОССИИ И КАВКАЗА

История многому учит, и прежде всего тех, кто в этом заинтересован. Уроки истории поучительны и актуальны. Естественно, в прошлом каждый ищет подтверждение своим представлениям и размышлениям, и находит то, что отвечает его запросам. Не случайно, родилась шутка о том, что прошлое непредсказуемо, так как оно интерпретируется повсякому, когда в нем смешиваются свет и тени, подлинная реальность и мифы о ней.

Центральной темой исторических исследований во все времена были и остаются взаимоотношения народов. Не исключением является история народов России и Кавказа. «В истории этих народов, как и всех народов мира, общие закономерности истории человечества проявлялись в национальном своеобразии, но никогда народы Северного Кавказа не были чем-то исключительным, изолированным. Уже начиная с глубокой древности, исторические судьбы народов Северного Кавказа и ряда других народов нашей страны соприкасались и переплетались между собой, происходило взаимодействие культур и традиций, скрещивались сложные этнические процессы, в ходе истории сдвигались племенные и территориальные границы» [1, с. 6-7]. Связи и сотрудничество народов постепенно расширялось и углублялось. Но этот процесс не был прямолинейными однонаправленным, был сложным, противоречивым, и порой трудным; отягощенным различными историческими обстоятельствами. При этом взаимодействие носило взаимообогащающий характер. «Для передовой русской культуры встреча с народами Кавказа отнюдь не исчерпывалась впечатлениями этнографического, экзотического или романтического характера. Напротив, эта встреча оказала глубокое неизгладимое и плодотворное влияние на передовую общественную мысль России, содействовала постановке крупных теоретических проблем, стимулировала движение, обогащала ин-

тернациональные связи» [2, с. 39]. Взаимоотношения между народами могут быть плодотворными в условиях взаимовыгодности не только в сфере культуры, но и в экономической и социальной сфере. Сложность, многосторонность связей и отношений между народами служит порой источником заблуждений, ошибок, откровенных фальсификаций в исторических описаниях того, что и как это было в прошлом. Иной раз отсутствует понимание важности, значимости достоверной информации о прошлом. В современных условиях существует и «реальность угрозы вторжения в историческую материю дилетантов, скорых на сенсационные разоблачения, упрощения и примитивные трактовки. Наконец, самое опасное – это зафиксированные попытки умышленного искажения истории ряда текущих, конъюнктурных задач» [3]. Нередко, одни и те же явления в межнациональных отношениях коренным образом меняют свою окраску, получают прямо противоположные оценки. Еще Л.Н. Толстой говорил о том, что ни одна истина не представляется одинаковой для всех. Каждый видит в одном и том же свое, понимает по-своему и строит свои отношения из собственных представлений и интересов. Происходит это чаще всего по конъюнктурным соображениям, в угоду тем или иным политическим установкам. «Единственной причиной изменения концептуальных подходов к трактовке тех или иных исторических событий всегда являлось, является и будет являться стремление решить те или иные текущие и будущие политические задач.

История в этом отношении, к сожалению, самая несчастная из гуманитарных наук. Она в максимальной степени подвержена попыткам бесконечной перелицовки и переписыванию со стороны всех властей во все времена» [4]. Преодоление таких тенденций в исторической науке требует от историков высокого профессионализма, методологической вооруженности и честной, мужественной позиции. «В истории бесспорны только факты, – утверждает председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин. – Все остальное, включая их оценку и аналитику, думаю, будет всегда поводом для научной дискуссии, конкуренции школ и концепций» [3].

Это верно. Но не полностью. Ведь, что такое факт, исторический факт? Если под историческим фактом понимать осмысленный фрагмент реальности прошлого, то такая осмысленность требует от историка определенной мировоззренческой позиции, владения понятийным и исследовательским инструментарием, глубокого знания и понимания источников и историографии изучаемого явления. Следовательно, при-

знание бесспорными только фактов носит общий и упрощенный подход. Прошлое никогда не бывает однозначным, оно включает множество самых разных фактов, которые могут говорить об одном и том же, но не одно и то же. Перед историком стоит задача охватить всю совокупность доступных фактов, проникнуть в их суть, в их смысл. Такой подход исключает заданность в подборе фактов, требует устанавливать связи между различными фактами, объяснять их природу и социальную направленность. Горьким упреком звучат слова ведущего российского архивиста А. Сорокина. «Люди, называющие себя историками, заслуживающей лучшего применения страстью отстаивают собственные теории, которые подчас построены на мифах и легендах, а не фактах. Это говорит о кризисе исторического сознания. Спорщиков не посещает очевидная мысль – обратиться к первоисточникам. Значит, что-то не в порядке, причем в общественном сознании в целом. В любых дебатах решающее слово должно быть за экспертами, профессионально разбирающимися в теме. У нас пока так получается не везде и не всегда» [5]. Историкам всегда приходится помнить об опасности превратить знания о прошлом в политический инструмент, поставить их на службу тех или иных политических целей.

«Сегодня нас захлестывают самые разные информационные потоки, некоторые из них вызывают отрицательные эмоции. Касается это и исторической памяти, – подчеркивает академик А. Чубарьян. – Она у каждого своя, поскольку прошлое – селективная тема: каждый помнит только то, что считает важным и дает этой выборке свою интерпретацию» [6]. Вся история отношений между народами на Кавказе учит тому, чтобы проявлять сдержанность, корректность, как в анализе, так и в оценках самых разных проявлений. «Когда мы пытаемся оценить со стороны, что хорошо и что плохо в других странах, надо делать это очень осторожно. Следует понимать, что история, география, культура, климат и множество других факторов делает невозможным единый рецепт, как построить хорошую жизнь в разных странах. Надо максимально тактично относиться к культурным, историческим самобытностям разных народов» [7].

Каждый народ нуждается в других народах, может учиться у них многому. Такие взаимоотношения обогащают, увеличивают созидательный потенциал каждого народа, расширяют возможности для улучшения жизни каждого человека. У каждого народа были и будут несовпадающие интересы с интересами других народов, которые можно

своевременно и умело примирить, а можно их обострить, превратить их в непримиримые, враждебные, со всеми вытекающими из этого тяжелыми последствиями для всех народов. Такие страницы в истории взаимоотношений народов на Кавказе имели место, и они должны послужить поучительным уроком для современных поколений. Этому призвана служить историческая наука. Не подливать «масло в огонь», не провоцировать непродуманными суждениями и призывами, что можно еще часто наблюдать сегодня. «Любые резкие телодвижения способны принести лишь вред. Наши люди опять засучат рукава и начнут хватать друг друга за грудки, выясняя, кто из них прав. И делать это будут при помощи не столько весомых, сколько увесистых аргументов. Слишком много еще болевых точек остается, которые мы не готовы воспринимать без излишней горячности и эмоциональности» [7].

В таких условиях от историка требуется взвешенность каждого слова, ответственность за каждое суждения о событиях прошлого. При этом упор предпочтительнее делать на те стороны взаимоотношений, в которых преобладают мир, согласие, сотрудничество, взаимопомощь, и тем самым расширять зону стабильности и процветания каждого народа. Для этого каждому народу у прошлого важно учиться слушать разные суждения, понимать разные позиции, находить способы преодоления барьеров недопонимания и глухоты. Историческая наука располагает яркими картинами дружелюбия народов, образцами высокой культуры межнационального общения, которая складывается на основе принципов равенства, свободы, справедливости и уважения. Культура межнационального общения предполагает ответственность каждого народа, каждого человека за свои поступки, за свои действия, за свои слова, за возможные последствия своего поведения. Этому обязана и может учить историческая наука. Будущее каждого народа во многом определяется характером, стилем, культурой отношений с другими народами. По словам В. Ключевского, история способна научить прежде всего сознанию самих себя, ясному взгляду на настоящее. Не зная и не понимая прошлого, вряд ли можно верно оценивать современную реальность, принимать выверенные решения.

Примечания

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца 18 века // М.: Наука. 1988. С. 6-7.

2. Жданов Ю.А // Кавказ и передовая русская культура. Сборник «Великий октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVIв. – 70-ые гг. XXв.) // Грозный. 1982. С. 39.

3. С. Нарышкин, интервью // И. Коц // Правда и мифы // Российская газета, 5 ноября 2015.

4. В. Мединский // Вперед в прошлое? // Российская газета, 23 октября 2015.

5. Интервью с А. Сорокиным // Тихий арсенал // Российская газета, 26 мая 2015.

6. Е. Новоселова // Красно-белое колесо // Российская газета, 27 октября 2015.

7. В. Нордвик // Никогда больше // Российская газета, 3 ноября 2015.

Аверьянов А.В.
к.и.н., доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, с.н.с. ЧКРИАЦ РИСИ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ НА ЮГЕ РОССИИ В 1920-1930-Е ГГ.

Смена парадигмы развития России после 1917 г. оказала огромное влияние на выстраиваемую большевиками стратегию межнациональных отношений. Становление новой социально-экономической и политической модели молодого советского государства обусловило кардинальные изменения в рамках формирования государственной национальной политики.

Особенно актуальной данная задача представлялась в полиэтничном южнороссийском регионе, который за непродолжительный период времени претерпел кардинальные изменения в области административно-территориального устройства, методов и средств управления, форм и содержания взаимодействия между представителями самых разных этнических групп.

Важным аспектом национальной политики большевиков в довоенных период стал комплекс мер в отношении масштабных волн внешней миграции, захлестнувшей Юг России после окончания Первой мировой войны и перекраивания политической и этноконфессиональной карты Ближнего и Среднего Востока.

Как на современном этапе, так и чуть менее ста лет назад переформатирование огромного геополитического пространства на территориях распавшихся Российской и Османской империй обусловило нарастание миграционных потоков, часть из которых устремилась на территорию современного Юга России.

В числе наиболее крупных этнических групп, следовавших на постоянное место жительство на Северный Кавказ, Кубань или Дон или транзитом через Юг России в Европу следует отметить армян, греков, ассирийцев, которые подвергались преследованию и гонениям со стороны турецких властей.

Советская власть ставила задачей скорейшую интеграцию переселенцев в местный социально-экономический ландшафт с учётом хозяйственных и демографических потребностей советского государства на

том или ином этапе его развития: от НЭПа до реализации политики индустриализации и коллективизации.

Формирование новой модели межнациональных отношений, основанной на стремлении скорейшего выравнивания хозяйственного и культурного уровня населяющих южнороссийский регион народов, определяло предоставление широких возможностей политического, культурного и административно-территориального характера целому ряду этнических групп в масштабах их компактного проживания.

Так, на территории Кубани и Дона в рамках Северо-Кавказского, а впоследствии Азово-Черноморского края были учреждены т.н. национальные области, районы и сельсоветы, которые должны были стать национальными очагами для армян, греков, немцев, ассирийцев, калмыков и других этносов Юга России. [1]

По мнению секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) А.И. Микояна, создание благоприятных условий для развития культуры, хозяйственных и социальных отношений некоторых народов региона позволило бы за краткий исторический период сформировать полноценные социалистические нации. [2, л.8]

Внешние мигранты были призваны сыграть важнейшую роль в процессе советского нациестроительства. Прибывающие на территорию РСФСР беженцы из Турции и других стран Ближнего Востока представляли собой дополнительный ресурс для реализации большевистской национальной политики.

Следует отметить, что некоторые этнические общности имели богатый исторический опыт переселения и проживания на современной территории Юга России, в том числе до освоения данных пространств со стороны

российского государства. Так, отдельные группы армян и греков проживали на территории современных Кубани, Дона и Северного Кавказа с античных времён и средневековья. Первые потоки ассирийцев стали пребывать в южные регионы России в первой половине XIX века. [3]

Вместе с тем, новые представители данных диаспор с территории бывшей Османской империи испытывали некоторые сложности в процессе социальной и экономической адаптации. Многие из них, прежде всего, греки рассматривали Юг РСФСР в качестве транзитной зоны на пути следования на историческую родину – в Грецию. Переселенческий процесс сопровождался определёнными трудностями, в том числе не-

хваткой земли для мигрантов, занимавшихся сельским хозяйством, дефицитом жилья и образованием стихийных трущоб и гетто, прежде всего в портовых черноморских городах, социальной изоляцией части приезжих, низким уровнем грамотности и т.д.

Так, греческое население, традиционно занимавшееся табаководством, вследствие высокого уровня истощения почв, имело определённые трения с представителями других этнических групп, что обусловливало некоторую этнополитическую напряжённость в регионе. Многие греческие беженцы видели решение своих проблем в массовой миграции в Грецию, налаживая и поддерживая международные контакты с представителями зарубежных кампаний в части получении кредитов на переезд или занятие сельским хозяйством за границей. [4, лл.12,15]

Угроза массовой миграции греков наносила достаточно чувствительный удар по престижу советской власти и государства. Кроме этого, учитывая тот факт, что важнейшую финансовую и организационную роль в процессе переселения греков на историческую родину играли английские кампании, необходимость скорейшей интеграции греческих поселенцев на Юге РСФСР приобретала международный политический подтекст.

Местные партийные органы признавали, что основной причиной усиления эмигрантских настроений среди греческих переселенцев была

нехватка земли и достаточно тяжёлое социальное положения основной массы населения. Советское руководство стремилось предотвратить массовый выезд греков, мотивируя это необходимостью налаживания широкой культурно-просветительской работы среди греческого населения, открытия школ с обучением на греческом языке, выпуска греческих газет, идеологической пропаганды, привлечения к работе с мигрантами сознательных и активных коммунистов греческого происхождения и т.д. [4, лл. 9-10]

В случае с представителями ассирийской общины, отличавшейся высоким уровнем социальной замкнутости, важнейшей задачей большевики видели не только хозяйственную, но и культурную интеграцию ассирийцев в советское общество.

По мере перевода советского общества на мобилизационные рельсы развития в 1930-е гг. в рамках процесса ужесточения политического режима и начала индустриализации все более актуальной становилась проблема встраивания ассирийцев в новую социально-хозяйственную модель советского государства. Особенностью ассирийской общины

было городское дисперсное расселение на территории всего Советского Союза и специализация в области мелкой торговли и сфере услуг. [5, лл.81-82]

Поскольку уровень грамотности и образования среди основной массы ассирийцев признавался крайне низким, подавляющему большинству ассирийских переселенцев отводилась роль работников сельского хозяйства. Однако неоднократные попытки создания мононациональных ассирийских колхозов заканчивались неудачно.

Созданный в 1931 г. и функционировавший до середины 1930-х гг. единственный в РСФСР ассирийский колхоз имени Микояна представлял собой скорее исключение, чем правило в рамках процесса социально-экономической адаптации ассирийцев. Тем не менее, создание компактного национального очага ассирийцев в Курганинском районе на Кубани можно рассматривать в качестве определённого успеха в деле интеграции ближневосточных переселенцев. [5, л.81]

Привлечение и адаптация мигрантов, а также представителей других «национальных» этнических групп, проживавших на Юге РСФСР, помимо решения чисто идеологических задач имело целью мобилизацию имеющихся трудовых и ресурсов для увеличения объёмов экономического производства в период индустриализации и коллективизации. Необходимость преодоления социальной изоляции некоторых этнических групп, в том числе среди мигрантов, а также повышения уровня образования и квалификации национальных кадров диктовалась хозяйственной потребностью в преддверии приближавшейся крупномасштабной войны.

Зачастую политика большевиков шла вразрез с национальными традициями и системой ценностей ряда этнических групп, вызывая определённые трудности в процессе их интеграции. Требования со стороны партийно-государственных органов усилить классовую борьбу, в том числе в отношении пользующихся авторитетом и уважением зажиточных земляков, и антирелигиозную политику определяла сохранение повышенного уровня недоверия между властями и некоторыми национальными общинами.

Вторая половина 1930-х гг. в связи с осложнением внешнеполитической конъюнктуры ознаменовалась пересмотром национальной политики большевиков в сторону её ужесточения и усиления давления на некоторые этнические группы, в том числе посредством ликвидации национальных районов и сельсоветов, переселений и депортаций. Так,

до начала Великой Отечественной войны из мест компактного проживания на юге страны были выселены представители греческой и немецкой общин, распущен ассирийский колхоз имени Микояна и ликвидирован ассирийский сельсовет.

Примечания

1. См. напр.: Хлынина Т.П. «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Мир славян Кубани. – Вып. 3. – Краснодар, 2007. С. 96–111.; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт

управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2012. - 272 с.; Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20 - 40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 244 с. и др.

2. ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д. 208.

3. Данилова Е.Н. Деятельность Всероссийского союза ассирийцев в 20 - 30-е годы XX века // Этнографическое обозрение. 2005. №2. С.108.

4. ЦДНИРО. Ф.8. Оп.1. Д. 209.

5. ЦДНИРО. Ф.8. Оп.1. Д. 45.

Авраменко А.М.
к.и.н., доцент, ККОО «Содружество Кубань-Украина» ,

Скибицкая И.М.
к.и.н., ККОО «Содружество Кубань-Украина»

К ВОПРОСУ О МИФОТВОРЧЕСТВЕ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯХ В СОВРЕМЕННОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ

Распад СССР привел к повышению статуса национальных автономных республик и областей в составе России, что было следствием борьбы за суверенитет (при разном его понимании) лидеров титульных этносов и региональных «элит». Обоснование законности суверенитета потребовало пересмотра национальной истории, очищения ее от фальсификаций как советского, так и имперского периодов. Однако большинство историков и объявившие себя таковыми воинствующие дилетанты принялись конструировать национальные мифы, пытаясь доказать древнейшие истоки государственности без каких-либо убедительных письменных источников, вчерашние преподаватели научного коммунизма внезапно объявили себя специалистами по Кавказской войне и яростно стали требовать покаяния от современного российского правительства (слабо ориентирующегося даже в отечественной истории) за геноцид (весьма спорное понятие), признания его на законодательном уровне с выплатой денежной компенсации и возвращением потомков вынужденных переселенцев с территорий бывшей Османской империи на Северный Кавказ.

Требования такого рода особенно опасны именно на Северном Кавказе, где ещё недавно произошли две Чеченские войны, а экстремизм и терроризм подпитываются зарубежными фондами и организациями, стремящимися к развалу Российской Федерации. К чему это приводит – наглядно демонстрируют события в Ираке и Сирии, откуда сотни тысяч беженцев хлынули в Западную Европу искать спасения. Историки должны осознать свою ответственность и воздерживаться от политических ярлыков и призывов, ибо незрелые умы легко становятся жертвами эмоциональной пропаганды и вместо строительства общего дома для всех народов Северного Кавказа может произойти всеобщий погром и страшная трагедия.

В условиях кризиса российской науки, когда правительство не осознаёт необходимости финансировать отечественную науку, ценные исследования становятся известны узкому кругу специалистов, а на книжных прилавках наблюдается изобилие псевдоисторических сочинений, вроде книг М. Аджиева (Аджи), В. Кандыбы, А. Асова и др. В поисках престижных предков Р. Плиев доказывает, что нахские языки – ключ к этрусским тайнам, иные чеченские авторы убеждены, что древние чеченцы имеют прямое отношение к Урарту. Ряд адыгских авторов пытаются связать своих древних предков с хеттами, а Н. Ловпаче видит «древнюю библиотеку» в ауле Нечерзий там, где никакие местные письменные источники не обнаруживаются вплоть до XIX века. Осетинские историки гордятся «Великой Аланией», и это отразилось даже в изменении названия Республики Северная Осетия-Алания, но с этим не согласны ингуши, которые выстроили новую столицу, дав ей название Магас (по предложению историка Н. Кодзоева) – как у столицы Великой Алании, чьё реальное местонахождение до сих пор вызывает споры.

Природу национального мифотворчества на Северном Кавказе детально проанализировал известный этнолог В. А. Шнирельман, однако его книга «Быть аланами» [1] вызвала болезненную реакцию и эмоциональную критику ряда историков. Ещё более яростной критике без должного анализа с 1980-х годов подвергаются труды видного осетинского историка М. Блиева. Его публикации о природе Кавказской войны привели даже к доносам в ЦК КПСС, что свидетельствовало о слабости противоположной точки зрения. Используя терминологию сталинского времени, чеченские историки Д.Б. Абдурахманов и Я.З.Ахмадов в новейшей книге клеймят «блиевщину», называя фундаментальную монографию «Россия и горцы Большого Кавказа» [2] «второразрядным опусом» и халтурой [3, с. 24].

Кавказская война – одна из острейших тем, породившая «войну историографий». Д.Б. Абдурахманов и Я.З.Ахмадов в издевательском тоне пишут о «школе лжеакадемика В.Б.Виноградова» [3, с. 87 и др.], но не упоминают о том, что эта группа историков была вынуждена покинуть конференцию в Махачкале, где их никто не хотел выслушать, а затем они бежали из Грозного, спасаясь от неизбежной физической расправы. Указанные чеченские авторы употребляют такие ярлыки как «устойчивая паранойя – Кавказская война в изложении клычниковых и виноградовых», называя оппонентов «зачинателями информационной

войны» [3, с. 105]. Разумеется такая терминология не способствует поиску взаимопонимания.

Такие провокационные книги, как «Земля адыгов» (1996, 2-е изд. – 2004) учат молодежь, что адыги, сотрудничавшие с русскими в XIX в. – предатели своего народа, а такие полководцы, как А. Суворов (который никогда не воевал против адыгов) – палачи адыгского народа. Такие «уроки» не проходят даром. Читатели книги не задумаются над тем, что среди авторов «Земли адыгов» нет профессиональных историков. Они воспримут лишь ненависть по отношению к России.

Вскоре после провокационной конференции в Адыгейске в 1994 г., посвященной Кавказской войне, в Кубанском университете была проведена ответная конференция по той же тематике, вскрывшая важнейшие дискуссионные вопросы [4, с. 24–43] и едва не закончившаяся конфликтом. Адыгские и чеченские историки с удовольствием ссылаются на сочинения специалиста по научному коммунизму И.Я.Куценко [5, с. 412–456; 6], который крайне необъективно, с большевистским задором, излагает историю казачества и Кавказскую войну. Его публикации не раз вызывали аргументированную критику ряда краснодарских, ростовских и др. историков [7, с. 104–110; 8; 9, с. 159–161], но эту критику игнорируют представители национальных северокавказских историографий.

С одной стороны этноисторические мифы способствовали консолидации северокавказских народов, а с другой – развитию национализма, сепаратизма, формированию межнациональных конфликтов

на фоне преобладания титульных этносов и постепенного исхода славянского населения из ряда республик Северного Кавказа. Вместо объективного научного анализа многие национальные историки выстраивают свои исследования исходя из этнополитических целей. Результатом стал ряд устойчивых мифологем.

К наиболее опасным из них следует отнести научно не обоснованные утверждения о якобы проводившемся Российской империей геноциде адыгов; о политике Российской империи на Северном Кавказе как крайне агрессивной, кровожадной и бесчеловечной, в результате которой была полностью уничтожена адыгская страна Черкесия (хотя государственность адыгов в XIX в. так и не возникла); на Россию возлагается главная вина за массовый исход горцев в Османскую империю и процесс переселения представлен исключительно как акт насильственной депортации.

Подобная трактовка исторических событий с употреблением термина «геноцид» к политике царской России в отношении горцев и постоянные призывы к покаянию современной России за Кавказскую войну являются удобной почвой для разжигания этнополитических конфликтов в северокавказских республиках. Опасность выше упомянутых мифологем в том, что в течение длительного времени в массовом сознании современной кавказской молодежи целенаправленно формируется «образ врага». В данном случае речь идет об «империи зла», которой, по мнению ряда национальных историков и общественных деятелей, является опять же современная Россия.

Нельзя также отрицать и того факта, что созданные мифологемы активно встраиваются в вектор деятельности зарубежных организаций, ведущих подрывную деятельность против России. Так, созданное в 2006 г. «Движение за Деколонизацию Кавказа» (глава Ахмад Сардали) сосредоточило свое внимание главным образом на ситуации вокруг Адыгеи и адыгских этносов. В Декларации ДДК акцент главным образом делается на трагедию черкесов с «доказательствами» геноцида адыгских этносов, численные данные которых не вписываются в рамки исторических реалий.

ДДК выступило инициативой создания «Международного Антиимперского Фронта» (МАФ). Напомним, что в июле 2013 года президент виртуальной (ибо на карте мира ее нет) Чеченской Республики Ичкерия и лидер моджахедов Кавказа Доку Умаров призвал членов МАФ сражаться в Сирии.

Прямая фальсификация исторических фактов, представление России в качестве внешней, крайне агрессивной силы по отношению к народам Северного Кавказа, породило в национальном массовом сознании тяжелейший комплекс обид. Эти обиды, в особенности в сознании молодежи требуют отмщения. Речь идет не только о росте радикального исламизма за последние двадцать лет на территории КБР и КЧР. К сожалению, в этом виноваты и местные власти, которые формируются преимущественно из национальных элит и сами прямо или косвенно разделяют вышеуказанную этномифологию.

Сегодня мы видим, что поток оскорблений и клеветы направлен в первую очередь на формирование у нынешнего поколения северокавказских народов стойкого отторжения самой идеи государственного единства с Российской Федерацией. Немалый вклад в это внесли историки, занятые мифотворчеством. В этом же направлении действуют и

зарубежные исследователи (как и спецслужбы), что в очередной раз доказывает факт методично проводимой информационной войны против Российской Федерации. Примером является книга профессора Уолтера Ричмонда «Геноцид черкесов». Не способствуют поиску истины и популярные казачьи псевдоисторические сочинения.

Представляется важным активизировать работу по поиску взаимопонимания между учеными Северного Кавказа, чему способствуют научные конференции. Европейские страны демонстрируют интересный опыт создания общих учебников, где историки враждовавших прежде стран взаимно стремятся сгладить острые оценки и выработать приемлемые формулировки. Такой опыт надо применять и на Кавказе. Одобренные совместные труды должны быть опубликованы в виде монографий и учебников, широко пропагандироваться в прессе и школах. Ряд публикаций следовало бы перевести на иностранные языки и также разместить в сети Интернет. Необходимы выступления на телевидении ученых, способных отстаивать государственные интересы и понимающих свою ответственность за сохранение мира на Кавказе.

«Хартия историков-кавказоведов», принятая на международном Форуме в октябре 2013 г. в Ростове-на-Дону, а также озвученная там идея разработки этического кодекса кавказоведа позволяют надеяться на реальность указанных предложений.

Примечания

1. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

2. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004.

3. Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню: «Война историографий», или информационная война. Грозный, 2015.

4. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: Уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

5. Куценко И.Я. Уроки этнопублицистики // Исторический вестник. Вып. IV. Нальчик, 2006.

6. Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007.

7. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. ...И ничего кроме правды (о нашей истории и некоторых её толкователях) // Голос минувшего. Краснодар, 2007. №3/4.

8. Матвеев В.А. Кривда вместо правды: отзыв на книгу И.Я.Куценко «Правда и кривда» (Нальчик, 2007. 170 с.) - Ростов-на-Дону, 2008.

9. Трут В.П. [рецензия на кн.:] Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007. 152 с. // Голос минувшего. Краснодар, 2008. № 3/4.

Акиева Х.М.
к.ф.н., доцент, Ингушский государственный университет (Магас)

РУССКО-КАВКАЗСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Кавказ, северный Кавказ был и остается на современном этапе передовой Русской творческой интеллигенции. Ученных историков, археологов, этнографов поэтов, писателей, художников. Их интерес к Кавказу глубоко осмысленно выразил поэт: «Все, все в этом крае прекрасно…» М.Ю. Лермонтов [1, с. 9].

Менталитет горцев эстетика поведения и быта, этическое своеобразие привлекало внимание многих ученных « Северный Кавказ один из самых сложных и своеобразных регионов России, с точки зрения истории, геополитической значимости, социально-экономической и этнополитической ситуации». [2, с. 88].

Природа, горный ландшафт, глубокие ущелья среди скал на вершине которых и на возвышенности – памятники материальной культуры – башенные комплексы, склепы вызывало неординарный поиск стратегии и тактики военных действии: наступление, осада, отступление.

Исторический жанр в изобразительном искусстве при всестороннем анализе живописных полотен открывает поразительную красоту природы и неповторимость, оригинальность народов Кавказа.

Академия художеств открытая Петром I особенно отдавала предпочтение историческому жанру. Роль батального жанра отметил теоретик русского искусства VIII века и Урванов очень четко: «…в коих означается время и которые служат к прославлению военных дел какого либо великого государя, или знаменитого народа, и принадлежит к большой истории [3. с. 10].

На пороге XXI века современника особо привлекает баталистика.

История народа, эпохи нашла яркое выражение в баталистике, она открывает новую страницу выразительными средствами живописи.

В.Ф. Тимм обучался в академии художеств батальной живописи. Тимм принимает активное участие военных операциях на Кавказе и наравне с солдатами преодолевает все трудности военной службы. Он сделал зарисовки пехотинцев, правдиво показал типы русских солдат и горцев. Его эстетическим идеалом были люди мужественные, закален-

ные в боях и этически относились к лишениям военном походе окружающая среда – природа в его рисунках отражена в гармоническом единстве «Много сделал Тимм и пейзажных набросках на Кавказе» отмечает исследователь Тарасов [4, с. 4-23]. Особый интерес вызывают работы Тимма выполнены с натуры во время пребывания Шамиля в Санкт-Петербурге в сентябре 1859 г. полотна «Шамиль с сыном и мюридами в театре», «Прогулка Шамиля по улицам Санкт-Петербурга», «Шамиль у профессора Мерзы Казем-Бека» вызывают особый интерес «Реалистическая направленность и тонкая наблюдательность автора в передаче характера и настроение натуры, окружающей обстановки». [5, с. 542].

В фондах Чечено-Ингушского республиканского краеведческого были работы В.Ф. Тимма в результате первой чеченской войны они потеряны для любителей искусства навсегда. Мастером батальной живописи является Грузинский П.Н.

Во время путешествия по Кавказу Он выполнил этюды к картине «Оставление горцами аулов при приближении русских войск». За эту работу в 1872 г. Петер Николаевич Грузинский получает звание академика [6, с.210].

Первооткрывателем Кавказа в русском искусстве был художник князь Г.Г. Гагарин. Григории Григорович Гагарин автор альбома литографии «Костюмы Кавказа» изданном в Париже в 1857 г. в альбоме рисунки написанные в техники акварель. В советское время в картинной галереи в Грозном находилось прекрасное полотно Гагарина с видом на Бештау. О судьбе Гагаренской картины остается только гадать. [7, с. 127] .Успешная военная карьера усиливала интерес к батальному жанру. В 1847 г. в Париже выходит книга художника «Живописный Кавказ», рисунки с натуры князя Григория Григоривичя Гагарина на Французском языке. В книги дано описание климата Кавказа, его населения, исторического прошлого горских народов. В книги приложена карта Кавказа [8, с. 81] которая на современном этапе играет важную роль.

В 1858 году на Кавказ приезжает немецкий художник Теодор Горшельт. По ряду рекомендаций Т. Горшельт был причислен волонтером к штабу главнокомандующем Кавказской армии князя Барятинского. [9, с. 29]. Горшельт принимал активное участие в боевых походах 1858 – 1859 гг. Он провел пять лет на Кавказе, участник дагестанской экспедиции с Вревским, а потом принимал участие в зимнем походе Евдокимова в Чечню. Горшельт Т. Очевидец пленение Шамиля в Гунибе в

1859г. высокопрофессиональные знания умения Горшельт черпал из богатого фонда врожденного таланта, железного прилежания и рационального жизненного опыта. [10, с. 27].

О том таланте свидетельствуют полотна «Штурм укрепления на горе Гуниб». Картине на Всемирной выставке в Париже в 1867 г. была присуждена большая золотая медаль; рисунок «Русская артиллерии в Чечне получила на Мюнхенской выставке 1886 г. Почетную золотую медаль. Работа выполнена в индивидуальной технике – смесью пера, мела, угля. В 1860 г. Т. Горшельт возвращается в Петербург и получает звание академика батальной живописи [11, с. 60].

Франц Алежеевич Рубо – автор картин о Кавказской войне. В серии картин, Рубо Ф. показал средствами живописи истории общечеловеческой трагедии [12, с. 40, 44] всю нелепость войны и несокрушимость духа людей, отстаивающих свою свободу и родину.

Панорама картины « Штурм аула Ахульго». Для работы, Рубо выезжал на Кавказ на место исторических событий. В Мюнхене, картина была выставлена под названием «Панорама Кавказа» и имела большой успех.

Историческая тематика полотен Ф. Рубо – история народов Кавказа. «Вступление русских войск в Тифлис 26 ноября 1799 года», «Штурм Ленкорани генералом Котляровским 31 декабря 1827 года», «Сдача крепости Эривани 1октября 1827 года», «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года», «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 года», «Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года».

В Чеченском музее Изобразительных искусств XIX в. в постоянно – действующей экспозиции были полотна Ф. Рубо «Взятие аула Гулиб»,

«Пленение Шамиля 29 августа 1859 года», «Смерть генерал-майора Сненцова», «Взятие казаками станицы Нестеровской».

В период Чеченской воны полотна были похищены, а картина Ф. Рубо «Взятие аула Гуниб» было повреждено.

В период «Кавказского периода» Ф. Рубо создал более 200 картин, этюдов, рисунков.

Индивидуализм стиля Ф. Рубо: подлинная действительность, пластическая цельность сюжета, ясность композиции, логика построения основного персонажа и окружающей среды, цветовая выразительность, световая освещенность, реалистичность образов. Пейзажи художника играют большую роль в создании не только среды но и эмоционального строя композиции [13, с. 22].

Гордостью чеченского народа является Петр Захарович Захаров. Во время Кавказской войны при штурме селения Дади-Юрт были убиты и почти все из 500 его жителей и среди них его мать. [14, с. 79]. По мнению военных, жители селения Дади-Юрт «были поголовно разбойниками, умевшими весьма искусно хоронить концы, а между тем более всех тревожившие казачьи станицы». Начался бой. Потери с обеих сторон были высоки. Русские потеряли более четверти своего отряда. В плен было взято 140 чеченских женщин и детей. Многие женщины и дети были ранены. [15, с. 105-107].

15 сентября 1816 г. аул Дади – Юрт по приказу А.П. Ермолова был сожжен. Солдаты у погибшей матери подобрали 3-х летнего мальчика и передали Казаку Бороздиновской станицы находившемуся при хозяйстве командующего З. Недоносову. При крещении мальчика – чеченца назвали Петр Захарович Захаров.

Страсть к рисованию проявилась у Захарова в раннем детстве.

П.Н. Ермолов добивается для своего воспитанника возможности поступить в Академию художеств. В 1833 г. П. Захаров блестяще сдает экзамен и его зачисляют «посторонним учеником» в Петербургскую Академию художеств. [16, с. 2].

В 1842 г. П. Захаров был удостоен звания «назначенного».

В 1843 году за «Портрет генерала А.П.Ермолова» звания академика [17, с. 174].

Искусствовед Г.М. Очман об особенностях живописных полотен П.З. Захарова, пишет, что в этих работах «романтизм сказывается в виртуозности мазка, легкой кисти, в тонкой лессировочной технике, в красивом подборе токов». [18, с. 87,89].

Кисти П. Захарова принадлежит серия высокопрофессионально написанных полотен: портрет М.Ю. Лермонтова, генерала А.П. Ермолова поэта Н.А. Некрасова, Н.А. Постниковой доктора Ф.И. Иноземцева, А.И.Муравьева, профессора Т.Н. Грановского, портрет неизвестной на смертном одре.

Высокую оценку творчеству П. Захарова дает Александр Бенуа. Определяя художественный уровень П.Захарова, называет его одним из лучших «Среди русских портретов… брюлловского поколения».

Н.Н.Врангель в статье о портретной выставке в Таврическом дворце Петербурга пишет, что имя Захарова могло стать «на одной доске» с Тропининым. [19, с.147-148].

В 1961 году в городе Грозном был открыт первый музей Изобразительных искусств имени Петра Захаровича Захарова. Постоянно действующая экспозиция отражала музейные экспонаты, которые привлекали гостей, туристов, студентов, школьников: полотно Ф. Рубо, Айвазовского, П. Захарова. В результате войны значительная часть фондов потеряна. Музей имени П.З. Захарова нет, его фонды переданы в национальный музей Чеченской Республики.

Тему Кавказа и взаимоотношения между народами отразила в своих полотнах Ахриев Х-Б.Б. и Даурбеков Г-М.А.

В технике акварель картина Ахриева Х-Б.Б. «Аул – Ной Церинского общества. Ингушетия» «Женщины, идущие на покос», «Защита аула Эбан в 1830 г.». особое направление в творчестве Ахриева Х-Б.Б. – резьба по кости.

На олимпиаде искусств народов Кавказа в 1931 г. в Ростове – на – Дону Ахриев Х-Б.Б. занял первое место.

Дорбеков Г-М.А. – один из профессиональный художников серия его полотен на историческую тему открывает много неизвестного из истории войн. Полотно в технике акварель «Долаковский бой», (б. акв.) «Обстрел беглецов. Экажево белогвардейцами» (б. акв.) «Похороны комиссара Бутырина» (б.акв.) «Привезли раненых» (б.акв.). В портретном жанре Даурбеков Г-М.А. достиг больших успехов . Портрет карандашом героев гражданской войны, сторожил имени особую значимость для истории РИ. Этот портрет Бекботова Паци, селения Гули; красный партизан «Богатырев С1адул» Цечоев С1а дул .

На олимпиаде искусств народов Кавказа в Ростове –на – Дону проходившая в 1931 г. рисунок карандашом.

Дорбекова Г-М.А., портрет «Музыкант Хасан Цуцаев » занял первое место.

Дорбеков Г-М.А. в книжной графике обращаясь к творчеству Л.Н. Толстого. Иллюстрируя повесть «Хаджи - Мурад» открывает новое творческое направление ведения прекрасного. Форзац обложки повести Даурбеков композиционно и в символике учета раскрывает сюжет повести «Хаджи - Мурад».

В рисунках карандашом Даурбеков открывает читателю сюжет повести Толстого Л.Н. Героя повести - Хаджи – Мурад; Шамиля и его наибов, этироды военных действий. Рисунок логически построен так, что реальный эпизод точен и открывает сюжет повести. Он создал ри-

сунки «по своему интерпретируя исторические сюжеты, образы горцев прошлого столетия» - отмечает Червонная С.М.

Произведения изобразительного искусства исторического жанра своими выразительными с помощью которых творческая личность своим стилевым направлением, техническими приемами, цветовой гаммой раскрывает историю, событие той или иной эпохи, а персонаж – богатство духовного мира, гармонию окружающего мира.

Философский подход и пониманию системы как совокупности элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих единую целостность были в начале XX в. А.А. Богдановым. [20, с. 255], но онтологические и гносеологические подходы каждое живописное полотно XVIII – XIX вв. с позиции философии и гносеологии исторический жанр, баталистика открывает современному зрителю… « целостность жизненной среды ….при которых человек как индивидуальность может сохранять свою идентичность при меняющихся остальных двух компонентов системы под влиянием внешних социально-культурных условий» - отмечает С.В.Мкртчян. [21, с. 256].

Примечания

1. Коровяков Н. Шамиль. Черкесск. 1990 г. с., 9.

2. Акаев В.Х. Дадуев М.А. «Северный Кавказ: Факторы дестабилизации и формирования единства». Нальчик, 2012 г. с., 88.

3. Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. М., 2002 г. с., 10.

4. Тарасов Л. Василий Федорович Тимм. (1820-1895 гг.), М.,1954 г. с.,3-4, 23.

5. Гейбатова Л.Г. исторические предпосылки художественной культуры Дагестана. (творчество рус. худ. XIX в. в Дагестане)

6. Художники народов СССР. Библиограф словарь. В 6-и томах Т.3. М.,1970 г., с. 210

7. Маркелов М.В. Лермонтов и Северный Кавказ. Пятигорск 2008 г., с. 127

8. Lt Cancase pittoresye dessine dapres Nature par le prince Gregaire Gagarine. Pris, 1847 г., с. 81

9. Абдулоева З.А. Кавказ глазами именитого немецкого художника Теодора Горшельта. Грозный, 2007 г., с. 29

10. Абдулоева З.А. у. раб. с. 27.

11. Кондаков С.Н. список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академий художеств. М., 2002 г., с.60.

12. Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог. Дис. конд. Искусствоведение. Спб. 2007 г., с.40, 44.

13. Зубов Е.А. с. 22

14. Лапин В.В. Армия Россия в Кавказской войне XVIII – XIX вв. Спб. 2008 г., с. 79

15. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. Спб. 1913 г., с. 105-107.

16. Межиева Р. Художники из с. Дади-Юрт (К 190-лет академику живописи П. Захарову \\ Вайнах. Грозный 2006 г. №9 с., 2).

17. Русский музей императора Александра III. Живопись и скульптура Т. 1. Спб. 1904 г., с. 174.

18. Акиева Х.М. Изобразительное искусство Чечни и Ингушетии пол. XIX в. (Традиции и новаторство) \\ Вестник Московского университета. Серия 8. История М., 2008 г. №4. с.,87, 89.

19. Т.А. Инновация в этнокультурной среде. Нальчик. 2007 г. с.,147-148.

20. Мкртчян С.В. Адаптивность как системное свойство среди проживания \\ Дек. иск. №3, 2013 г. с., 256

Амирханова М.М.
к.и.н., с.н.с. Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Махачкала)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРЕТВОРЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 40-х гг. XX в.)

Восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства в послевоенные годы как в стране, так и в Дагестане шли под знаком борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов. При проверке состояния дел во всех колхозах республики были обнаружены нарушения Устава сельскохозяйственной артели, факты расхищения и разбазаривания земель, скота и другого общественного достояния колхозов, некоторые партийные и советские работники становились на путь нарушения советских законов. Эти действия тормозили развитие колхозов и мешали их организационно-хозяйственному укреплению. В целях организационно-хозяйственного укрепления колхозов и обеспечения на этой основе развития сельского хозяйства, партия и правительство приняли в послевоенный период ряд важнейших решений. Недостатки в руководстве сельского хозяйства были вскрыты в постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В нем Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) обязали «руководителей партийно-советских организаций союзных республик, а также руководителей областных и краевых организаций срочно ликвидировать нарушения Устава сельскохозяйственной артели, как противоколхозные и противогосударственные»[1, с. 74].

Для контроля за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели был создан Совет по делам колхозов при правительстве СССР, имеющий своих представителей в республиках, областях, независимых от властей на местах [2, с. 179].

В постановлении Совета Министров ДАССР и бюро обкома ВКП(б) от 30 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» были определены задачи партийных, советских органов по организационно-хозяйственному укреплению колхозов республики. В октябре этого же года этот вопрос был рассмотрен на пленуме Дагобкома партии, который обязал партий-

ные и советские органы решительно пресекать нарушения норм колхозной жизни. Для разъяснения колхозникам решений партии и правительства привлекался многотысячный отряд агитаторов [3, с. 31].

Во всех колхозах республики состоялось деловое обсуждение путей укрепления сельскохозяйственной артели, на котором присутствовало 182724 человека, из них 8138 человек приняли участие в обсуждении постановления [4, с. 75]. К концу 1946 г. было выявлено и возвращено колхозам 10195 га земли, сокращено 2700 штатных единиц, что дало возможность сэкономить более 162 тыс. трудодней [5, Л. 3]. В 687 колхозах было переизбрано 319 председателей колхозов, в 552 колхозах проведены перевыборы ревизионных комиссий [6, с. 76].

Однако во многих колхозах республики борьба за укрепление трудовой дисциплины не велась. В ряде колхозов допускались большие нарушения в оплате труда колхозников. Не изжита была уравниловка. Трудодни начислялись независимо от качества работы, собранного бригадой урожая Это снижало заинтересованность колхозников в повышении производительности труда.

Важную роль в повышении материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда призвано было сыграть постановление Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации оплаты труда в колхозах». Колхозам рекомендовалось производить распределение доходов в зависимости от собранного урожая, начислять дополнительную оплату при перевыполнении плана и списывать 1% трудодней за каждый процент недовыполнения.

Оплата труда в животноводстве ставилась в зависимости от продуктивности скота.

Эффект от использования новой формы оплаты труда был неодинаков, так как возможности материального стимулирования труда крестьян в разных колхозах отличались. Выигрывали колхозники экономически сильных хозяйств, напротив, в слабых колхозах новая форма оплаты оказались неэффективной, так как им труднее было обеспечить повышение урожайности и рост продуктивности скота. Вследствие невыполнения плана и шаблонного подхода к использованию дополнительного начисления и списания трудодней в слабых колхозах приходилось списывать трудодни даже добросовестным труженикам. В 1950 г. в колхозах Дагестана было дополнительно начислено 294 тыс. трудодней, а списано 1755,8 тыс. [7, Л. 1].

Значительным – почти 28% взрослого трудоспособного населения колхозов, оставалось число колхозников, не выполнивших установленного минимума трудодней, а в колхозах Казбековского, Унцукульского, Хасавюртовского, Дербентского районов – более 50% [8, л. 2]. В постановлении Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. одобрялись новые нормы выработки и вводились новые расценки работ в трудоднях. Производственные нормы были увеличены, так как исходили из показателей трудовой деятельности колхозников в районах, обеспеченных машинами. Однако, как отмечалось в постановлении Совета Министров ДАССР «О ходе выполнения постановления Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г.», принятом в ноябре 1948 г., колхозы не спешили вводить новые нормы выработки и расценки. По неполным данным, к осени 1948 г. это сделали лишь 266 колхозов [9, с. 92-95].

Совершенствованию оплаты труда и повышению стоимости трудодня способствовало постановление Совета Министров СССР «О сокращении штатов административного и обслуживающего персонала в колхозах и упорядочении расходования трудодней на их оплату» от 3 сентября 1948 г. Только в 1949 г. в колхозах ДАССР были сокращены более 800 человек и сэкономлено 139,4 тыс. трудодней [10, с. 78].

Дальнейшее сокращение затрат на содержание административно-управленческого аппарата было произведено в ходе укрупнения колхозов.

Постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укреплении мелких колхозов и задачах парторганизации в этом деле» имело большое значение в улучшении руководства колхозами, поднятии экономики колхозов и рациональном использовании земли [10. с. 79]. Необходимость укрупнения колхозов обосновывалась невозможностью использования в мелких хозяйствах крупной сельскохозяйственной техники и обеспечения быстрого роста колхозного производства. Укрупнение колхозов было названо «важнейшим мероприятием в деле дальнейшего подъема сельского хозяйства». В постановлении указывалось на необходимость строгого соблюдения принципа добровольности при объединении колхозов, учета экономической целесообразности объединения.

Большое значение имело укрупнение колхозов Дагестана, где преобладали экономически слабые мелкие колхозы. Объединение мелких маломощных колхозов в крупные создавало условия для более производительного использования техники МТС, для широкого применения достижений передовой агрономической науки, для ликвидации противоположности между городом и деревней.

В результате объединения в 1950 г. вместо 1022 колхозов на начало года образовалось 828 укрупненных колхозов [11, с. 63]. Вследствие укрупнения число колхозов объединяющих до 100 дворов, уменьшилось и составило 38% против 47% на начало 1950 г. Число колхозов, объединявших свыше 300 дворов, возросло с 8,8% до 15,5% [11]. Значительная работа по укрупнению колхозов проводилась в Карабудахкентском, Шурагатском и ряде других районов. В результате укрупнения до 700 колхозников, занятых в административно-управленческом аппарате, перешли на работу в бригады и на животноводческие фермы, что позволило сэкономить около 100 тыс. трудодней. Только в одном Карабудахкентском районе при образовании 10 колхозов из 17 имевшихся ранее, высвободилось для производственной работы около 40 человек [12].

Однако в ряде районов республики (Табасаранском, Агульском, Гумбетовском, Кулинском и др.) [13, л. 39,40] к работе по укреплению колхозов подошли несерьезно и допустили ряд ошибок. Наличие этих недостатков объяснялось отсутствием должной помощи укрупненным колхозам со стороны Министерства сельского хозяйства ДАССР, райкомов ВКП(б) и райисполкомов.

Проведенное укрупнение привело к определенному увеличению размеров пашни в колхозах, улучшению использования техники и т.д. Возросла эффективность работы МТС, объем работ, выполненных ими для колхозов, в 1950 г. возрос по сравнению с предыдущим годом [14].

В ходе укрупнения встречались и серьезные трудности. Экономически крепкие хозяйства неохотно объединялись со слабыми колхозами. Были случаи разбазаривания колхозного имущества и убоя общественного скота. Не всегда возросшие производственные затраты возмещались без соответствующего снижения фонда оплаты труда. Трудности были связаны и с тем, что объединения большинства колхозов происходило до конца хозяйственного года, в связи с чем, нелегко было решить вопрос о распределении доходов иногда довольно разных по экономическому состоянию колхозов. Большинство районных организаций ограничивались формальным объединением колхозов, что значительно снизило эффективность проводимой работы.

Для решения стоящих перед республикой задач по восстановлению сельского хозяйства, надо было в первую очередь отказаться от прежних методов руководства, сложившихся во время войны. Обязанности между партийными, советскими и хозяйственными органами не

разграничивались, а это зачастую приводило к подмене партийными хозяйственных органов.

Примечания

1. История советского крестьянства Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1989. Т. 2.

2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М.: Политиздат. 8 изд. доп. и исправленное. 1973. Т. 6.

3. История Дагестана. М.: Наука. 1968. Т. 4.

4. История советского крестьянства Дагестана. Т. 2. С. 75.

5. ЦГА РД. Ф. р-1182. Оп. 1. Д. 31. Л. 3; Дагестанская правда. 1946. 31 декабря.

6. История советского крестьянства Дагестана. Т. 2.

7. ЦГА РД. Ф. р-1182. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

8. Там же. Л. 2; Дагестанская правда. 1950. 1 апреля.

9. ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 38. Д. 14.

10. История советского крестьянства Дагестана. Т. 2. С. 78.

11. Алиева А.Х. Дагестанское село в послевоенные годы (1946–1960 гг.): социально-экономические проблемы. Автореф. канд. дис. Махачкала, 1999.

12. Дагестанская правда. 1950. 9 декабря.

13. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 8439.

14. Дагестанская правда. 1950. 9 декабря.

Апхаидзе Ш.В.
заместитель председателя правления Института Евразии (Грузия)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ДВУХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГРУЗИЕЙ

Разрешите, начать свой доклад с отрывка из статьи руководителя Института Евразии Гулбаата Рцхиладзе «История как политическое оружие и необходимость ее неконфликтного прочтения», которая была опубликована ровно 5 лет назад:

«Отношения между Россией и Грузией как странами, государствами, также как и между двумя народами – особый феномен. Тут слишком много парадоксального и эмоционального, не всегда поддающегося рациональному объяснению. Поэтому о русско-грузинских отношениях можно рассуждать очень много, практически бесконечно и в совершенно разных контекстах. Неудивительно, что в таких отношениях не всё может быть гладко, есть много проблем, но есть и много очень позитивного (более того, уверен – гораздо больше позитивного, чем негативного). Отношения между грузинами и русскими я бы обозначил одним немецким словом Hassliebe, состоящим из двух слов – Hass (ненависть) и Liebe (любовь). Это удивительное слово, на мой взгляд, наиболее красноречиво характеризует наши отношения: к сожалению, в них есть и ненависть, и вражда, но повторюсь – любви и уважения в нашей совместной истории, да и в сегодняшних условиях (как ни странно) – куда больше.

К наиболее часто мусируемым вопросам из прошлого двухсторонних отношений, вызывающих как раз конфликтное прочтение истории, относятся обстоятельства, связанные с присоединением Грузии к Российской Империи в 1801 – 1810 годах и к советской России в 1921-ом году. К сожалению, дело зачастую имеем со стереотипными оценками с обеих сторон, а стереотипное мышление в рамках истории и есть её конфликтное прочтение. Так, с грузинской стороны доминируют оценки, что Российская империя аннексировала Грузию обманом, растоптала её суверенитет, тем более болезненно воспринимается советизация Грузии и ее присоединение к Советской России. В такой оценке формируется стереотип России как наиболее вероломного врага Грузии, априори не могущей уважать суверенитет грузинского народа. Конечно, при

этом не учитывается, что присоединение Грузии к Российской Империи в начале 19-ого века быть может и действительно было отнюдь не безукоризненным в смысле тогдашних международных норм (а уж тем более в смысле современного международного права), но определяющим политику выдающихся грузинских царей Соломона I на западе страны и Ираклия II – на востоке (именно эти цари наиболее хорошо знали чаяния народа и достойно представляли его интересы) на протяжении второй половины 18-ого века был фактор православного христианства, стремление спасти христианство в Грузии (а не трон Багратионов!) и тем самым грузинский народ. Этот дух политики выдающихся грузинских царей (достойных потомков предыдущего поколения грузинских Багратидов) важнее "буквы" закона, деталей и даже тех негативных последствий вхождения Грузии в состав Империи, которые имели место (например, упразднение автокефалии Грузинской Православной Церкви в 1812-ом году) наряду с позитивными. Главное дело – грузины спаслись как христианский народ именно в составе России. Что же касается 1921-ого года, в современной Грузии зачастую преувеличивают реальную цену эфемерной независимости меньшевистской Грузинской республики, которая и не собиралась объявлять эту самую независимость, если бы не бесповоротный развал царской империи.

Но а с российской стороны тоже наблюдаются стереотипы: со школьного возраста российских детей учат, что Российская Империя спасла грузинский народ, присоединив их страну на добровольной основе. Но учащимся так и не разъясняют, что присоединяя Грузию и тем самым спасая ее народ от нападений со стороны ее многовековых сильных противников, российские правители преследовали стратегические интересы Империи. Вестернизированные, увлекающиеся масонством циничные элиты тогдашней России вовсе не были представителями гуманитарной организации, призванной спасать кого-либо, а великого государства с серьезными геостратегическими намерениями. Ну а 1921-ый год в последнее время тоже трактуется по-своему: оказывается, если бы не грузины как Сталин, Орджоникидзе и другие, Советская Россия и не собиралась вводить Красную армию в Тифлис. Но в это трудно поверить хотя бы потому, что среди закавказцев ни у азербайджанцев, ни у армян не было таких видных большевиков в Москве, как Сталин и Орджоникидзе, тем не менее и Азербайджан, и Армения еще раньше, чем Грузия, стали советскими – с помощью Красной армии...

Сегодня в Грузии постепенно учатся неконфликтно читать историю в отношении наших давних соседей по региону – Ирана и Турции. Например, в отношении Ирана мы уже знаем, что это была не только империя со своими экспансионистскими стремлениями как и у любой другой империи, а великая культура и цивилизация, серьезно повлиявшая на формирование грузинского языка и культуры. В отношениях с Турцией тоже можно найти позитивы. Тем более невозможно обойти позитивы в совместной истории с Россией. Я уверен, что эти времена настанут быстрее, чем думают многие, за сегодняшними тяжелыми временами последует потепление и всеобъемлющее урегулирование». *Конец цитаты.*

Действительно, ситуация достаточно быстро изменилась, грузинский народ наконец-то избавился от режима Саакашвили и наступило некоторое потепление в отношениях с Россией. По доброй воле Президента Путина, Россия постепенно, в одностороннем порядке сняла почти все торговые ограничения, действующие в отношении к Грузии еще с 2006-ого года. Грузинское руководство, в свою очередь, отказалось от конфронтационного курса и начала вести диалог с Москвой на уровне спецпредставителей премьера Грузии и президента России соответственно. В 2014-ом году Грузия не стала противопоставлять себя России из-за Украины, хотя и попыталась найти баланс. Конечно, в парламенте, а также со стороны отдельных грузинских политиков и были резкие высказывания в адрес России, но никак не со стороны высшего руководства страны – премьер-министра Гарибашвили, а также неформального лидера Бидзины Иванишвили. Наоборот, оппозиция их часто обвиняет в «пророссийской ориентации».

Но реально правительство не является однородной силой, в нём достаточно большое влияние сохраняют радикальные западники в лице «Республиканской партии». Их представители являются главным тормозом сближения Грузии с Россией, так как они пользуются поддержкой западных стран и в данном вопросе с ними солидаризируются «националы», а также финансируемые из американо-европейских источников СМИ и НПО.

Поэтому пока прежние учебники истории в школах и вузах остались нетронутыми. Минобразования полностью контролируется западниками. В таких условиях не видно использования «мягкой силы» со стороны России, хотя этот термин сейчас очень популярен среди политиков и экспертов. Большие бюджетные средства тратятся впустую.

Уже третий год, как устраивается «Медиафорум» в Тбилиси с участием видных российских журналистов, иногда и в Москву забирают грузинских журналистов. Но никаких итогов не видно. Нет ни одного грузинского журналиста, который вчера писал про Россию плохо, а сегодня как-то изменил своё отношение. Это касается и тех, кого регулярно приглашают в Москву. Даже наоборот, вернувшись обратно, некоторые из них посмеялись над всем тем, что им было показано в России «Фондом Горчакова». Я не буду вдаваться в детали, всё это было опубликовано на нашем сайте Института Евразии. Кроме того, «курсы русского языка», организованные партнёрами «Фонда Горчакова» в Грузии, почему-то оказались недоступными для представителей молодёжного движения нашей организации.

Так что, на примере Грузии Россия по сути занимается не осуществлением «мягкой силы», а самообманом. Я отвечаю за свои слова и это также позиция нашего института в целом. «Мягкой силой» должны заниматься стратегически мыслящие специалисты, а не чиновники, которые не могут выйти за формальные рамки и которым по сути безразличны русско-грузинские отношения. Нужны люди со светлыми головами и горячими сердцами.

Для русско-грузинских отношений мы хотим гораздо большего, нежели относительного потепления. А именно, надо стремиться к полномасштабному урегулированию. Но никакое новое межгосударственное соглашение не будет крепким и надежным, если не произойдет переосмысление нашей совместной истории и окончательный отказ от ее конфликтного прочтения.

Архипова Е.В.
к.и.н., доцент, Волгоградский государственный университет (Волгоград)

РОЛЬ БРИТАНСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ[1]

Первая попытка Великобритании взять под свой контроль г. Баку, предпринятая отрядом Денстервиля в августе 1918 г., закончилась неудачей. Существенного влияния на процесс формирования границ в регионе его миссия не оказала. Пребывание же сил союзников в Южном Кавказе на основании Мудросского перемирия как представителей объединенных сил Союзников с октября 1918 до августа 1919 года, а в Батуме – и до июля 1920 года внесло существенные изменения в административную карту региона.

Основные вопросы политики Союзников в отношении региона решались в тот момент в Париже, где страны-победительницы обсуждали будущее мироустройство. Для знакомства с ситуацией на месте британское правительство направило своего представителя комиссара Х. Маккиндера. Он рекомендовал поддержку независимых государств Закавказья с целью создания буферной зоны между Ближним Востоком и Советской Россией [13]. Работая в регионе, англичане выяснили, что местные правительства требовали своего признания вне зависимости от судьбы России [5, с. 222.].

После мая 1918 г. правительства республик объявили о своих территориальных претензиях друг к другу. Ахалкалакский и Ахалцыхский уезды Тифлисской губернии, порт и город Батум - районы, оспариваемые Арменией и Грузией [11, д. 11]. Территориальный спор между Грузией и Арменией по поводу Борчалинского уезда, Лори, Ахалкалак [7] (на Борчало претензии также предъявлял Азербайджан [2, д. 6, л. 13]) привел к началу войны между Грузией и Арменией. Закатальский округ и Сигнахский уезд стал предметом спора между Грузией и Азербайджаном [2, д. 47, л. 48].

Азербайджан и Армения столкнулись по поводу Карабаха, Зангезура, Шарура, Нахичевани. Армянские представители в Париже постепенно включили в сферу своих претензий 6 вилайетов Турции и Ки-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-01-00399 «Роль региональных лидеров в формировании межгосударственных границ на Южном Кавказе в 1917 – 1925 гг.»

ликию, кстати, сталкиваясь здесь с интересами Франции. Существовали претензии и к внешним границам государств.

Горское правительство просило англичан обезопасить их от Добровольческой армии. Материальное и вооруженное обеспечение Белого движения обеспечивалось силами Союзников, поэтому В. Томсон потребовал вывода добровольческих сил с территории Азербайджана, а 16 марта - покинуть Дагестанскую область [5, с 233]. После нескольких уточнений в феврале он установил границу по линии Кызил-Бурун–Закатала–Кавказский горный хребет–Туапсе [5, с.237]. А 5 мая генерал Томсон в разговоре с азербайджанским премьером Ф.Х. Хойским в Тифлисе заверил его, что Дагестан «должен быть присоединен к Азербайджану» [4, с.289]. В своих записках Деникин отмечает, что заявил англичанам, что Азербайджану опасность не угрожает, в то время как «резать Дагестан просто опасно». Его протест был поддержан и «английский командующий в Баку Шательворт в начале июля сообщил азербайджанскому правительству об отмене последней демаркационной линии и включении в зону Добровольческой армии всего Дагестана» [5, с. 244-245].

Грузинское правительство претендовало на черноморскую территорию до Туапсе, и свои наступательные действия в феврале 1919 года оно объясняло тем, что получило на это разрешение английского командования, а также имело поддержку среди местного населения [1, с. 755]. Полковник Уайт потребовал вывести войска добровольцев «из Сочинского округа, в котором “будет установлен английский контроль”. Но получил ответ, что “Сочинский округ очищен не будет”» [5, с. 284-285].

Батум как стратегически важный морской порт стал одной из ключевых резиденций английского представительства. Ограничивая русское влияние в городе, англичане также отрицали перспективу вхождения Батума в состав Грузии. В. Томсон выразил свое недовольство Н. Жордания, когда грузинское правительство создало Батумское губернаторство [6, с.100]. Несмотря на все попытки грузинское правительство так и не смогло присоединить Батум к Грузии, из-за чего оно стало выступать против английского представительства [5, с.264; 7, с. 101]. Очевидно, что английские офицеры, понимая стратегическую значимость Батума, хотели оставить его под своим влиянием и не ставили вопрос о его принадлежности кому-то из региональных стран.

1 декабря 1918 г. Мусульманский национальный комитет Карса объявил о создании Республики Юго-Западного Кавказа (Карсская и Батумская области, Ахалцихский, Ахалкалакский, Шарурский, Нахиче-

ванский, Сурмалинский уезды и юго-восточная часть Эриванского уезда) [3, с. 10-11]. Грузия и Армения заявили свои права на эту территорию. Между самими англичанами возникли противоречия по поводу судьбы Карса. Когда здесь появились грузинские войска, это спровоцировало заявление карсского губернатора Темперли, что их наступление «будет считаться направленным против Великобритании». В конце марта он был заменен на генерала Ассера, который сверг «Юго-Западное правительство». Грузинские войска заняли северную часть «республики», Ахалцык и Ардаган, но по требованию англичан очистили последний [5, с. 266-267]. Дж. Милн поддерживал армянскую судьбу Карса и армянские войска заняли всю Карсскую область, которая вошла в состав Армении.

Летом 1918 г. Грузия объявила о включении территории Борчалинского уезда, оккупированной тогда турками. После ухода турок территорию стали занимать грузинские и армянские отряды. Началась дипломатическая переписка между грузинским и армянским правительством из-за военных столкновений. В дело вмешались французские и британские представители. Франция заняла сторону Армении [12, д. 96, л. 43]. Капитан Грин, направленный генералом Томсоном для урегулирования конфликта, выдвинул ультиматум о прекращении огня сторонами: «обе воюющие стороны оставляют все спорные области Лори и Ахалкалак» [12, д. 96, л. 50]. Армянские войска были отведены, а грузинские оставались на занятой линии. В армяно-грузинской конференции 9-17 января 1919 года принимали участие Союзники: председатель конференции – полковник Британской армии Стюарт и капитан французской армии Н. Гасфельд. По результатам переговоров создавалась Нейтральная зона Борчалинского уезда, и ее северная граница устанавливалась в соответствии с тем положением, которое занимала грузинская армия на момент переговоров. Ее южная граница определялась по «старой турецкой линии», установленной соглашением «25 декабря 1918 г., подписанным в деревне Караклис». В зоне создавалась смешанная администрация «под наблюдением и контролем Союзников». Британское правительство брало на себя расходы по осуществлению управления этой территорией с условием возмещения тем государством, в пользу которого в последующем отойдет участок [9, д. 63. лл. 8-9 с об]. А в Ахалкалакском уезде «создавалась грузинская администрация под контролем англичан» [5, с. 280; 8, с. 51]. 14 марта бригадный генерал В. Бич сообщил Н. Жордания и О. Качазнуни, что «временные демаркационные линии в Закав-

казье определит возглавляемый В. Томсоном комитет, а последнее слово будет принадлежать Парижской конференции» [8, с, 74].

Для решения армяно-азербайджанских территориальных споров приказом Дж. Форестье-Уокера 26 января было создано военное губернаторство Шарура-Нахичевана [8, с. 67]. В феврале он настаивал на необходимости отвода армянских подразделений из Нахичевана, предлагая также подчинение Зангезура, Шуши и Джебраила азербайджанскому правительству и свое посредничество по Карабаху, при условии, что его решение будет принято как окончательное [8, с. 70]. В апреле – мае Нахичеван и Карсская область были переданы под контроль Армении [10, д. 209, ч. 2, л. 124]. Англичане при обсуждении территориального деления уступку по Карабаху со стороны Армении выторговывали на будущие ее приобретения на западе Турции [10, д. 212, ч. 3, л. 189]. Но 30 апреля Дж. Милн заверил армянское правительство, что признает русско-турецкую границу 1914 года, таким образом, дезавуируя обещания о турецкой Армении [8, с. 89-90].

Вывод английских войск с территории Закавказья начали обсуждать в британском правительстве уже с марта 1919 г., что делало шаткими все территориальные изменения [14, p. 156]. Но пока они находились здесь, к их помощи прибегали власти Армении, когда в Нахичевани начались восстания в мусульманских селах [8, с. 100]. В августе под нажимом англичан было подписано «Временное соглашение между армянами Карабаха и правительством Азербайджана», по которому подтверждалась азербайджанская администрация, но «временно», утверждалось армянское самоуправление, вопрос о положении Карабаха должен решаться на Парижской мирной конференции [8, с. 101-102]. Перед уходом англичане юг Ардаганского округа передали от Армении в состав Батумского генерал-губернаторства, где они еще сохраняли свое присутствие [10, д. 92, ч. 5, л. 334А].

Необходимо отметить большое значение, которое имели личные представления офицеров британской армии о справедливых территориях в регионе на отношения между оформившимися правительствами. Линии, предложенные Томсоном или его коллегами, они рассматривали как государственные границы, во многом и потому, что англичане настаивали на безоговорочном подчинении.

Раздираемые между желанием с одной стороны контролировать кавказский коридор и кавказские ресурсы и с другой стороны понимая ограниченные финансовые возможности для осуществления своего эф-

фективного управления, британское правительство и офицеры вынуждены были принимать сложившиеся условия и обещая сначала одно, в конце концов реализовывать другое решение территориальных споров. Результат такой политики на самом деле оказался скорее провальным: правительства всех трех республик больше не верили в возможность решить спорные вопросы с помощью англичан, и местное население попрежнему страдало в кровопролитных сражениях.

Примечания

1. Абхазия – историческая область Грузии: сб. документов / Д. Гамахария, Б. Гогия. Тбилиси, 1997. – 575 с.

2. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГА АР). Ф. 897. Оп. 1.

3. Гаджиев А. Из истории образования и падения Западной Кавказский (Карсской) демократической республики. – Баку: Элм. – 1992. – 40 с.

4. Гасанлы Дж. П. История дипломатии Азербайджанской Республики. В 3 т. Т. 1 / Дж. П. Гасанлы; пер. с азерб. И.Н. Рзаева. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 576 с.

5. Деникин, А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. – Мн.: Харвест, 2002. – 560 с.

6. Жордания Н., Моя жизнь / Пер с груз. Инны Жордания. Стэнфорд: The Hoover Institution, 1968. – 130 с.

7. Мархулия Г. Армяно-грузинские взаимоотношения в 1918 – 1920 годах. – Тбилиси, Тбил. гос. ун-т им. И. Джавахишвили, 2007. – 82 с.

8. Махмурян Г.Г. Республика Армения 1918 – 1920 гг. в политике Великобритании. Дисс. на соискан. уч. ст. д.и.н. Ереван, 2009. – 344 с.

9. Национальный архив Армении (НАА). Ф. 114. Оп. 2.

10. НАА. Ф. 200. Оп. 1.

11. НАА. Ф. 200. Оп. 2.

12. НАА. Ф. 275. Оп. 5.

13. Blouet B.W. Sir Halford Mackinder As a British High Commissioner to South Russia, 1919 – 1920 // Geographical Journal. 1976. Vol. 142, No. 2. P. 228 – 236.

14. Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905 – 1920: The Shaping of National Identity in Moslem Community. Cambridge, 1985. – 272 p.

Афанасенко В.И.
научный сотрудник лаборатории истории и этнографии, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИВИЗИИ ЗАКАВКАЗЬЯ В БОЯХ НА ТЕРЕКЕ В 1942 Г.[1]

Историография битвы за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) насчитывает сотни названий монографий, статей, сборников архивных документов, воспоминаний участников, десятки мемуаров военачальников Красной армии и вермахта. Наиболее интересны, с точки зрения документальной аргументации и детализации событий, исследования В. Тике, И.Б. Мощанского, С.И. Линца и С.В. Януша, А.Ю. Безугольного, а также коллективная монография ученых ЮНЦ РАН. Несмотря на большое количество публикаций, посвященных битве за Кавказ, еще остаются неисследованные и малоизученные страницы этого судьбоносного стратегического сражения. Одной из них являются боевые действия сформированных в годы войны в закавказских республиках СССР национальных стрелковых дивизий на правом берегу Терека, на северных подступах к нефтяным полям Грозного.

Кровопролитные бои 44-й и 58-й армий Северной группы войск Закавказского фронта в ноябре-декабре 1942 г. не увенчались успехом и не привели к разгрому главных сил 1-й танковой армии вермахта. Основную тяжесть боев вынесли стрелковые дивизии, сформированные в Грузии, Азербайджане, Армении. В 1942 г. к формированию национальных соединений приступил Закавказский военный округ. В приказе наркома обороны предписывалось переформировать уже готовые дивизии, создав на их основе 392-ю и 406-ю грузинские, 408-ю и 409-ю армянские, 402-ю и 223-ю азербайджанские стрелковые дивизии. Одновременно на Керченском полуострове переформировывались три дивизии Крымского фронта, прибывшие из Закавказья: 224-я – в грузинскую, 388-я – в армянскую, 396-я – в азербайджанскую. По национальному признаку укомплектовывались вновь создаваемые в Закавказье дивизии:

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Азово-Черноморско-Каспийский регион в условиях войн и вооруженных конфликтов конца XVII – начала XXI вв.: геостратегические и историко-антропологические аспекты» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблем развития полиэтнического макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

414-я и 418-я – как грузинские, 89-я и 419-я – как армянские, 416-я – как азербайджанская. Эти соединения были охарактеризованы как «национальные по содержанию и интернациональные по духу» [1, л. 95]. В составе Северной группы войск Закавказского фронта боевое крещение приняли семь национальных стрелковых дивизий: три азербайджанские (223-я генерал-майора В.П. Зюванова, 402-я полковника А.Н. Гусейнова, 416-я полковника Т.А. Алярбекова), две армянские (89-я полковника А.А. Василяна, 409-я полковника В.Ф. Гладкова) и две грузинские (392-я генерал-майора Г.И. Купарадзе, 414-я полковника И.Ф. Иоскевича). Эти соединения были по штату укомплектованы личным составом, 80-90% которого составляли, соответственно, азербайджанцы, армяне и грузины.

Низкая квалификация и неопытность командно-политического состава национальных дивизий стали главной причиной того, что боевое слаживание новых соединений растягивалось на месяцы. Об этом 18 октября 1942 г. сообщал начальник политотдела Северной группы войск бригадный комиссар Надоршин: «В составе Северной группы войск Закавказского фронта имеется семь национальных дивизий, из них две грузинские, три азербайджанские и две армянские. Кроме того, почти в каждой дивизии имеется значительная прослойка красноармейцев и младших командиров нерусской национальности, особенно народностей Кавказа и Средней Азии. В некоторых соединениях имеются целые батальоны, дивизионы и эскадроны национальные. Бойцы и младшие командиры нерусской национальности в своём подавляющем большинстве не знают русского языка, а некоторая часть из них совершенно неграмотна. Больше половины личного состава нерусской национальности призваны в армию 4–5 месяцев тому назад. Многие из них в боях ещё не участвовали или участвуют впервые. В результате запущенности воспитательной работы с личным составом, плохого изучения и знания людей, в результате отсутствия элементарной работы по боевому сколачиванию подразделений и подготовки их к участию в боях, состояние большинства национальных дивизий до последнего времени было плохое» [2, л. 3–8]. В качестве примера: 320-я стрелковая дивизия начала формирование 25 августа в городе Ленинакане и уже в октябре прибыла на фронт. Полки имеют слабую подготовку и некомплект младшего начальствующего состава. На 1 ноября имела в строю 10411 человек, в том числе совсем необученых 4318 красноармейцев, то есть 2/3 рядового состава. [3, л. 443–449].

Боевое крещение национальных стрелковых дивизий состоялось на берегах Терека осенью 1942 г. После выхода войск к предгорьям западной части Главного Кавказского хребта командование группы армий «А» посчитало, что советские войска уже не смогут оказать упорное сопротивление и сообщило в ставку германского командования: «Кажется, что противник по всему фронту выставил на передовые линии все имеющиеся в своем распоряжении силы и что после прорыва этой линии, сопротивление противника будет сломлено» [4, л. 206–218]. При такой оценке план немецко-фашистского командования сводился к тому, чтобы продолжать наступление на Кавказ. На северном крыле группы армий «А» на Орджоникидзе, Грозный, Махачкалу, Баку должна была наступать 1-я танковая армия генерал-полковника Клейста в составе 3-го и 40-го танковых и 52-го армейского корпусов. Армия имела целью овладеть Грозненским нефтяным районом, перерезать Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую дороги, а затем по побережью Каспийского моря выйти к нефтяным районам Баку. Боеготовых танков имелось: в 3-й танковой дивизии – 61, в 13-й танковой – 106, в 23-й танковой дивизии – 21, в 16-й моторизованной дивизии – 15 [5, л. 211]. Соотношение сил по пехоте и артиллерии было в нашу пользу, но по танкам противник превосходил войска Северной группы.

44-я армия генерал-майора В.А.Хоменко заняла позиции по правому берегу р. Терек на участке от устья реки до Аду-Юрт (25 км севернее Грозного), с задачей прочно оборонять рубеж по р. Терек на участке: Крайновка, Кизляр, Шелковская, Аду-Юрт, имея свои основные усилия в районе Гудермеса, и быть в готовности к уничтожению противника в направлении Кизляра, Червленой, Грозного. Штаб 44-й армии расположился в Хасавюрте, запасной командный пункт – в Шамхале [6, л. 117–129]. Остановив к началу ноября 1942 г. наступление частей 1-й танковой армии противника, войска Северной группы Закавказского фронта вели бои на рубеже р. Терек, устье р.Баксан, Кишпек, Гунделен. Во второй половине ноября 1942 г. войска Северной группы начали перегруппировку, готовясь к наступательной операции вдоль северного берега реки Терек с целью уничтожения Моздокской группировки противника. Для этого 44-я армия снималась с занимаемых рубежей по южному берегу р. Терек и выдвигалась в район населенных пунктов Успех, раз. Калиновский, Николаевская, а на ее место выдвигалась с Махачкалинского рубежа 58-я армия [7, л. 26, 27].

К 30 ноября соотношение сил на фронте Северной группы войск было в нашу пользу по пехоте 3:1, по артиллерии 2:1, по минометам 4:1, по танкам 1:1 [8, л. 187–194]. Противник потерял свое главное преимущество в танках, позволявшее ему до сих пор атаковать советские войска. Главные надежды возлагались на свежие части 44-й и 58-й (командующий – генерал-майор К.С. Мельник) армий Северной группы войск Закавказского фронта. В составе 44-й армии готовились к наступлению 223-я, 402-я, 416-я азербайджанские, 409-я армянская, 414-я грузинская стрелковые дивизии и, укомплектованная преимущественно армянами, 320-я стрелковая дивизия.

30 ноября войска 44 армии перешли в наступление в направлении на Моздок, южнее Ищерская. С первых часов наступления бои приняли ожесточенный характер. Для развития наступления на северный берег Терека 1 декабря были выдвинуты 320-я армянская и 223-я азербайджанская стрелковые дивизии. С этой же целью из 44-й армии была переброшена в район станции Терек 409-я армянская стрелковая дивизия. «Для удобства управления, – сообщал генерал армии И.В. Тюленев Верховному Главнокомандующему Сталину, – все войска, действующие на северном берегу р. Терек (402-я, 416-я стрелковые дивизии, 9-й стрелковый корпус, 320-я, 223-я и 409-я стрелковые дивизии), с 3 декабря объединяются под управлением командарма-58.» [9, л. 428]. К 3 декабря 44-я армия вышла на рубеж: отм.116,6; отм.124,3; отм.112,9, (иск) Спорный [10, с. 329]. В этом наступлении 223-я, 402-я, 416-я азербайджанские, 320-я и 409-я армянские стрелковые дивизии совместно с 414-й грузинской, понесли тяжелые потери. Из-за отсутствия артиллерийской поддержки, части 402-й дивизии были окружены в районе Найденовской Рощ и поселка Сборного и после отчаянной борьбы погибли или попали в плен. Погиб командир 839-го стрелкового полка майор Байрамов. Батальоны 840-го полка майора М. Абдуллаева, не имея средств ПТО, 6 декабря были вынуждены оставить высоту 123,0. Части 833-го полка майора А. Аббасова держали оборону на линии Ищерская – Капустино – Новоледнев – Майорск. Немцы, чтобы прорвать оборону полка, задействовали до 100 единиц бронетехники, но, потеряв 36 танков и бронемашин, отступили. За этот бой 75 солдат и офицеров 833-го стрелкового полка были награждены орденами и медалями. На 12 декабря в 402-й дивизии осталось в строю около 4 000 человек, то есть меньше половины личного состава. По решению Военного совета 44-й армии уцелевший личный состав направлен на пополнение 416-й стрелковой дивизии.

Три недели кровопролитных боев не принесли успеха. Стрелковые подразделения легко поддавались пресловутой «танкобоязни» и при появлении немецкой бронетехники поддавались панике. К 25 декабря войска были остановлены на рубеже: Ось-Богатырь, Шефатов, Ленпоселок, вост. Стодеревской [11, с. 187]. Потери частей 44-й армии в декабре оказались самыми высокими среди всех армий Закавказского фронта. По признанию командующего, генерал-майора Хоменко, к концу месяца его армия была фактически небоеспособной [12, л. 157]. 23 декабря командующий Северной группой войск генерал-лейтенант И.И. Масленников обращается к Военному совету Закавказского фронта: «В связи с малочисленностью 320 СД, прошу утвердить ее расформирование. Расформировать 409 СД, личный состав обратить на пополнение 89 СД. Расформировать 416 СД – личный состав обратить на укомплектование 223 СД. Прошу утвердить решение» [13, л. 512, 513].

До победного мая 1945 г. дошли 320-я Енакиевская Краснознаменная ордена Суворова, 416-я Таганрогская Краснознамённая Ордена Суворова, 89-я Таманская Краснознамённая ордена Красной Звезды, 223-я Белградская Краснознамённая, 414-я Анапская Краснознамённая стрелковые дивизии.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), ф. 209, оп. 999, д. 1.

2. ЦАМО РФ, ф. 209, оп. 1019, д. 39.

3. ЦАМО РФ, ф. 273, оп. 879, д. 14а.

4. ЦАМО РФ, ф. 6598, оп. 725168, д. 1176.

5. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 197.

6. ЦАМО РФ, ф. 28, оп. 1072, д. 481ж.

7. ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 11600, д. 1365.

8. ЦАМО РФ, ф. 209, оп. 1063, д. 31.

9. ЦАМО РФ, ф. 209, оп. 1060, д.13.

10. Линец С.И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль-декабрь года). М, Илекса, 2010.

11. Мощанский И.Б.Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М, Вече, 2010.

12. ЦАМО РФ, ф. 209, оп. 1063, д. 432.

13. ЦАМО РФ, ф. 273, оп. 879, д. 5.

Бедрик А.В.
Институт социологии и регионоведения ЮФУ,
ведущий научный сотрудник

Сериков А.В.
Институт социологии и регионоведения ЮФУ, доцент,
заместитель директора по научной работе и экспертной деятельности

ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ПРАКТИКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В Г. РОСТОВЕ-НА-ДОНУ (на материалах социологического исследования)

Ростовская область продолжает оставаться одним из привлекательных для внешних и внутренних мигрантов регионов. Транзитное географическое положение (позволяющее Ростову-на-Дону называться воротами Юга России), обширная территория, стабильная социально-экономическая и политическая ситуация в регионе способствует тому, что потоки миграции на территории области остаются достаточно интенсивными. Регион обладает обширной территорий, различные районы которой отличаются друг от друга природно-климатическими условиями, уровнем социально-экономического развития, положением в системе общественного разделения труда. Все это приводит к тому, что различные районы региона становятся привлекательными для совершенно разных групп мигрантов.

Среди регионов Юга России именно в Ростовской области в наибольшей степени представлена концентрация русского населения (90,34%). Вместе с тем в области проживают представители 158 национальностей. Наиболее многочисленные этнические группы: армяне - 2,64%, украинцы – 1,85%, турки (турки-месхетинцы) – 0,85%, азербайджанцы – 0,43%, чеченцы – 0,27%, даргинцы – 0,20%, аварцы – 0,11%. Кроме того, в отдельную этнодемографическую группу населения Ростовской области следует выделять казачество, которого согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года насчитывается 29 861 человек (0,71% населения области) [1, с.49-50]. В миграционной ситуации Ростовской области наблюдается положительный миграционный прирост за счет внешней миграции из Украины, Армении, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана.

Как отмечает З.В. Сикевич, трансформации этнодемографической структуры населения под влиянием миграций могут провоцировать развитие ситуационных этнофобий и этнических предрассудков. При этом если ситуационная этнофобия выступает как кратковременный негативный гетеростереотип социального характера, формирующийся, как правило, в конкретной социальной ситуации межэтнического взаимодействия и слабо связанный с культурными характеристиками негативно оцениваемой общности, то этнические предрассудки выступают уже как исторически сформировавшиеся негативные гетеростереотипы этнокультурного характера, транслируемый из поколения в поколение [2, с.54]. Трансформация ситуационной этнофобии в этнические предрассудки провоцирует затяжной характер миграционного конфликта и нейтрализует возможности интеграции мигрантов в принимающий социум. Оформление этнического предрассудка может являться результатом как объективных факторов (например, криминализация и маргинализация мигрантов), так и субъективных причин – негативной позицией государства в отношении мигрантов, односторонним освещением миграции в СМИ и т.д.

Ситуация в сфере межнациональных отношений Ростовской области указывает на рискогенность их характера. Как свидетельствуют данные мониторингового социологического исследования населения Ростовской области, проведенного в 2015 году, половина всех опрошенных респондентов (50,0%) оценивают межнациональные отношения в нашей стране в настоящее время как «внешне спокойные, но внутренне напряженные». В целом, в негативном ключе видят межнациональные контакты 65,8% респондентов, и только 15,2% рассматривают их как доброжелательные или как спокойные.[3] Различаются данные параметры и в территориальном аспекте, вызывая различную реакцию местного населения в зависимости от города или района, куда направлен поток миграции. Сложная ситуация с точки зрения межэтнического взаимопонимания, как известно, складывается в восточных районах области, куда направлены миграционные потоки из Северо-Кавказских республик в силу того, что ландшафтно-климатические условия этих районов предоставляют возможности для овцеводства и иной хозяйственной деятельности, привычной для жителей республик [4, с.51]. Все это приводит к превышению тех параметров миграции, которые безболезненно могли бы быть поглощены принимающей социальной средой с точки зрения интеграции прибывающего населения в местные сообще-

ства, накоплению недовольства среди местного населения, которые трансформирует практически любые бытовые эксцессы в локальные межнациональные противоречия. При этом относительно высокий уровень межнациональной напряженности сохраняется по всей территории региона, включая крупные города.

В ходе социологического опроса населения г. Ростова-на-Дону, проведенного по репрезентативной выборке в октябре 2015 г., были получены данные о состоянии межнациональных отношений в крупном поликультурном мегаполисе Юга России. Репрезентативность проводимых исследовательских процедур обеспечивалось за счет реализации многоступенчатой стратифицированной выборки (тип поселения, территория поселения, пол респондента, возрастная подгруппа, уровень образования). Опрашивалось только население в возрасте от 18 лет, проживающее на территории Ростова-на-Дону, во всех по 8 административных районах города: Ворошиловском, Октябрьском, Ленинском, Первомайском, Железнодорожном, Советском, Кировском и Пролетарском. Общая совокупность опрошенных респондентов составила 851 человек.

Уровень конфликтогенности межнациональных и межрелигиозных отношений в г. Ростове-на-Дону можно охарактеризовать как слабо выраженный, не актуальный для подавляющего большинства населения. Только чуть более 5% респондентов отмечают, что эта сфера отношений в пространстве городского сообщества выглядит для них как очень напряженная, критическая. Большинством жителей г. Ростова-на-Дону отношения между различными национальностями оцениваются как спокойные или нейтральные. Еще более четверти опрошенных рассматривают их как доброжелательные. В то же время четверть всех респондентов указала имеющееся напряжение в сфере межэтнических взаимодействий. Однако учитывая присутствие в этническом пространстве города представителей более 100 национальностей, постоянный миграционный приток из других регионов России и зарубежья, активность диаспор и конфессиональных организаций, такая оценка не может рассматриваться как реальный риск устойчивости системы межнациональных отношений в городской среде.

Важно отметить, что на уровне массового сознания изменилось отношение к мигрантам со стороны принимающего населения. Если прежде социологические опросы фиксировали негативизм населения в отношении миграционного присутствия, которому инкриминировалось

ухудшение криминогенной и санитарно-эпидемиологической ситуации, а также обострение конкуренции на рынке труда, то в настоящее время только пятая часть респондентов отмечает, что именно мигранты виноваты в ухудшении межнациональных отношений в городе. Для большинства респондентов ответственность за состояние межнациональных отношений, их улучшение или ухудшение является зоной взаимной ответственности как приезжих, так и старожилов.

В оценки факторов, оправдывающих присутствие мигрантов в регионе акценты сохраняются прежними. Так национальная принадлежность мигрантов представляет актуальность для 16,7% опрошенных. В значительной большей степени оправданность миграционного присутствия увязывается респондентами с их влиянием на социально-экономическую обстановку в городе. Так для более чем 30% респондентов миграция приемлема, если она не ухудшает условия жизни (прежде всего состояние занятости), а пятая часть опрошенных готова согласится на миграционное присутствие, если это не связано с дополнительным бременем на местный бюджет. В то ж время в настроениях респондентов очевидно и сочувственное отношение к стрессовой миграции: почти треть опрошенных соглашается с тем, что миграция оправдана, если в регионах-донорах мигрантов существовала реальная угроза для их жизни и здоровья. Сочувственное отношение к беженцам и вынужденным переселенцам (стрессовым мигрантам) превалирует даже над гражданской принадлежностью мигранта: только пятая часть ростовчан отметила, что статус гражданина РФ оправдывает его право переезда в город.

Большинство случаев проявления этнической неприязни или конфликтов объясняется респондентами бытовыми причинами: хамство на дорогах, в местах досуга, рынках и магазинах, в соседских отношениях. Однако все перечисленные причины приводят к проявлениям конфликтности и на внутриэтническом уровне, являясь самыми распространенными формами межличностных столкновений. Тот факт, что респонденты придают им этническую окраску, свидетельствует исключительно об устойчивости комплекса этнических стереотипов в рисковых условиях коммуникации, но не является подтверждением объективных этностатусных диспропорций в городском сообществе, которые могли бы привести к эскалации межэтнического насилия на массовом уровне. Кроме того, еще 18,6% опрошенных относят этнические противоречия к подростковой среде коммуникации, характеризующейся повышенным

уровнем агрессивности, что тоже объясняется возрастными психологическими, а не социальными или политическими причинами.

Как показали результаты проведенного опроса, уровень этнофобии среди ростовчан оказался ниже среднероссийских показателей. Так чувство неприязни к представителям других национальностей отметили актуальным для себя только каждый пятый опрошенный. В среднем по России 35% населения устойчиво демонстрируют неприязненное отношение к представителям этнических меньшинств. Ситуационное проявление этнической фобии отметила для себя еще одна пятая часть респондентов, заявив, что крайне редко фиксируют для себя неприязненное восприятие других этносов. В то же время более 45% отрицают, что их в какой-либо форме посещает чувство негативизма, детерминированное национальной принадлежностью субъектов взаимодействия. Данный показатель превышает общероссийское значение толерантного восприятия других этносов почти в два раза. Так среднероссийский показатель составляет 23-25% респондентов, которые не отмечают в себе какого-либо негативного отношения к людям, имеющим иноэтническое происхождение.

При этом, как и в среднем по России, ростовские респонденты более чем в половине случаев отмечают, что фиксируемая у них этническая неприязнь обусловлена их личным негативным опытом взаимодействия с представителями других национальных групп, либо аналогичным опытом среди их родственников или знакомых. Соответственно, этнофобия имеет преимущественно ситуационно-бытовую (амбивалентную) природу и не связана с глубокой психологической деформацией этнического самосознания в сторону национализма. Подтверждением ситуационного характера этнической неприязни служит и тот факт, что только 14,6% опрошенных отметили для себя СМИ как актуальный источник установок этнофобии. Полученные результаты обусловлены широкой практикой межэтнического взаимодействия в социальном пространстве г. Ростова-на-Дону, что отличает его от большинства городов Центральной и Северо-Западной России, регионов Сибири или Дальнего Востока. Фактически в ходе опроса получил очередное эмпирическое подтверждение тот факт, что в среде локальных сообществ с поликультурной структурой населения негативные национальные стереотипы оказываются менее выраженными, чем в среде т.н. «удаленного взаимодействия», при отсутствии регулярных контактов различных этнических и конфессиональных сообществ. Именно обилие

непосредственных контактов нейтрализует даже такой мощный фактор распространения этнофобии, как негативное информационное поле, формируемое СМИ.

Традиционно незначительно выраженной является для ростовчан такая форма этнофобии, как кавказофобия. В среднем в российских регионах Центрального и Северо-Западного федеральных округов с абсолютным преобладаем русского населения уровень кавказофобии фиксируется в 30-35% (а по некоторым регионам и до 40%). Среди ростовских респондентов уровень кавказофобии более чем в два раза ниже по всем этногруппам, относящимся к этой макроэтнической совокупности. Так более 45% отрицают наличие проблем в общении с представителями армянского этноса. Историческое присутствие армян на Дону, инкорпорированность диаспоры в сложившуюся систему социальных связей, ее высокий образовательный и профессиональный статус, отсутствие религиозной дистанции, широкое распространение межнациональных браков в среде армян, обуславливают регулярно фиксируемый среди ростовчан высокий уровень межэтнической комплиментарности с армянами. Показательно и то, что только чуть более 12% опрошенных отметили для себя актуальность конфликтов с представителями армянского этноса: это самый низкий показатель среди всей группы кавказских народов, чьи этнонимы были предложены респондентам в качестве вариантов ответов в ходе опроса.

Аналогичными оказались ответы респондентов и в отношении кавказских народов тюркской группы: азербайджанцев и турок-месхетинцев. Но если в случае с турками-месхетинцами у подавляющего большинства ростовчан отсутствует реальная практика взаимодействия в силу их преимущественно сельского расселения на территории Ростовской области в ее южных и юго-восточных районах, то в случае с азербайджанцами межэтнические контакты в достаточной степени являются регулярными. Соответственно и более значительными выглядят результаты опроса, которые почти в 40% случаев фиксируют отсутствие у респондентов каких-либо проблем в межэтническом взаимодействии с азербайджанцами.

Немногим в большей степени оказалась выраженность кавказофобии респондентов в отношении северокавказских этносов: чеченцев, дагестанцев и ингушей. В среднем треть опрошенных отрицает наличие конфликтной составляющей в контактах с представителями данных национальных групп. Однако в каждом пятом случае респонденты от-

метили для себя актуальность постоянных проблем или конфликтов с чеченцами и дагестанцами. Такие результаты, хотя и являются меньшими, чем в среднем по России, но в то же время превышают аналогичные данные опросов в других регионах Южного федерального округа: Краснодарском крае и Волгоградской области. Подобное превышение объясняется и большей демографической представленностью чеченцев и дагестанцев в регионе, и имевшими место в последние годы локальными межэтническими конфликтами с представителями чеченской диаспоры и дагестанского землячества, которые широко освящались в электронных СМИ.

В целом, наличие определенного уровня этнических фобий у населения г. Ростова-на-Дону (хотя и меньшего, чем в среднем по России), объясняется причинами культурной дистанции между различными этносами, населяющими городское пространство. Одновременно именно культура (и прежде всего, язык) обладают консолидирующим потенциалом в межэтнической коммуникации. Так более 44% опрошенных отметили, что их отношение к представителям другой национальности однозначно или, скорее всего, изменилось бы в лучшую сторону, если бы из общения с ними было понятно, что они хорошо владеют русским языком и знают русскую культуру. Особую роль русского языка как фактора, способного консолидировать поликультурное пространство России, отмечают и респонденты на общефедеральном уровне. Кроме того, в регионе еще с конца XVIII века были заложены традиции мирного проживания иноэтничного населения (Нахичевань, нынешний Мясниковский район), связанные с культурным обменом и взаимовлиянием. Наконец, сама история города апеллирует к масштабным миграционным изменениям – прослеживается кавказское наследие и в топонимике, и отчасти в языке и культуре, кухне и т.п. Таким образом, само восприятие города как принимающим, так и прибывающим населением носит многоуровневый характер, нейтрализует риски конфронтации славянского и кавказского компонентов городского социума.

Примечания

1. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Южного федерального округа. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2014 года) / Под ред. Г.С. Денисовой. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014.

2. Сикевич З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.

3. Бедрик А.В., Сериков А.В. Этноконфессиональные отношения в контексте обеспечения национальной безопасности: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. 2015. №11.

4. Денисова Г.С. Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007.

Викторин В.М.
к.и.н., доцент кафедры восточных языков Астраханского государственного университета (Астрахань)

РОССИЙСКАЯ АСТРАХАНЬ, СЕВЕРО- ЗАПАДНЫЙ ПРИКАСПИЙ И ТЕРСКИЙ КРАЙ ПО ПУТИ НА КАВКАЗ: ЭТНИЧЕСКИЙ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ, ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (СЕР. XVI - НАЧ. XX ВВ.)

Прошедшему юбилею – 455- летию г. Астрахани в составе России (2013 г.) и юбилею грядущему – 300-летию петровской Астраханской губ. (конец 2017 г.) п о с в я щ я е т с я

Город Астрахань – с момента воздвижения его крепости на левом берегу р. Волги в 1558 г. – замышлялся царской властью как форпост в степях, на севере Каспия и при продвижении к предгорьям Кавказа. Учитывались при этом всячески и этноспецифические, и религиозные факторы в политике.

Никак не случайно отряд здешнего воеводы И.П. Черемисинова - Караулова был вскоре направлен в 1559 - 60 г. с отрядом в сев. Дагестан (дельты рр. Терека и Кумы) именно «для обновления древнего христианства». Грузинское православие на Северном Кавказе за предыдущие столетия органично соединилось здесь с древними этническими верованиями горцев, а в ордынское и постордынское время отступало, сложно конкурируя, перед более новыми интенциями мусульманства – с запада, из Турции и Крыма, а отчасти – с юга, из Персии. И получили серьёзное подкрепление от России.

Предлагаемые доклад и статья были подготовлены в рамках Проекта Распределённого научного центра Минобрнауки РФ и ИЭА РАН, учреждённого с марта 2013 г. в южных приграничных округáх России под заглавием «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа» (Научн. рук. Проекта – акад. В.А. Тишков). – Госзадание № 213.01-11/2015-2

Последствия указанной военной миссии были очень долговременными [см. подробнее об этом : 1, с. 49 - 58]. В результате союза царя Ивана IV Грозного с ″пятигорскими черкесами″ (тогда же, к 60-м гг. XVI в.), адыго - кабардинский этнос, в лице своих периферийных, служилых групп распространился опять же вплоть до каспийского побережья Дагестана.

Здесь, в ве́дении астраханских воевод, возникло вассальное и во многом автономное княжество, где проживали служилые горцы – отчасти мусульмане, отчасти православные. В 1567 г. был заложен Терский, или Тюменский, или городок - остро́г, затем по соседству такой же, Черкасский, в 1588 г. он объединились.

Боевую и сторожевую «государеву службу» здесь несли кабардинцев (*″черкасы″*) и чеченцы - акинцы Дагестана (по-русски *″око́ки, окоче́не″*) – и мусульманская и «крещёная» часть в обеих группах, соседствовавшие вплоть до конца XVIII в. По документам XVII - XVIII вв. в ГосАрхиве Астраханской обл. (см. о них далее), правили теми и другими потомки главного кабардинского князя Янгылыча, члены семьи князя Сунчалея Черкасского. Оказались они в родстве с царями – и с Рюриковичами, и с Романовыми.

Один из знатных выходцев из православной ветви этого рода, боярин князь Григорий Сунчалеевич Черкасский был назначен в 1660 г. (смутные «разинские» времена) астраханским, царицынским воеводой, отвечавшим, в качестве специалиста - знатока, вообще за «кавказское», «горское» политическое направление.

Княжество было значимо вплоть до времён Петра I – городского и стрелецкого Астраханского восстания 1705 - 06 гг., которое нерусские служилые группы, в целом, подержали. А задачи двух Персидских, Каспийских военных походов России (первого – имп. Петра I в 1722 - 23 гг. и второго – гр. В.А. Зубова и И.П. Гудовича в 1796 - 97 гг.) диктовали в Прикаспии и вверх по р. Тереку новые организационно - политические формы управления, опять же с этнической и конфессиональной спецификой.

Укреплялись и связи России, через Астрахань, весь период XVII - XVIII вв. с Закавказьем – торговлей до пределов Персии через армянскую Джульфинскую компанию, политически – с проектами принятия Грузии в состав России. Могилы горячих поборников этого сближения, картлийских царей Багратидов Вахтанга VI и Теймураза II (скончались в 1737 г. и 1762 г.), находятся и по сей день в усыпальнице под

нижним храмом широкоизв. Успенского собора Астраханского кремля [из нынешних процессов и событий, см.: 2, с. 1].

В ходе дальних военных походов России и по их итогам возникли новые этногруппы сельского и городского населения (см. о них далее). Жители из городка Терско - Черкасского перешли к 1723 г. в новую крепость Ставрополь - Кавказский (Святой Крест), а после 1735 г. – в быстро развивавшийся г. Кизляр. И там, и там, сохранялись две упомянутые нами, двуконфессиональные горско - служилых слободы: «Черкасская» и «Окотская».

Отметим, что особая роль северо - западного Прикаспия – побережья Кизлярского и Аграханского заливов, дельты р. Терека, а также рр. Кумы и Сулака (ареал до ста км к взморью) – в истории всего региона и страны, в этнокультурных контактах исследовалась, на наш взгляд, недостаточно.

Известны подробные описания побывавших здесь учёных - путешественников П.С. Палласа из Германии (в конце августа - сентябре 1793 г.) и польского графа Я.Ю. (И.О.) Потоцкого (в теч. осени 1797 г. и весны 1798 гг.). Назовём ещё таких авторов, как Н.С. Семёнов, И.В. Бентковский, Р.Е. (Р.М.) Аджимамедов, С.Ш. Гаждиева, Г.М.-Р. Оразаев, Р.А. Симонян, В.Г. Суменко, Н.Д. Чекулаев, К.Н. Казалиева, А.У. Рабаданова, С.С. Белоусов, Р.В. Ишмухамбетов и, в нашем изложении далее, ещё нек - рых др. И это была весьма интересная традиционно - географическая зона и центром мощных этноисторических процессов.

Рассмотрим в докладе и статье лишь некоторые из здешних специфических этносоциальных, религиозных образований. Иные станут предметом наших последующих работ.

Из казённых крестьян, мусульман, - казанских татар (т.н. «лашма́ны»), участников Персидского похода имп. Петра I, возникла оставшаяся в службе татарская группа в предгорной, по р. Терек, ст. Гребенской (до конца XIX в. – Гладковской). Сейчас она в границах Чечни.

А закрепившаяся здесь же, переходившая к полуоседлости и оседлости группа ногайцев "*маллыба́ш*", захватываемая то калмыками, то крымцами, совершила в 1722 - 37 гг. круг странствий до крепости Азов. А их ветвь под близкими названиями – "*хо́ндровцы, ку́ндровцы, кондыра́усцы, кондуро́вцы*" – оказалась в 1744 - 47 гг. под г. Астраханью, а оттуда частично у г. Оренбурга и в казахских степях.

Вернувшаяся часть «маллыба́шцев» : костековские и аксаевские, вместе т.н. "*затеречные*" ногайцы – подчинились кумыкским князьям

(ср.: "Прошение кумыкских ногайцев" от 1860 г., изученное в ГосАрхиве Дагестана ст. н.с. Г.М.-Р. Оразаевым из г. Махачкалы и опубликованное им в 1989 г.). Судя по всему, и эти ногайцы, и здешние, в службе, татары в 1827 - 60 гг. перешли, что интересно, на кумыкский язык как на родной.

Проникали сюда и периферийные группы калмыков. Одна из них, перейдя в православие (т.н. *"митричи́н кристень"*), влилась в терское казачество. Другая, побывав в Крыму, обратилась в ислам (*"шере́т, шере́д"*, или *"хазла́р, казла́р"*). А свою «встречную» специфику в местном полукочевом, затем оседлом населении приобретала наиболее северная часть запада Прикаспия – богатые пастибища, т.н. ″Мочагу́″. Здесь, напротив, в буддизм перешла небольшая группа из приведённых сюда калмыками казахов (*"то(г)му́т"*). Именно данных пространств и тем же путём достигла ещё и группа кыргызов Центральной Азии (*"буру́т"*), потомков которых и ныне можно обнаружить на астрахано - калмыцкой границе.

Далее интересно, что приобретали здесь «новое схождение» частицы давно распавшихся (в XI - XV вв.) древних кочевых и горских общностей – тюркских и иранских, разными путями шедших. Так, через Астраханский край («воеводство», губернию) на Терек в XVII - XVIII вв. переселялись мангышлакские туркмены (в русскояз. документах – *″трухмены″*). А из сев. части Азербайджана и из дагестанского Кайтага в то же время кумыкскими владетелями была переведена небольшая группа («островками» по Кумыкской плоскости) т.н. *″терекеме́″* – полукочевых азербайджанцев, тоже близких туркменам. Кумыки называют их «турки». Предки их пересекли Иран в составе сельджуков в XI - XIV вв.

Вместе с ″терекеме́″ сюда, к пос. Хасавюрту, к сел. Эндери (русск. «Андреевскому») и креп. Нежданная к рубежу XVII - XVIII вв. переселилась часть ″горских″ иудеев с западноиранским, «та́тским» языком. Отсюда, после II - ой Кавказской войны, они расселились по крепостям, вплоть до Причерноморья.

По окончании II - го Каспийского похода 1796 - 97 гг. сюда в обозе отходивших российских войск прибыли такие же ираноязычные христиане с нынешн. границы Азербайджана и Дагестана, «таты - григориане», или «армяно - таты» (ещё одно армян. название, по диалекту, – *″кегецире́н″*). Под Кизляром этих новопоселенцев застал в нач. сентября 1797 г. путешественник, учёный и писатель гр. Я.Ю. Потоцкий. Специ-

ально для них же в 1799 г. был учреждён «заштатный город» Святой Крест (армян. ″Сурп Хач″) – впоследствии г. Прикумск, а ныне широкоизв. г. Будённовск.

А пока что в эти годы, до нач. XIX в., последовательно повышалась на Кавказе роль Астрахани, её военного, гражданского и духовного правления, а также крепости и городка Кизляр – непосредственно на южных рубежах региона.

Указом новой имп. Екатерины II, через губернатора и архиерея в г. Астрахани и Кизлярского коменданта, вопреки протестам турецкой стороны, на границе Кабарды по р. Терек в 1762 - 65 гг. были учреждены крепость и г. Моздок. Поселение так и затевалось, кроме всего многого прочего, как прибежище для людей, «из горских народов и ногайцев, креститься желающих», «с перезывом их на поселение и службу, в здешней стороне особливыми слободами» [3, С. 21 - 23, 29 - 35, 69 - 72 и др.].

К нач. XIX в. здесь и в окрестностях оформились необычные этносословные и этноконфессиональные группы : осетины в казачестве (две станицы, дигорцы – у Б.А. Калоева, т.н. *″ерáшти*, *дзерáшти″*), а также – на хуторáх выше города – близкие к ним по статусу, приписные как «иногородние», осетины - иронцы (здесь т.н. *″цáйта″*) и кабардинцы - православные и немногие мусульмане среди них (*″моздóге адыгé″*). Последние две группы при ген. А.П. Ермолове, к 1845 г. приобрели себе статусное прозвище *″казачьи братья″* (И.В. Бентковский) [см.: 4, с. С. 60 - 66].

Знаменательной, кстати, была деятельность в Моздоке (в 1793 - 99 гг.) первого здешнего епископа - викария, видного просветителя осетинского и других народов региона (открытие школы, издание книг - учебников веры и родного языка), знатного грузина Гаийя Токаова, впоследствии епископа Пензенского и Саратовского, затем – Астраханского и Кавказского [3, с. 51, 72 - 74].

Российское продвижение до конца XVIII в. продолжалось к предгорьям Большого Кавказа, выше по р. Тереку, далее к р. Кубани и оз. Маныч, и, наконец, к Приазовью и Причерноморью.

Сложности вскоре составили, однако, две Кавказские войны – горцев против России под исламскими лозунгами – в 1785 - 1790 гг. (при руководстве чеченца, шейха Ушурмы - Мансура) и затем в 1817 - 64 гг. (во главе с богословом - лезгином Мухаммадом Ярагским и с тре-

мя имамами - аварцами: Гази - Мухаммадом, Гамзат - беком и Шамилем).

В ходе второй войны произошла, кстати, быстрая исламизация и реисламизация остававшихся в православии ингушей и чеченцев, кроме давно, согласно преданиям, переселившихся на территорию Грузии ″цóва - бацбúйцев″ (из них – семья изв. военных, священников и просветителей Цискаровых и др.).

Под внешней и внутренней угрозой, в связи с Русско - турецкой войной, в 1768 - 74 гг. была основана Кизлярско - Моздокская (Терская) пограничная линия крепостей и укреп. постов, а после 1776 г., по указанию гр. Г.А. Потёмкина, развёрнута Азово - Моздокская линия. Казачьи формирования вдоль её протяжения были сведены в 1786 - 1860 гг. в «Поселенное», оно же с 1832 г. и до адм., «областной», реформы войсковых территорий – «Кавказское линейное» войско.

Особое «Кавказское наместничество» было учреждено 5 мая 1785 г., а полномочный наместник получал знание «главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий корпусом на Кавказской линии». Центр его из ст. Екатериноградской на военной дорóге с севера на Кавказ был 30 апреля 1790 г. перенесён в г. Астрахань.

Наместничество в структурах управления сменила с 1 января 1797 г. большая Астраханская губерния, чьё руководство, вместе с Кавказской военной инспекцией, располагалось в г. Астрахани по 15 ноября 1802 г. (до приёма в подданство Восточной Грузии и переселения к Волге казахской орды султана Букея: все решения об этом были приняты в январе - марте 1801 г., с исполнением в течение года).

Соответственно, в ГосАрхиве Астраханской обл. сохранилась исключительно богатая и содержательная (Б.А. Калоев) подборка документов по истории Северного Кавказа в теч. XVIII в. и по процессам в этнических группах его населения [5, с. 158 - 160; ср.: 6, с. 48 - 57.].

Волнения на границе и в среде подвластного горского населения нарастали. И в 1775 - 86 гг. в состав создававшегося Астраханского казачьего войска входили все 4 - 5 казачьих войск области по р. Тереку. С 1790 г. все они, по отдельности каждое, подчинялись генерал - губернатору, наместнику крáя в г. Астрахани. И так было вплоть до окончат. оформления единого здесь, Терского войска в 1860 г., отделённого «на линии» от Кубанского войска. Практически все казачьи формирования были изначально полиэтничны – а нередко и разноконфессиональны.

И, тем самым, Кавказская укреплённая, кордонная линия в 1785 - 86 гг. была сформирована, полностью перекрыв собою, по предгорным равнинам, всё Каспийско - Азовское «междуморье». Просуществлвала она до конца Кавказских войн (в конце весны 1864 г.), оставив после себя великолепную сеть дорожной связи.

В этой связи, для нашей темы особенно важно то, что с 1785 г. началась прокладка и путей сообщения от р. Волги на Северный Кавказ. Большинство поселений, официально учреждавшихся для обслуживания доро́г («трактов, шляхов»), были, по составу новых жителей, этноспецифическими или же многоэтничными [см., подробнее: 7, с. 32 - 44 и др.]. И именно этот са́мый период и застали, путешествуя здесь в 1793 - 98 гг., учёные - исследователи акад. П.С. Паллас и гр. Я.Ю. Потоцкий.

Первый описал (или просто обозначил) первые немецкие поселения в регионе, процесс переселения «волгских» казаков из - под Царицына на р. Терек, общину индуистов из Индии (г. Мултан) и их ритуалы в г. Астрахани, татарские (мусульманские и «новокрещенские») группы в сёлах вдоль по тракту, кочевые группы предкавказских туркмен. А гр. Я.Ю. Потоцкий чуть позже охарактеризовал историю, языки и традиции осетин разных групп, «та́тов» - горских иудеев и христиан - григориан, кочевавших с туркменами, предельно любопытных калмыков - мусульман и мн. др.

Акад. П.С. Паллас сумел отметить то, как в 80-х гг. XVIII в. сорвалось из - за безводья строительство «Кума́нского пути» – от Царицына напрямую до оз. Маныч : все переселенцы были тут же переведены на Московскую (к Астрахани) и затем на «Линейную» (на Кизляр) доро́ги. «Нижнюю Кизлярскую» доро́гу, почти вдоль побережья Каспийского мо́ря, избрал для себя и сам акад. П.С. Паллас [у него об обоих тра́ктах см.: 8, с. 35, 191 и др.].

Насколько нам удалось проследить по ходу событий, военное положение было снято с «Линейной» доро́ги, судя по всему, сразу после победного парада 21 мая (2 июня) 1864 г. на Красной Поляне, над нынешним пос. Адлер в черте г. Сочи (убыхское ущелье ″Гъуыб’эдэ″, или ″Къба́’аде″) [ср.: 7, с. 38].

Возникли после того новые, инициативные населённые пункты – тоже со своей этнической, иногда с конфессиональной и языковой (диалектной) спецификой. Отмечалась, в частности, что именно в 60 - 90-х гг. XIX в. ещё одна, довольно - таки сильная, новая «славянская» миграция воронежских крестьян – русских - «однодворцев» и украинцев

(по совпадению, с названием тоже *"черкасы"*, как и у части горцев), православных и сектантов - «иудеян» в калмыцкие степи и далее на Северный Кавказ. Была она, чаще всего, инициативно - самовольная : как «напрямую» через степи, так и на плавсредствах по р. Волге, из селений ниже г. Царицына, но с осторожностью минуя, по протокам, губернский центр – г. Астрахань.

Исходя из всего изложенного, можно утверждать : значение для России побережий севера, запада Прикаспия и впадающих в него больших рек в российском освоении кавказских предгорий и равнин было, на протяжении столетий, весьма велико. А пути сообщения, крепости и городá Астрахань, Кизляр, Моздок и др., структуры власти, играли здесь важную организующую роль. При этом прежнее и вновь приходящее сюда население оказывалось весьма многообразным, в традиционно - культурном отношении (обычаи, религии, языки и диалекты). Более того, именно в этих местах возникали наиболее необычные формы общения и взаимопроникновения такого рода особенностей, а новые *субэтносы* как её носители оказывались очень устойчивыми и долговечными.

Имеются на данный счёт описания путешественников, документы в архивах, а также полевые экспедиционные свидетельства, раскрывающие события и реалии прошлого на данных территориях.

Но наступал XX - ый век. Принёс он с собою события трёх революций и Гражданской войны, наиболее напряжённые и кровавые именно в низовьях Волги и на Северном Кавказе (с политически разной ориентацией в этносах и конфессиях, как и внутри них – почти в каждом случае). Указанные два региона ещё теснее соединили учреждение Кавказско - Каспийского фронта и его флотилии (с декабря 1918 по март 1919 г.), со штабом в г. Астрахани и тяжёлый переход сюда в январе 1919 г. частей и подразделений 11 - ой Красной армии. Некоторое время спустя, по установившемся тогда связям, состоялось и образование в 1921 - 53 гг. Северо - Кавказского (ныне – Южного) военного óкруга [ср.: 9, с. 27 - 35].

Происходило становление национальной государственности (республик и автономий), связанных этнических процессов, непосредственно затрагивавших советскую, тогда ужé, Астраханскую губ. (существовала по июнь - август 1928 г.), её внутреннее устройство и территориальные границы, как и регионы в близком соседстве с нею. Значительная новая миграция многих этносов Закавказья и Северного Кавказа

в низовья Волги началась десятилетиями позже – после Великой Отечественной войны и к концу столетия - миллениума. Но всё это – предмет будущего специального изучения.

Примечания

1. Викторин В.М. Этноконфессиональные группы у горских и степных народов Северного Кавказа: расхождения объединяющего субстрата, характер прежних и новых взаимосвязей // Кавказ: история и современность. Мат. III-ей М/н. научно – практич. конференции (26 - 27 сентября 2013 г.). К 20-летию Конституции РФ / Росс. акад. народ. хоз - ва и гос. службы при Президенте РФ – Сев. - Кавк. ин - т, Пятигорск. гос. лингв. ун - т, Межрегион. Ассоц. конституционалистов России. Т. 2. Общ. ред. – проф. Л.А. Тхабисимова, ред. - сост - ли доц. Е.А. Агеева, Е.А. Матросова, Б.А. Кулькин. Пятигорск: Изд - во ″Реклам. - информ. агентство на КМВ (РИА - КМВ)″. 2014 – С. 49 - 58

2. В Астрахани открылась Международная конференция «Астрахань и Багратионы: история двух захоронений». 10 июня 2014 г. Собств. инф. от службы коммуникации ОВЦС Патриархии РПЦ // Сайт ″Подворье Патриарха Московского и всея Руси″. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.hramsimeona.ru/news-patriarhii/v_ astrakhani_otkrylas_mezhdunarodnaya_konferentsiya_astrakhan_i_bagrationy_istoriya_dvukh_zakhoronen.html – 52 Кб (дата обращенья : 16.10.2015 г.)

3. Город Моздок. Исторический очерк. Отв. ред. доц. А.Г. Кучиев. Владикавказ: РИНП им. А.А. Гассиева. 1995 – 279 с.

4. Викторин В.М. Специфика и пути формирования монотеизма в структуре этносов Юга России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4 – С. 60 - 66

5. Калоев Б.А. Из дневника кавказоведа. II – Полевая этнографическая работа на Северном Кавказе // Этнографич. обозрение. 2000. № 5 – С. 156 - 172

6. Викторин В.М. Из истории религиозной политики России на Северном Кавказе (60 - 80-е гг. XVIII в.) // Восток - Oriens. Афро - азиатские общ - ва: история и современность. Журн. РАН. № 6. М. 1998 – С. 48 - 57

7. Сто пятьдесят лет на Линейном тракте. Татарское село Туркменка в подстепных ильменях нижневолжского правобережья (традиции, люди, преданья и судьбы). Очерки прошлого и настоящего. Изд -

ль – коллектив авторов - краеведов / МО " Наримановский р - н" и "Линейнинский сельсовет", Росс. акад. народ. хоз - ва и гос. службы при Президенте РФ – Астрахан. фил. и Лаборатория этнополитич. исслед - ний (Научно - общественное издание). Астрахань: Типогр. изд - ва "Color". 2014 – 95 с.

8. Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том I (избранное) / Агентство по печати и информ. коммуникациям Астрахан. обл. (Серия "Астрахан. губерн. библиотека"). Астрахань: ГП АО ИПК "Волга", 2008 – 303 с.

9. Викторин В.М. Административно - политические и межкультурные связи этносов и конфессий при эволюции структур региональной власти на Юге России (к истории сложения ″окружных″ систем) // Историко - культурное и межэтническое единство Юга России. Мат. Всеросс. научно - практич. конф. В рамках XIV-го Межрегион. Фестиваля мастеров искусств ЮФО и СКФО «Мир Кавказа» (г. Астрахань, 8 октября 2011 г.) / Правит - во Астрахан. обл., Обл. МЦ нар. культуры, Госфилармония. Астрахань : Изд - ль Ром. Вас. Сорокин. 2011 – С. 27 - 35

10. История Астраханского края. Колл. краевед. моногр. Гл. ред. проф. Н.М. Ушаков. Астрахань: Изд-во Астр. гос. пед. ун-та. 2000 – 1122 с.

Виноградов Б.В.
д.и.н., профессор,
Армавирский государственный педагогический университет (Армавир)

К ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ РАЗДЕЛА КРЫМСКОГО ХАНСТВА (1783) ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ГОРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ[1]

В научном кавказоведении широко известно, что вторая половина XVIII в. ознаменовалась усилением России на Северном Кавказе, да и в целом, в рамках продолжительной геополитической борьбы за Кавказ с Османской империей и Ираном. Данные констатации были связаны с однозначным успехом в османо-российской войне 1768 – 1774 гг. и с фактором присоединения к Российской империи большей части Крымского ханства (фактическим его разделом между Россией и Турцией) в 1783 г. Эти взаимосвязанные события предопределили положение России в качестве сильнейшей, доминирующей стороны в противоборстве с восточными державами, несмотря на стабильно сложный для нее «европейский внешнеполитический контекст».

В конце XVIII в., во многом, вследствие усиления России в рамках противоборства в регионе с Османской империей и Ираном, происходило расширение российской политической ориентации горских «владетелей» и этносоциальных сообществ, что находило отражение в подданнических присягах, реальное «наполнение» которых, правда, отражало и специфику местных социокультурных традиций, и различное понимание их сути субъектами взаимодействия [1, с. 116]. Здесь следует отметить, что само «подданство» горских народов по отношению к России еще со времен Ивана Грозного значительно отличалось от того «подданнического стандарта», который существовал внутри российского государства. Сложившиеся в России «вертикальные» соотношения между властью и обществом не могли быть апробированы применительно к отношениям с горскими этносоциальными сообществами хотя бы уже и потому, что горские подданные находились вне российских административных границ, на территории региона, который являлся

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования и науки Краснодарского края в рамках проекта № 15-11-23001 а(р) «Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772 – 1829 гг.)».

объектом борьбы между Османской империей, Ираном и Россией. Политические умонастроения горцев, принимавших присяги на российское подданство, определялись, как правило, конкретной региональной обстановкой, необходимостью защиты от притязаний восточных держав или же собственными их «усобицами», имевшими практически постоянный характер. К тому же, наличие усобиц как постоянного фактора местных реалий предполагало наличие в горской среде не только пророссийской, но и протурецкой, а для Северо-Восточного Кавказа – и проиранской «партий», при наличии ситуационной изменчивости внешнеполитической ориентации. В этом довольно запутанном контексте распространение среди горских подданных каких-либо «российских порядков» было уже невозможным. Кроме того, при всей условности понятия «подданство» применительно к статусу горцев в отношении к России, первые весьма нередко нарушали условия соответствующих присяг, особенно – по части набегов в российские же пределы. Обозначенные особенности российско-горского взаимодействия продолжали существовать в качестве фактора и в условиях явного усиления России на Кавказе в конце XVIII в.

В данной связи представляется, что государственно-правовые устои феодально-абсолютистской России не могли беспроблемно сосуществовать с достаточно конфликтной по имперским меркам (но единственно возможной в местном понимании) горской традиционностью, «знаковые» черты которой отнюдь не всегда соотносились только с проявлениями феодализации позднесредневековых горских сообществ, степень которой, кстати, была весьма неодинакова у различных этнических групп, но, как представляется, достаточно устойчиво преувеличивается в целом ряде кавказоведческих исследований [2].

Если использовать терминологический арсенал унитарно-стадиальных концепций исторического развития, имела место стадиальная неравнозначность субъектов российско-горского взаимодействия, несмотря на долговременную взаимную историческую мотивированность к сближению в процессе формирования российского Северного Кавказа. Вместе с тем, если применять «выкладки» цивилизационной теории (в рамках плюрально-циклических концепций исторического развития), становится не вполне ясным, по каким критериям те или иные горские этносоциальные сообщества можно именовать «цивилизациями» при условии, заметим, различных трактовок смысла самого этого понятия.

На перспективу (причем максимально приближенную) складывается ситуация, в которой овладение Россией Крымом и Правобережьем Кубани обусловило не только ряд выгод, таких как, например, возможности для широкой казачье-крестьянской колонизации Степного Предкавказья, но и ряд специфических ранее не существовавших проблем во взаимоотношениями с теми же горскими народами. Так, на протяжении целого ряда десятилетий пророссийская ориентация значительной части кабардинцев (при наличии, заметим, и протурецкой «партии») определялась в преобладающей степени потребностью в российской защите от постоянных крымско-турецких притязаний. Ситуация начала меняться уже в контексте условий Белградского мирного договора 1739 г. с Османской империей, 6-я статья которого провозглашала нейтральный статус Кабарды по отношению к России и Турции [3, с. 433]. Уже тогда наметилась тенденция к снижению мотивированности кабардинской знати к российской «протекции» при стремлении к собственному доминированию на Центральном Кавказе в новых региональных реалиях, обусловленных, заметим, достижениями российской политики. Снятие собственно крымской угрозы (вехами которого являлись и «нейтрализация» Крымского ханства по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., и, собственно, ликвидация ханства в 1783 г.) и заметное ослабление Османской империи определили существенную динамику политических умонастроений кабардинской знати, фактически игнорирующей фактор российского подданства Кабарды, закрепленный на международном уровне в 1774 г., или же дающей ему интерпретации, неприемлемые для российских интересов в регионе. На фоне ослабления внешней угрозы Кабарде иной смысл и перспективы приобрело завершение ее исламизации. Вместе с тем отметим, что шедший на протяжении XVII – XVIII вв. у адыгов как таковой процесс исламизации не являлся существенным препятствием для политических контактов с Россией и принятия подданнических присяг. Однако в конце XVIII в. новые обстоятельства ситуацию изменили. Отсутствие в регионе лояльного по отношению к России мусульманского духовенства (кадры которого готовились, как правило, в османских владениях, что предопределяло соответствующие «политические воззрения»…) в совокупности с фактическим нежеланием иметь над собой любую российскую власть обусловили в конце XVIII в. начало в Кабарде «шариатского движения»[4]. Его можно рассматривать в качестве того исламского «модернизационного» проекта, который призван был, с одной стороны, консолидировать кабардинскую

знать, а с другой – предельно ограничить российские «модернизационные» возможности в регионе. В данных условиях вскоре обозначится и перспектива использования Турции в качестве потенциального союзника против нежелательного для кабардинских князей усиления России на Северном Кавказе. Наиболее рельефно, уже в условиях международного признания российского суверенитета над Кабардой, это проявится в событиях османо-российской войны 1806 – 1812 гг., когда кабардинская знать вступит в непосредственный контакт с турками и замыслит весьма конкретные антироссийские военные акции на Кавказской линии. Естественно, это вызовет «силовую реакцию» русских региональных военных властей [5, с. 964],[6, с. 851], [7, с. 323 – 325]. В данной связи большое количество безответных, думается, вопросов вызывает именование этих военно-политических перипетий «кабардино-русской войной 1810 – 1812 гг.» [8].

Непросто складывались и обстоятельства освоения российским государством бывшей кубанской части Крымского ханства. Кубанские ногайцы, часть из которых до того проявляла приверженность к России (в условиях, заметим, «калейдоскопичных» политических процессов в независимом от Турции с 1774 г. Крымском ханстве…) для обеспечения российских военно-стратегических интересов на Северо-Западном Кавказе не являлись приемлемым контингентом, что обусловило их переселение. Осуществленное А.В. Суворовым в конце июня 1783 г. приведение кубанских ногайцев к присяге на подданство России не могло прекратить распри между ордами и участие в набегах [9, с. 34]. Следует признать, что для обеспечения на Северо-Западном Кавказе российских интересов и элементарной безопасности на вновь обретенной границе необходим был в качестве «засельников» Прикубанья лояльный и максимально предсказуемый этносоциальный контингент. И сразу было понятно, что крестьяне, как государственные, так и «частновладельческие» (то есть крепостные) для выполнения этих задач не подходили, хотя бы уже вследствие регулярных региональных «неспокойствий» и вполне прогнозируемых внешнеполитических обстоятельств. Данный фактор, по крайней мере, до середины 1790-х гг. (а сугубо в хозяйственном отношении – намного дольше…) предопределил недостаточную освоенность Россией Прикубанья. Переселение же на Кубань в 1792 – 1794 гг. Черноморского и части донского казачества, хоть и призвано было решить стоявшие перед Россией задачи, существенно изменило традиционную этнополитическую ситуацию в регионе. Достаточно из-

вестно, что османские власти стремились использовать территорию Левобережья Кубани («Закубанья», если пользоваться географическими определениями того времени), формально подвластного Порте по условиям фактического раздела Крымского ханства в 1783 г. в качестве плацдарма в грядущих войнах с Россией. Для этого, в частности, целенаправленно взращивались и поддерживались антироссийские настроения среди западных адыгов. Происходивший в их среде процесс исламизации и традиционные ценности по части набегового промысла создавали для этого благоприятные условия. Переход в 1787 г. на «турецкий берег» Кубани шейха Мансура, открыто действовавшего против России с 1785 г. под исламскими лозунгами (заметим, впервые в практике российско-северокавказских взаимоотношений) на Северо-Восточном и Центральном Кавказе, дополнительно стимулировал соответствующие умонастроения и действия западных адыгов в условиях османо-российской войны 1787 – 1791 гг.

В приведенном широком контексте российские (прежде всего казачьи, но и, затем, крестьянские) поселения и коммуникации были долговременными притягательными объектами для систематических набеговых предприятий «закубанцев». Заметим, вместе с тем, что в случае нормализации российско-османских взаимоотношений, как то было с 1799 по 1805 гг., анапские паши как представители турецкой администрации не имели практически никакого влияния на западных адыгов в деле прекращения нападений в российские пределы и возвращения «уворованного» [10, л. 3 – 3 об., 4].

Так или иначе, складывались новые реалии межэтнического и социально-политического взаимодействия в рамках пограничного сосуществования «догосударственного мира» западных адыгов (не станем здесь брать в расчет попытки некоторых современных кавказоведов найти у них феодальную раздробленность или даже сословно-представительные монархии, равно как и фактор присутствия османской администрации на черноморском побережье) и российской государственной структуры.

Конечно, взаимодействие российского населения Прикубанья с западными адыгами в конце XVIII – начале XIX в. знало и многочисленные мирные, позитивные примеры. Причем стремление к взаимовыгодному партнерству могло как инициироваться российскими властями, так и исходить собственно от представителей населения Прикубанья и формально турецкого Закубанья. Однако совокупность обстановки на

Северо-Западном Кавказе вряд ли оставляла шансы на ее стабилизацию на взаимоприемлемых для сторон взаимодействия условиях.

Как бы то ни было, усиление России на Кавказе в конце XVIII в., обусловленное во многом фактором присоединения Крыма и Прикубанья, открыло для российских властей как новые возможности, так и новые, вероятно, неожиданные, проблемы, разрешение которых требовало и немалого времени, и выработки новых подходов к взаимодействию с горцами в контексте неоднозначного и многомерного процесса складывания российского Северного Кавказа. Существовавшая на протяжении многих десятилетий в условиях противоборства за Кавказ между Россией, Турцией и Ираном система взаимоотношений российского государства с горцами стала заходить в тупик, фактически исчерпав свои возможности. Складывались причинность и общие контуры Северокавказского кризиса XIX века, того явления, которое по историографической традиции часто именуется Кавказской войной, при наличии ряда вопросов к этому терминологическому определению.

Примечания

1. Гапуров Ш.А. Северокавказские горцы, Россия, Османская империя и Иран: некоторые вопросы взаимоотношений в XVI – XVIII вв. // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Махачкала, 1998.

2. См., например: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты Кабарды и их кризис в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста, 2002 и др.

3. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

4. Туганов Р.У. Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799 – 1807 гг. // Живая старина, журнал по проблемам краеведения КБ АССР. 1991.№1. С.8 – 19.

5. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1869. Т. II. ч.2.

6. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. IV.

7. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005.

8. Жемухов С.Н. Кабардино-русская война 1810 – 1812 гг. Нальчик, 2000.

9. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003.

10. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 250. Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска. Оп. 1. Д. 7.

Гармышев Д.А.
аспирант Института истории и международных отношений
Южного федерального университета

ИМАМАТ ШАМИЛЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ ЭПОХИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ДИСКУРСЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

Имамат Шамиля можно считать одним из главнейших феноменов Кавказской войны. Пика своего развития это государственное образование достигло при третьем имаме Дагестана и Чечни легендарном Шамиле. Сосредоточив в своих руках религиозную, государственную и военную власть, Шамиль возглавил войну с войсками царской России. Так как власть в имамате была в руках духовного лидера, его принято считать государственным образованием с теократической формой правления.

Несмотря на этот факт, примечательно то, что часть историков называет имамат демократическим государственным образованием, другая же часть небезосновательно говорит об авторитарности или даже «монархии Шамиля». В пользу этого довода говорят попытки установить наследственную власть в имамате. Наиболее логичной выглядит точка зрения, согласно которой, Шамиль, будучи властителем, сам был вынужден подчиняться системе, выстроенной им. Будучи первым духовным лицом имамата, Шамиль обязан был быть образцом исполнения шариата [1, с. 385], а будучи мюридом Джамалутдина Кази-Кумухского, Шамиль должен был не перечить воле своего учителя.

Отдельного упоминания заслуживает объединение Дагестана и Чечни в этот период. Советские историки часто объясняли этот союз общими целями, объединявшими чеченских и дагестанских крестьян, в первую очередь, борьбу с усилившейся местной феодальной эксплуатацией [2, с. 235] Сегодня всё чаще происходит сравнение с призванием варягов, согласно этой версии, чеченцы, устав от войны между различными тейпами, призвали к себе Шамиля.

Исследователь Я.А. Гордин, отдавая должное М.Н. Покровскому, подчеркивает «не колонизационный» смысл завоевания Кавказа, отмечая, что кавказские земли не прельщали переселенцев из России [3, с. 5–6] А это значит, что покорение Кавказа было для России чем-то экстраординарным, требовавшим новых подходов и навыков. Но, в то же время, и для Шамиля царские войска стали настоящим вызовом, требовавшим абсолютного пер-устройства существовавшей системы. Широко

известна оценка, данная М.Н. Покровским, назвавшего имамат Шамиля «наивысшей точкой, до которой когда-либо поднималось политическое творчество кавказцев» [2, с. 237].

Несомненно, есть много причин для того, чтобы согласиться с такой оценкой – Шамилем было проведено административное деление, значительные военные реформы, произошло объединение земель, ранее бывших «вольными обществами», в единое государство. Однако, было бы неправильно идеализировать систему, выстроенную Шамилем. Документально подтверждено, что Шамиль неоднократно обращался за помощью к Османской империи [4, с. 228], ища помощи и защиты у более могущественного мусульманского государства.

Некоторые исследователи считают, что многие детали административного и военного устройства имам позаимствовал у османов. В этой связи признается, что политический строй имамата был основан на копировании османских образцов, имея некоторые местные отклонения, что разрушительно влияло на самобытные северокавказские этнокультурные комплексы [5, с. 17]. Наиболее разрушительным влиянием на культуру северокавказских обществ все же было не внедрение властных институтов, идентичных османским, а насаждение в среде населения арабской культуры.

Даже если введение шариата рассматривать как вынужденную меру, необходимую для удержания населения в повиновении на время ведения военных действий и как способ сближения с другими мусульманскими обществами, то признание арабского языка государственным было серьезным ударом по этнической самобытности. Дагестанский историк Ю.У. Дадаев, идеализируя всецело политику Шамиля, видит в этом решении только положительную сторону, считая это «исторической необходимостью и наиболее верным решением» [6, с. 61].

Однако насильственная арабизация мешала развитию местной культуры, борясь не только с местными обычаями и традициями, но и с самобытными языковыми особенностями. А.Т. Урушадзе, сравнивая имамат Шамиля и танзимат в Османской империи, приходит к выводу, что практически ничего общего между этими административными явлениями нет [7, с. 11]. По его мнению, реформы Шамиля представляли собой «самобытную практику модернизации» [7, с. 12], в отличие от модернизации, проведенной в Турции в сторону европеизации страны.

Сравнения с Османской империей приводит и М. Гаммер, ссылаясь на то, что Шамиль сравнивал Ахульго со Стамбулом, а себя с прави-

телем Турции [8, с. 320]. Обобщив полученные данные, можно говорить о том, что в основу устройства имамата Шамиля не могло быть положено одно лишь копирование османских образцов. Заметное влияние на формирование государственного устройства оказали особенности навязанной Шамилем идеологии мюридизма, а также контакты с русской армией. Русской армии Шамиль, в первую очередь, обязан артиллерией и знаками отличия (Ш. Казиев утверждает, что и в этом был перенят турецкий опыт) [9, с. 120].

Мюридизм стал мощнейшей идеологической базой для государства, находящегося в состоянии войны. А опыт Османской империи оказал влияние на формирование органов власти, таких как Государственный совет (Ди-ван-Ханэ). Теократический характер власти подтверждает существование такого органа как «Совет ученых». В отличие от Диван-Ханэ, он собирался от случая к случаю и состоял из наиболее выдающихся духовных лиц имамата. Показательно и то, что со временем заметно снижается роль этого органа власти, и советы собираются все реже, и в конце концов, оказываются в роли военного совета при Шамиле [1, с. 348]. Такое развитие событий может говорить о росте власти Шамиля, ее окончательной централизации.

Еще одним отличительным фактором, выделявшим имамат, была его изоляция, вызванная тем, что в процессе борьбы, Шамиль, отступая все выше в горы, терял торговые связи с городами и аулами, расположенными за Кавказской линией [10, с. 202]. Таким образом, оказавшись оторванными от важнейших торговых городов, горцы были вынуждены прибегать к набегам на ближайшие крупные города. Это распространялось на Моздок, Дербент, Кизляр, Владикавказ и др. [10, с. 202].

Таким образом, можно говорить о том, что реформы, проводимые Шамилем, были закономерны и во многом стали реакцией на необходимость ведения войны на два фронта – с царской армией и с дагестанскими ханами. Сам Шамиль, понимая, с какой огромной силой ему пришлось столкнуться, стал активно прибегать к расширению территории, пытаясь вовлечь в войну с Российской империи осетин и кабардинцев. Некоторые историки видят в этом имперские амбиции имама. Но здесь скорее прослеживается стратегическое желание пополнить свое войско новыми воинами и идеалистическая мечта об объединении мусульман.

Реформы, проведенные Шамилем, во многом, помогли имамату так долго и успешно сопротивляться натиску российской армии. Вместе

с тем, недочеты, допущенные Шамилем во время проведения реформ, стали причиной ослабления имамата изнутри. Одним из главных недостатков системы, выстроенной Шамилем, называют бесчинства наибов на подвластной им территории [1, с. 24]. Однако, нельзя полностью упрекать имама в этом упущении, так как наиболее крупные наибства были им раздроблены для того, чтобы в руках одного человека не была сосредоточена большая власть.

Только наиболее преданные Шамилю наибы обладали правами полных хозяев на территории своих наибств, так например, право казнить виновных давалось только ограниченному числу наибов, остальные были обязаны отсылать к Шамилю виновных в тяжких преступлениях [1, с. 385]. Конечно, Шамиль боролся со стремлением наибов к обогащению, опять же, в рамках шариата [1, с. 385], но чаще не верил доносам со стороны населения. Вместе с тем, сегодня происходят и попытки рассмотрения деятельности Шамиля в рамках мусульманских реформаторских движений, охвативших исламский мир в XIX–XX веках [11, с. 162].

Шамиль достоин, несомненно, стоять в ряду величайших исламских реформаторов. Но имамат, фактически, не имел крепких связей со странами мусульманского мира, находясь на отшибе исламской цивилизации. Стремясь следовать образцам других мусульманских стран, Шамиль, фактически, знал о них только по книгам и рассказам. Можно говорить о том, что Шамиль стремился к построению утопического государства, так как не учитывал местных ментальных особенностей. Несмотря на это, Шамиля действительно можно считать человеком, который не просто возглавил имамат, а полностью создал его. Одним из важнейших признаков относительной политической зрелости северокавказского имамата можно считать наличие некоторой оппозиции [12, с. 138], с которой Шамилю приходилось считаться.

Примечания

1. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

2. Покровский М. Н. Дипломатия и война царской России в XIX столетии. М., 1923.

3. Гордин Я. А. Кавказ: Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX ве-ка. СПб., 2000.

4. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: (сборник документальных материалов) / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили; Архив. упр. МВД Груз. ССР. Тбилиси, 1953.

5. Матвеев В. А. Имамат Шамиля как этнополитическая реальность эпохи Кавказской войны // Кубанский исторический журнал «Голос минувше-го». 2008. №1–2.

6. Дадаев Ю.У. Государственный язык Имамата // Журнал «Ахульго». 2000. № 4.

7. Урушадзе А.Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи – два типа модернизации // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4.

8. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоева-ние Чечни и Дагестана. М., 1998.

9. Казиев Ш.М. Имам Шамиль. М., 2001.

10. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.

11. Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоя-щем: коллективная монография / Под ред. А. Г. Иванова. Краснодар, 2013.

12. Дегоев В.В. Имам Шамиль – пророк, властитель, воин. М., 2001.

Гарсаев Л.М.
Институт гуманитарных исследований
Академии наук Чеченской Республики (Грозный)

К ВОПРОСУ О МНОГОВЕКОВЫХ РУССКО-ЧЕЧЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ЗАРОЖДЕНИИ ТЕРСКО-ГРЕБЕНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В РЕГИОНЕ

История российско (русско) – кавказских и особенно чеченских отношений, зародившиеся в раннее средневековье - явление весьма сложное и многогранное, - отмечали многие авторы, занимающиеся этой актуальной во все времена проблемой. При этом общеизвестно, что народы Северного Кавказа всегда были заинтересованы в союзе с Россией. Профессор Ш.А. Гапуров считает, что основными мотивами этого были политические – (совместная борьба против иранских, турецких и других нашествий) и торгово-экономические.

Царское правительство всегда отводило Чечне важную роль в своей восточной политике. Это было связано с общими вопросами политики на Кавказе, и шире – на Востоке.

Чеченцы принимали самое активное участие в действиях России, направленных на сближение с народами Северного Кавказа и Грузией. У России не было на Кавказе более последовательного и преданного военно-политического союзника, чем чеченцы. И даже во время Кавказской войны чеченцы не раз (в 1818, 1822 и 1856 гг.) пытались путем переговоров решить проблемы российско-чеченских взаимоотношений [1].

Проблемы истории Чеченской Республики, взаимоотношений России и Чечни как в новейшее время, так и в период средневековья стали предметом исследования многих историков российских и зарубежных научных центров. К сожалению, результаты некоторых из этих исследований не всегда отличаются объективностью и детальным знанием предмета, имеют открыто пропагандистские цели, пытающиеся доказать извечно непримиримый характер российско-чеченских отношений, цивилизационные различия, обуславливающие эту непримиримость. Благодатным периодом для поиска обоснования таких построений является последняя треть XVIII – первая половина XIX в. – преддверие и начальный этап Кавказской войны [2].

В своих исследованиях кавказоведы Гапуров Ш.А., Ахмадов Я.З., Магомадова Т.С. и другие авторы, основываясь на трудах своих предшественников, архивных документах, доказывают, что история российско-чеченских, российско - северокавказских отношений далека от устойчивого, навязанного и навязываемого уже в данное время стереотипа, сводящего эти отношения к военным столкновениям «дикарей», живущих за счет набегов, и «цивилизаторов», вынужденных защищаться от этих набегов. Профессор Ш.А. Гапуров подчеркивает, что «истина же в том, что в российско-кавказских взаимоотношениях с XVI в. были устойчивые долговременные политические, вассально-союзнические, торгово-экономические, культурные, куначеские связи, но она, к сожалению, малоизвестна в российских кругах» [3].

Чеченцы имеют многовековую, очень богатую и еще далеко не во всем познанную историю и культуру, питающуюся глубокими самобытными истоками и постоянно обогащающуюся в результате взаимополезных контактов с внешним миром.

Предки современных нахских народов еще в глубокой древности контактировали с древними обитателями Северного Кавказа, народами Закавказья и особенно славянами.

Исторический опыт мирного сосуществования и сотрудничества чеченцев и русских уходит своими корнями в V1-V11 вв. н.э. Исследования советских историков свидетельствуют о том, что восточные славяне стали заселять пространства между Волгой, Доном и Кавказскими горами с VII, если не с VI века н.э. В 942-944 гг. русы через Самкерц – Тмутаракань, Северный Кавказ вместе с аланами и «лизгинами» нападают на самый богатый город Закавказья – Бердаа. Не исключено, что вайнахи участвовали не только в этом, но и знаменитом походе русского князя Святослава в 965 г., когда последний «по Каспийскому морю добрался до столицы Хазарии Семендера и, опустошив его, двинулся вдоль Кавказа на запад… По пути к Азовскому морю Святослав столкнулся с ясами (аланами) и касогами… А с выходом границ Русского государства на берега Черного и Азовского морей (после удачных походов Киевского князя Святослава), активизацией торговли между Киевской Русью и Кавказом возрастают пока еще опосредственные русско-вайнахские связи» [4].

Русско-чеченские связи поддерживались и через Хазарский каганат, в пределах которого пребывало как русское, так и чеченское население.

Когда Хазарский каганат выступил наиболее активным противовесом арабской агрессии на Северном Кавказе, а заодно в качестве щита, оградившего от арабов восточноевропейские земли, вайнахи вместе с народами Дагестана и Алании активно поддерживали хазар. Этим поступком чеченцы вместе с горцами Северного Кавказа в определенной степени содействовали объединению восточно-славянских племен в единое государство с центром в Киеве. Совпадение интересов кавказцев и славян подготовило почву для их тесного знакомства [5].

Правда, эти связи не носили постоянный характер. Этому сначала мешали кочевые племена, а позже кипчаки и половцы, осевшие на Северо-Кавказских равнинах и постоянно вступавшие в военные конфликты как с русскими, так и с народами Северного Кавказа. И все же, несмотря ни на что, вайнахи в какой-то степени сохранили связи с древней Русью. Об этом говорит профессор Мальсагов Д.Д., утверждая, например, что кипчак Овлур, способствовавший побегу князя Игоря из половецкого плена, ни кто иной, как племянник русских от брака с чеченцем [6].

Характеристика этого непростого периода с уникальной яркостью раскрыта в выдающемся древнерусском литературном и историческом источнике XIII века – «Слове о полку Игорове».

Неудачный поход против половцев в районе Донца и реки Калки стал итогом пленения князя Игоря, который все же смог бежать (с помощью того же Овлура) и вернуться на родину.

В XIII веке русско-нахские контакты на целые столетия прерываются нашествием татаро-монгольских орд, заселивших Северный Кавказ и загнавших чеченский народ в горные теснины. Это нашествие внесло кардинальные коррективы в этническую карту Северного Кавказа и в определенной степени затормозило процесс закономерного социально-экономического и культурного развития населения региона [7].

В XVI-XVII вв. на Тереке в поисках свободы появляются русские люди, бежавшие на Кавказ от крепостного рабства. Как отмечают многие кавказоведы, благодаря добрососедскому отношению со стороны чеченцев казаки смогли утвердиться на Тереке.

Восточнославянское население Чечни складывалось на протяжении длительного времени. «Беглые русские лица», поселившиеся на гребнях между Тереком и Сунжой, дали начало гребенскому казачеству, которое упоминается в российских письменных источниках с XVI в. В притеречных районах по распоряжению царского правительства рассе-

ляются и в дальнейшем обживаются донские казаки. Последующая колонизация русскими Предкавказья связана с пореформенным периодом.

Обращение к культуре гребенцов показывает, что она является синтетической, вобравшей в себя средне-севернорусские, кавказские и тюркские элементы. Последние имеют многообразные проявления. Начнем с того, что в наиболее ранних письменных источниках встречаются имена казаков явно тюрского происхождения (Агрыжан, Евлаш, Кардавал, Яхлаш, Бормата и др.). Возможно, это были представители тюркских народов (ногайцев, брагунцев, кумыков и др.), отрывавшиеся от своего этнического ядра по ряду причин (кровная месть, нарушение обычаев, бегство «ясырей» и т.п.) и пополнявших ряды казачества. Принимая крещение, они сливались с русскоязычным ядром казачества. Примечательно, что в документах XVIII-XIX вв. тюркские имена исчезают, но остаются соответствующие фамилии (Татаров, Ногаев) и прозвища (Аука, Басман). Сохраняются и представления о происхождении отдельных казачьих родов от татар (Тихоновы). Примечательно, что наряду с русскими бытовали и ногайские названия гребенских станиц: Червленная – Ураз-кала, Щедринская – Карчи-кала, Новогладовская – Янги-кала и т.д. [8].

Терско-гребенское казачество складывалось не только из беглых русских, ищущих волю на Северном Кавказе, но и из представителей самих горских народов: чеченцев, кабардинцев, дагестанцев и т.д. Горцы бежали к казакам, спасаясь от кровной мести, рабства, от феодального гнета и произвола. Трудно определить, какова была доля горцев среди терско-гребенских казаков. Но бесспорно, что она была значительной. У терских казаков были целые станицы, состоящие из горцев-нехристиан. Правда, гребенцы принимали в свою среду только тех «инородцев», кто принимал христианство [9].

В состав гребенских казаков вливались представители разных чеченских тайпов. К числу таковых относятся оказачившиеся галаевцы, варандоевцы и особенно гуноевцы (выходцы из села Гуни Веденского района) из станицы Червленной (чеч. - Оьрза-г1ала по имени первопроходца гуноевца) - Егоркины, Колубчины, Галкины, Гулаевы, Бусунгуровы, Титкины, Закаевы, Борискины, Костиковы, Хановы и другие, переселившиеся в XVI-XVII вв. к казакам из-за кровной мести и нежелания принять ислам, который проповедовал чеченец Курчалинский Берсшейх, являющийся племянником гуноевцев по материнской линии [10].

Но происходил и обратный процесс. Немало свободолюбивых казаков находили приют в отдельных чеченских тайпах с последующей их ассимиляцией. За них выдавались замуж горянки и от них уже шла новая ветвь чеченского рода – Васал-некъи (потомки русского Васи), Митик-некъи (потомки Мити), Игрой некъи (потомки Игоря), Украин – некъи (потомки украинцев) и т.д. [11].

Таким образом терско-гребенское казачество стало уникальным явлением в истории Кавказа и сыграло огромную роль в Юго России и российско-горских взаимоотношениях. Оно стало составной частью северокавказского общества к концу XVIII – нач.XIX в. и явилось важным фактором как в экономической, так и в политической истории края, и , наконец, в установлении и укреплении российской власти на Северном Кавказе.

Особенно большое влияние оказывали друг на друга чеченцы и их соседи – терские и гребенские казаки (староверы), бежавшие из царской России за Терек от крепостного права и религиозного преследования [12]:

- Одежда и манера ее ношения у них также во многом были общими. Казаки носили кавказскую бурку, папаху, башлык, черкеску, бешмет, пояс, кинжал, газыри. Женщины надевали рубахи с широкими рукавами и бешметы, голову покрывали платком.

- У терских и гребенских казаков были в ходу горские музыкальные инструменты: зурна, свирель, двухструнная балалайка, барабан. В то же время у чеченцев значительное распространение получили русские гармоники (чеч. кехат пондар), на которых в основном играли женщины.

- Казаками были восприняты не только мелодии горских песен, но и некоторые виды танцев (например, наурская лезгинка), широко бытовал у них и популярный горский обычай джигитовки.

- Очень много общего наблюдалось и в характере казаков и горцев: веками общаясь друг с другом, они постоянно пополняли за счет друг друга свой словарный запас. Современники отмечали, что речь казаков «приняла оригинальный склад» и сами себя они называли не русскими, а казаками, и практически в каждом из них течет кровь чеченца, кабардинца, ногайца и других народов Кавказа.

Многие терские и гребенские казаки были кунаками чеченцев, они гордились своей дружбой и передавали ее из поколения в поколение. Ярким примером тому явилась дружба Льва Толстого с кунаком-чеченцем Садо Мисирбиевым из древнего чеченского тайпа Элстанжой,

к которому принадлежит автор этих строк. По словам Л.Н. Толстого, «…живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили обычай, образ жизни, нравы горцев… Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими... Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу... Красота гребенских женщин особенно поразительна соединением чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины. Казачки носят одежду черкесскую, но платки завязывают по-русски...», а в другом месте устами Деда Ерошки он говорит: «Вся наша родня чеченская – у кого бабка, у кого тетка была чеченка» [13].

Куначество между казаками и чеченцами поддерживалось не только в мирной жизни. Особо оно проявлялось в трагические моменты истории нашего народа. Тому немало примеров. Когда 16 сентября 1819 г. нависла смертельная угроза над цветущим чеченским аулом Дады-Юрт, находившегося по правому берегу Терека, казаки, верные кунаки чеченцев, жившие на левом берегу, ночью прислали гонца с известием, что их аул на рассвете будет уничтожен, а население истреблено.

Старейшины, приняв решение отразить нападение, поблагодарили вестового и попросили его покинуть село, но казак ответил: «Останусь с вами до последнего. Истинные казаки не бросают друзей в беде».

На рассвете действительно аул был сожжен дотла, люди уничтожены, вместе с ними погиб и казак. После полного истребления живы остались три мальчика в возрасте 2-3 лет из тайпа Харачой: один, взятый на воспитание братом генерала Ермолова, впоследствии стал знаменитым академиком живописи Петром Захаровым, второй – Бота Шамурзаев, (бывший наиб имама Шамиля, «перешедший из наибов в майоры царской армии») получил воспитание и образование в семье Раевских, третий К.М. Айбулат-Розен, впоследствии известный поэт в русской литературе XIX в., большой друг А.С. Пушкина, также воспитан в России [14].

Или другой пример новейшего времени, подобный героическому поступку казака, предупредившего жителей Дади-Юрта о грозящей им опасности. Благородно поступил атаман Кубанского казачьего войска Владимир Прокофьевич Громов, не поддержавший почин атаманов других регионов России организовать военные подразделения из казаков для войны в Чечне. Он заявил, что никогда не пойдет с войной против братьев – чеченцев.

Все вышеперечисленные примеры добрососедских отношений свидетельствуют о том, что куначеские связи между казаками и горцами не были поколеблены даже в период кровавой и ожесточенной кавказской войны, когда казачество по воле царского правительства оказалось в этой кровавой войне, обернувшейся для него настоящей трагедией. Они приняли такие размеры, что во второй половине XIX века неоднократно ставился вопрос на казачьих сходах о запрете куначества [15].

Таким образом, чеченцы на протяжении всей своей многовековой истории не были изолированы от окружающих племен и народов. Часть из них проходила по территории края, не задерживаясь надолго, другие находили здесь вторую Родину, с третьими издавна поддерживались торгово-экономические, политические, культурные и иные взаимоотношения. Соприкасаясь с многочисленными окружающими народами, чеченцы перенимали у них передовые элементы материальной и духовной культуры, в то же время делясь с ними тем положительным опытом, который был накоплен ими веками [16].

О постоянных добрососедских связях чеченцев с соседями говорит и ономастика. У чеченцев очень часто встречаются имена – Гуьржи (грузин), Г1алг1а (ингуш), Г1умки (кумык), Киргиз, Ног1и (ногаец), Іаьнди (андиец), Суьли (дагестанец), Турко (Турок), Узбек, Х1ири (осетин), даже Китай, Япон и т.д. В этом наблюдается глубокий интернационализм, признание чеченцами представителей всех народов равными перед Богом, понимание того, что не бывает плохой нации. Взять хотя бы один пример того, что в начале 1995 года при жесточайших обстрелах и бомбардировках города Грозного люди разных национальностей поддерживали друг друга, делясь последним куском хлеба и глотком воды. Оставляя город, чеченцы забирали с собой в села русских соседей, стараясь спасти им жизнь. В других обстоятельствах русские жители в Грозном спасали от контрактников чеченцев, их дома и имущество. Таких примеров взаимовыручки по республике было множество [17].

Межнациональные конфликты являются угрозой целостному существованию Российского государства, из-за которых оно может рассыпаться в прах, как в свое время распался СССР.

Россия, как сказал в конце декабря 2010 г. на заседании Госсовета президент РФ Д.А. Медведев, это многонациональное государство и его народы должны научиться жить по соседству друг с другом, а не ориентироваться на жизнь по национальным чипам.

Таким образом, история многовековых отношений между Россией и Чечней совершенно четко показала: чеченцы всегда хотели и сегодня стремятся жить в мире и дружбе с русским народом, но они не понимают языка силы и требуют уважительного отношения к себе, к своим обычаям и традициям. Они хотят быть равноправными гражданами Великой России. Чеченская Республика связана с Россией многовековыми узами политических, геополитических, экономических и культурных отношений и является неотъемлемой частью единого организма Российской Федерации [18].

Особенно с конца XIX в. чеченцы к России относились как к своей большой Родине. Об этом говорят факты их участия во внешних войнах России вместе с другими народами империи: в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., в русско-японской начала XX в., в первой мировой войне [19].

В заключении хочу привести старинную чеченскую мудрость, особенно актуальную в наши дни, которая гласит так: «Достойный человек не бывает без друзей».

Примечания

1. Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б. и др. Страницы истории российско – чеченских отношений //История науки и техники. – М., 2008(3). С. 9.

2. Осмаев А.Д. Анализ Российско-чеченских отношений в работах Ш.А. Гапурова // Сборник научных трудов АН ЧР. - Грозный, 2011. № 1. С. 156.

3. Там же.

4. Багаев М.Х. К вопросу о культурных связях чеченцев с народами кавказа и русскими // Хьехархо. №22 (142) – 27 ноября 2010.

5. Там же.

6. Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» //Изв. ЧИНИИИЯЛ. Языкознание. – Грозный, 1959. Т. 1., вып. 2. С. 141-146.

7. Гарсаев Л.М., Х.-А. М. Гарсаев, М.М. Гарсаев, Т.С. Шаипова. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX – нач. XX вв. Соратов, изд. «Наука». С. 27.

8. Ткачев Г.А. Ст.Червленная. Исторический очерк // Сборник общества любителей казачьей старины. - Владикавказ, 1912, №7-12. С.39,90.

9. Тотоев С.М. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселениями на Северном Кавказе //Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. - Дзауджикау, 1948. С. 148;

10. Гарсаев Л.М., Х.-А. М. Гарсаев, М.М. Гарсаев, Т.С. Шаипова. Указ. соч. С. 27.

11. Там же.

12. Гарсаев Л.М. и др. Указ. соч. С. 29.

13. Толстой Л.Н. Избранные повести и рассказы. Т.1. // Кавказ. 1847. С. 35.

14. Гарсаев Л.М. и др. Указ. соч. С. 30-31.

15. Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI-XIX вв.// КЭС. Т.8. М., 1984. С.59.

16. Гарсаев Л.М. и др. Указ. соч. С. 30-31.

17. Асхабов И.А. Чеченское оружие. – М., 2001. С.98.

18. Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б. и др. Страницы истории российско – чеченских отношений //История науки и техники. – М., 2008(3). С. 9.

19. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня: этапы многовекового содружества // Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19-20 июня 2012 г. С. 6.

Гарунова Н.Н.
д.и.н., профессор кафедры истории России XX-XXI вв.
Дагестанского государственного университета (Махачкала)

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ГОРОДА ТЕРКИ В ОПИСАНИЯХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ, КУПЦОВ И ДИПЛОМАТОВ

Терский город, выполняя пограничную службу, являлся форпостом восточной политики Русского государства, центром дипломатических связей с кавказскими феодальными владетелями, Грузией, Ираном, а позже с Индией и другими восточными государствами. Многие историки писали о Терском городе, говорили о его большом значении в истории региона, однако историю Терков во всех ее аспектах воссоздать вряд ли возможно, так как документы о городе утрачены. Был уничтожен и архив Казанского дворца, где находились материалы по Терскому городу. В документах Посольского приказа сохранились «Терские столбцы», однако они не могут восполнить гибель архива Терского города. Все это, по словам Н. П. Гриценко, осложняет написание подробной истории Терского города[1,с.26].

Судя по описаниям русских и западноевропейских авторов XVII в., Терки представлял собой позднесредневековый город, состоящий из двух частей: крепости и пригорода. По словам Адама Олеария, «город Терки лежит в доброй полумилеот берега на небольшой, очень искривленной речке Тименке (Тюменке). … Так как берег здесь на мили протяжения низок, болотист и поростростником, с моря нельзя иначе по пасть в город, как по речке. Насколько глазу заметно, кругом местность тут ровная и не видно ни холма…Это самый крайний город московитского царя; он занимает в длину 2000, в ширину же 800 фут, окружен деревянными стенами и башнями и хорошо вооружен многими малыми и большими металлическими орудиями… Ежедневный гарнизон этого города состоит из 2000 человек, которые находятся под наблюдением и управлением воеводы и полковника». В городе находится три приказа или канцелярии, и каждой из них подчинены 500 стрельцов…»[2,с.485].

Как сообщает купец Федот Афанасьевич Котов, совершивший с товарищами по царскому указу в 1623 г. путешествие в Персию, Терки –«город деревянный, небольшой, но хороший, стоит на реке Тюменке, на низком месте. Базары, храмы и дома находятся в крепости, а за ней – один монастырь». «Через реку Тюменку построен высокий деревянный

мост на козлах, под ними можно проезжать на лодках. В половодье в Тюменку впадает река Терек. Если вода невысокая, это место пересыхает, в такое лето вода в Тюменке застаивается и загнивает…»[3,с. 64]. Это говорит о том, что климатические условия города были не совсем благоприятны. Весной вся низменность затоплялась водой, которая оставляла после себя болота, а летом река почти пересыхала и застоявшаяся вода порождала болезни. Далее Ф. Котов пишет: «Город Терек стоит в пяти верстах от моря…Около города Терека много садов, а в садах много всяких овощей. В море напротив устья Терека находится остров Чечень, – идти до него под парусом полдня, этот остров большой, и около него много рыбы, на нем терские жители, тарковские кумыки и горские черкасы (так назывались горские народы Северного Кавказа, а иногда и дагестанские народы – автор) ловят рыбу» [3,с.65].

Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби восторженно описывал Терки: «… на берегу… залива Каспийского моря, как белый лебедь виднелась Терская крепость…». По его сведениям, в значительной степени преувеличенным, в Терках было 9000 каменных строений, 70 церквей, 3000 лавок и 10 постоялых дворов[4,с.26]. В своих описаниях Эвлия Челеби отмечал, что «московский флот идет в Каспийское море по реке Волге, а оттуда на кораблях они проходят в Дагестан до Терской крепости и множества деревень …». Далее он писал, что «все московские купцы сходят здесь (в Терской крепости – автор) с кораблей и направляются в Дагестан, Грузию и Иран» [3,с.109].

Слободы города были многолюдны, их население пользовалось свободой вероисповедания. Немногочисленное присутствие русских в Терках подтверждает донесение царю терского воеводы, который в 1614 г. писал, что «на Тереке… твоих, государь, ратных людей мало, и те все бедны, наги и босы и голодны, в твоей государевой казне на Тереке денежной казны и хлебных запасов нету и порожу мало, а свинца и нету, потому что на Терек денежной казны и хлебных запасов и пороху и свинцу в присылке не бывало 10-й год» [5,с.542].

Отдаленность Терского города от других русских городов, сложность его снабжения и постоянная напряженность местной обстановки замедляли темпы его роста. Но в период расцвета, до нашествия кубанских татар в 1708 г., Терки был оживленным городом с пестрым населением, с посадом и большим гарнизоном. При его основании туда были переселены из России 1500 человек, а затем еще 500 человек. В 90-х гг. XVI в. у города поселились кабардинские князья К. Камбулатов и С.

Енгалычев со своими подданными, вытесненные с занимаемой ими ранее территории в ходе внутренней борьбы в Кабарде.

В 80-х гг. XVI- начале XVIII в. Терский город сохранял в основном облик, приобретенный в 1669 г. Административным центром города был кремль, небольшая, но хорошо укрепленная деревянная крепость. В 1669 г. он сооружался по присланному из Москвы чертежу и под руководством московских «горододельцев», которых возглавлял, по сведениям Я. Стрейса, английский полковник Т. Бейлис[7,с.377]. В 1689 г. после сильного пожара, уничтожившего множество строений, кремль пришлось строить заново. Но из грамоты астраханскому воеводе А. Салтыкову и росписного списка Терского города видно, что новые стены были сооружены «по старой черте, в вышину в 10 бревен». По четырем углам кремля возвели 4 глухие башни («рублены о трех стенах»): Красную, Деловую, Угольную и Малый Роскат, проезжие башни Троицкую и Никольскую и 3 «малых ворот», одни из которых назывались Водяными. В кремле находились: воеводский двор, окруженный бревенчатым частоколом, с двухэтажными хоромами, избами для челяди и хозяйственными постройками, приказная изба с колодничьей палатой и застенком, пороховой склад, житница, 3 избы для аманатов, воротные караульни, «соборная церковь» и 149 жилых дворов. По площади кремль был невелик и его часто называли «Малым городком» [8,с.47].

К кремлю примыкала земляная крепость с башнями, называемая Земляным, или Большим городом. В 1689 г., когда укрепления пострадали от пожара, фашинные стены Большого города восстанавливали, как и кремль, «по старой черте и округе, на трехстах на двадцати четырех же саженях… в подошве в ширину в 5 сажен, а вверху в ширину 3 сажен, а в вышину 4 сажен». В стенах Большого города были башни: Кузнечная, Окоцкая, Труба, Пригонная, Степная, Банная, Николаевская и Богородицкая. Кроме того, в состав укреплений входили Большой и Малый Роскаты, рогатки и вырытый с внешней стороны вала ров. Внутрь Земляного города вели ворота: Николаевские, Богородицкие, или Пречистинские, Степные, Песчаные и Калиточные. В 1697 и 1703 гг. стены и башни Большого города и кремля подновлялись, но опять без расширения площади. Упоминание о починке стен в 1703 г. есть в «перечневой отписке о терских делах» воеводы Д. Молостева, где значится, что в этом году всех жителей Терского города «заставили постица и трудитца, городы делать и воду проводить» [8,с.48].

В стенах Земляного города располагались жилые слободы, базар с торговыми рядами[9,с.75], гостиные дворы, харчевни, отдельные лавки и 2 приходские церкви. Из административных зданий там находились: таможня, кружечный двор, торговая баня и полковые избы. К началу XVIII в. места уже не хватало и часть дворов, торговых и ремесленных заведений выстроили за валом[10,с.35].

Терский город, или Терки, по своей значимости и величине долгое время занимал второе место после Астрахани. Созданный еще в XVI в. по просьбе грузинских и кабардинских князей, искавших у России защиты от Турции, он был поставлен на скрещении путей, ведущих на юг – в Дагестан, Персию и страны Закавказья, на запад – к Черноморскому побережью, на северо-запад - к Азову и на Дон, на северо-восток - к Астрахани. Подобное местоположение делало его военно-стратегическим и торговым пунктом южной окраины Русского государства. Правительство придавало большое значение Терскому городу и как центру, через который оно имело возможность следить за обстановкой на Северном Кавказе и бороться за укрепление своего влияния в этом районе.

За время существования Терский город неоднократно переносился с место на место, достраивался и перестраивался, здесь строились новые здания и церкви. 21 декабря 1708 г. генерал К. Ригмонт, руководивший ее постройкой, доносил, что «новопостроенный де город Терек на означенном острову стоить зачато и линию Малому и Большому городу, смотря на местам, по размеру положили и ров под тою линию около Малого города, для опасения неприятельских людей, скопали, и из старого города Терека соборную церкву возят в той новопостроенный город Терек. И та церковь будет построена в скорых числех». 29 января 1709 г. новый собор был освещен. Были сооружены и другие здания[11,с.89].

К началу 20-х гг. XVIII в. от прежнего многолюдства города оставалось не более одной трети. И хотя в военном отношении город Терки представлял еще сильную крепость, все самое славное и героическое у него уже было позади. На всей его жизни лежала печать упадка и запустения.

В июле 1722 г. Терский город посетил Петр I, он осмотрел крепость, проверил состояние воинского гарнизона. Расположение города, писал П.Г. Бутков, «ему не понравилось, по нискому и нездоровому месту, а особливо, что укрепление оного потопляемо бывает морскою

прибылою водою, а также и из озер полою водою». Петр приказал Терский город уничтожить и создать на более удобном месте новую крепость, что и было выполнено. Однако, официально уничтоженный в 1722 г. Терский город просуществовал еще несколько лет. После 1728 г. в документах он уже не упоминается. Вместо упраздненной крепости вблизи ее был создан Терский редут с гарнизоном в 150 чел., с одной мортирой и двенадцатью пушками[12,с.48].

За сравнительно короткое время своего существования (официально с 1588 по 1725 г., около 140 лет) Терский город выполнил свою историческую миссию в качестве южного форпоста российской государственности, проводника ее кавказской политики на Северо-Восточном Кавказе.

Примечания

1. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V сер. XIX в.-.Ростов н/д, 1984.

2. Олеарий А. Путешествие в Московию и через Московию в Персию и обратно.- СПб., 1906.

3. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII в./Сост., введ., вступ. статья к текстам и примеч. проф. В, Г. Гаджисва.- Махачкала, 1992.

4. Челеби Э. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и ПодольЯ / Перев, и коммент.- М.: Наука, 1979. Вып. 2.

5. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом 1578-1613 гг.- М., 1889.

6. Стрейс Я. Три путешествия. – М., 1935.

7. КРО. Т.1.

8. Васильев Д.С. Очерки истории Низовий Терека. Махачкала, 1986

9. Иноземцева Е.И Торговля в терском городе и крепости Святого Креста – важный фактор экономической интеграции народов северо-восточного Кавказа и России (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.)//В сборнике: Провинциальный город в XVIII–XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции.- Кизляр. 2008.

10. Суздальцева И.А. Внешний облик, социальная организация и население Терского города в XVII – начале XVIII веков // Известия ДГПУ. №4. 2008

11. Гарунова Н.Н. Чекулаев Н.Д. Российская Императорская армия на Кавказе в XVIII веке: история Кизлярского гарнизона 1725-1800.- Махачкала, 2011

12. Гарунова Н.Н.«Трехстенный городок» в контексте истории Низовий Терека до XVIII в //Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 35 (1).

Дударев С.Л.
д.и.н., профессор, зав. кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир)

О СПЕЦИФИКЕ ИСЛАМИЗАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В 1830 – НАЧАЛЕ 1860-х гг.

В 1 томе «Истории народов Северного Кавказа», подытожившей результаты отечественного изучения региона, достигнутые к концу 1980-х гг., указывалось, что к концу XVIII в. народы Северного Кавказа, за исключением части осетин, считались мусульманами, но при этом продолжали исполнять языческие обряды и почитать различные божества; не случайно, что многие западноевропейские путешественники того времени не могли понять, какую религию исповедует местное население [1, с.495-496]. Что же касается 2 тома указанного труда, то в нем религиозные верования северокавказцев, в т.ч. динамика и особенности их исламизации, не получили даже такого скромного освещения, как в томе 1. Сказалось отрицательное отношение к религии в советский период, как «опиуму для народа». Намного более содержательно в этом смысле выглядит обобщающий труд, вышедший в 2010 г., где религиозным верованиям народов Северного Кавказа, в том числе, исламу, посвящен емкий, пространный и разноплановый очерк [2, с.223-315]. Впрочем, и он не охватил всего многообразия имеющейся конкретной исторической фактуры, крайне важной для понимания большого своеобразия ислама у западноадыгских племен, которое не могло не отразиться на истинной сущности процессов, шедших в этой части Северного Кавказа в период «Кавказской войны». На этот счет существует ряд наблюдений современников, прежде всего, иностранных и российских авторов, побывавших на Северном Кавказе, на которых следует остановиться подробнее. Э. Спенсер писал: «Доктрина Магомета…так и не пустила глубоких корней среди этого народа; хотя несколько племен побережья исповедуют эту веру, она настолько смешана с христианством, что почти образует отдельную религию» [3]. Дж. Лонгворт не менее скептичен в отношении степени исламизации местных этносов: «ислам, хотя и исповедуется всеми, но все же в своих предписаниях и церемониях слабо внедрен здесь; преобладающая часть народа в Шапсугии и Натуквиче (Натухае. – Авт.) не обрезана, и многие языческие обряды во многих частях этого побережья только несколько изменены… Ис-

лам…почитается, но язычество, из-за его ассоциаций с их обычаями, привычками и чувствами, намного более популярно» [4, с.174-175]. С другой стороны, российский автор И. Бларамберг указывал, что у «черкесских племен существуют: магометанская религия, которая является господствующей; некоторые обряды христианской религии, обряды культа Зороастры и, наконец, языческие обычаи». Но примечательно не только это заключение. Знакомство с суммой сведений, собранных И. Бларамбергом, о западных адыгах, демонстрирует очень показательную картину соотношения религиозных элементов в их духовных представлениях. Погребальный обряд их был весьма близок мусульманскому (покойника, завернутого в белую ткань, хоронят без гроба, лицом к Мекке, над могилами состоятельных людей ставятся стелы, и т.п.), но при этом содержит и явные местные элементы (совершение поминок и жертвоприношений в честь бога молнии Шибле, одного из основных божеств адыгского пантеона), а сама могила затем перекрывается ветвями и камнями [5]. Этим автором фиксируется языческий пантеон богов с включением в него отдельных персонажей, которые имеют явные христианские корни (Мерисса или Мереим, считающаяся матерью Бога). Иными словами, налицо явный синкретизм адыгских верований в 1830-е гг. (ибо все перечисленные свидетельства относятся к этому времени), имеющий немного общего с ортодоксальным исламом, для которого характерен последовательный и жесткий монотеизм, вера в Единого Бога (таухид). В самом конце 1850-х гг. вышла работа российского автора Н.И. Карлгофа, в которой отмечается, что «в большей части народа, особенно в низших сословиях, религиозные верования состоят из смеси остатков христианства и язычества с малым преобладанием исламизма» [6, с.17]. К шариату же «прибегают черкесы только в маловажных делах» [6, с.13]. В «Очерках истории Адыгеи» приводятся слова свидетеля чуть более позднего времени - 60-х г. XIX в., отражающие тогдашнее состояние религиозных верований населения: «У нас одни муллы и кадии мусульмане, но они из Турции или из ногайцев; только два человека из тысячи нас читают Коран» [7, с.281]. Это говорит о столь же поверхностной исламизации адыгов в конце 1850 - начале 1860-х гг., несмотря на деятельность среди западноадыгских племен до 1859 г. такого видного «исламизатора», как наиб Шамиля Мухаммед-Амин. Однако она, судя по имеющимся письменным источникам адыгского происхождения, встречала отпор некоторых групп адыгов, опасавшихся деятельности шариатского суда [8, с.109]. И это не случайно.

Абадзехи (и, как мы увидим ниже, не только они) не любили суда по шариату, который был намного строже, чем суд по адату. Адыгский историко-героический фольклор доносит до нас отрицательное отношение народа к исламским порядкам, вводимым наибом: «Наказ наиба -/Вынужденная клятва./Кто заставит нас дать ее./Для того пусть будет несчастьем./Знамя наиба -/ Плеть муртазыка./Принуди – заставь поклясться./ В воду сбрось./Сбрось – в воде утопи» [8, с.112]. Одна из главных причин неудачи реформ Мухаммеда Амина была объяснена Т. Лапинским: «Мусульманский фанатизм, который естественно, влечет за собой тиранию, должен был, однако, натолкнуться на упорное сопротивление народа, который привык рассматривать личную свободу как высшее благо» [9, с.616]. Более того, тот же Лапинский, воевавший на стороне адыгов, приводит яркие примеры того, что адыги, после очередного занятия шапсугами и убыхами развалин российских черноморских прибрежных укреплений, т.е. после возникновения иллюзии окончательной победы, в несколько дней уничтожили всю насажденнную имамом административную систему – мехкеме были сожжены, начальники изгнаны, кадии и муртазики должны были должны разойтись по домам, мечети были сожжены и восстановлены старые кресты! [8, с.127]. Поскольку то, ради чего адыги терпели все эти нововведения, было, как будто бы, устранено, то не нужно было более созранять и установленный ранее теократический и управленческий (что в исламе тесно взаимосвязано) аппарат.

Впрочем, несколько вразрез со всеми указанными суждениями звучит мысль барона К.Ф. Сталя: «Мюридизм, постепенно проникающий в понятия народа, еще более укоренил шариат между абадзехами». Правда, тут же он пишет, что в 1841 г. народные суды (мехкеме) были учреждены в пяти абадзехских обществах, а остальные общества, преимущественно нагорных абадзехов, «отказались от этого, сохранивши суд по адату» [10, с.97]. Данное резко отрицательное отношение к внедрению ислама и мюридизма среди адыгов констатируют ныне как российские (М.Г.Хафизова), так и зарубежные (Хаджоко Шаукат Муфти) авторы. Последний отмечает, что, несмотря на признание черкесами господства наиба Шамиля, Мухаммеда Амина, те или иные этнические группы адыгов, например, убыхи, не приняли ни Коран, ни его заповеди, не подпав под влияние духа религиозного фанатизма, насаждавшегося наибом [11, с.180-190].

Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые пришли к выводу, что ислам для горцев Западного Кавказа, причем ислам, далекий от Корана, был лишь идеологически обоснованием прежней независимости [8, с.127]. В 1830-е гг. на Западном Кавказе военные действия приобрели у некоторых племен название «гъзэоте зау» (газаватская война) [9, с.73]. Но как могли те, кто, по сути, оставаясь политеистами и находясь в состоянии джахилийи [12], осуществлять «священную войну»? Ведь в Коране прямо сказано: «И не призывайте вместе с Аллахом другого бога. Нет божества, кроме Него!» (К.:29:88:88) [13]. Идейная природа такого, с позволения сказать, газавата, мягко говоря, крайне сомнительна [14, с.10-16]. Ведшие его люди были, в лучшем случае, этакими «политическими мусульманами». Данная ситуация побуждает вспомнить то, что оригинальный исследователь мюридизма, чеченский историк С.Ц. Умаров называл его патриархальной ересью в исламе [15]. Впрочем, как ни парадоксально это прозвучит, но именно слабая исламизация адыгов была, как мы считаем, одной из основных причин мухаджирства. Ибо тот же К.Ф Сталь прозорливо заметил: «Можно утвердительно сказать, что мюридизм, уничтожая у горцев хищничество, междоусобные войны, уничтожая частную зависимость горских обществ и подчиняя оную верховной власти, со временем облегчает нам усмирение гор» [10, с.83]. О выдающемся значении мюридизма в учреждении имамата Шамиля, как государственного образования, писал несколько позднее и Р.А. Фадеев [16, с.53]. Попытки организовать государственность, а значит, и заложить фундамент более стабильного, устойчивого, общества, которое не стало бы решать свои судьбоносные проблемы только с помощью переселения в другие страны, потерпели у адыгов неудачу [8, с.117-139]. Они остались приверженцами старинной патриархальной свободы: междоусобиц, баранты, кровной мести и т.п., что было несовместимо с государственными порядками как России, так и имамата Шамиля.

Примечания

1.История народов Северного Кавказа. Т.1. -М., 1988.

2. Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) /Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010. -318 с.

2.Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. [Электронный ресурс] URL: http://fond- adygi.ru (дата обращения:14.09.2015).

3.Лонгворт Дж. Год среди черкесов. – Нальчик: Эль-Фа, 2002.

5.Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (дата обращения 19.10.15).

6.Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-Восточный берег Черного моря. – Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011.

7.Очерки истории Адыгеи. - Майкоп, 1957.

8.Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. – Краснодар: Эдви, 2015.

9.Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014.

10.Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа//Кавказ: племена, язык, нравы. – Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011.

11.Хаджоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. – Нальчик: Эль-Фа, 1994.

12.Ал-Джāхилийа (араб. время неведения) – термин обозначает время язычества, состояние неведения, в котором пребывали жители Аравии и других районов до прихода ислама.

13. Коран/Пер. И.Ю. Крачковского. – М.: Наука, 1986.

14.Дударев С.Л. Об особенностях раннего этапа исламского джихада времен Крестовых походов (1099-1174)//Теодицея. Альманах. № 1. - Пятигорск: ПГЛУ, 2010.

15.Умаров С.Ц. Эволюция основных течений ислама в Чечено-Ингушетии. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. – Грозный, 1985.

16.Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны // Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Эксмо, 2003.

Ильюков Л.С.
с.н.с., Южного научного центра РАН

НИЖНИЙ ДОН И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (III ТЫС. ДО Н.Э.)

Бронзовый век принято делить на три больших этапа: ранний, средний и поздний. На раннем этапе степное население Восточной Европы входило в ареал распространения ямной культурно-исторической общности, в зону кавказского культурогенеза. Наличие больших запасов меди на Северном Кавказе, которых не было в степной зоне Нижнего Подонья, предопределило систему связей между этими регионами. Экономической основой местных племен являлось скотоводство, которое основывалось на разведении крупного и мелкого рогатого скота. Нередко передел пастбищ и дележ скота приводили к перемещению человеческих коллективов, менялись границы расселения племен [1]. К сожалению, картина заселения скотоводами степных пространств Восточной Европы и Предкавказских степей еше далеко не полная.

В пост константиновское время территория нижнего Дона была освоена племенами репинской культуры, относившейся к ранней бронзе. На Раздорском I поселении культурный слой репинского времени залегал выше слоя константиновской культуры. Их разделяла тонкая стерильная прослойка [2]. Подккурганные захоронения опоясаны ровиками. Круглодонная посуда пышно орнаментирована гребенкой. В погребениях встречаются гладкие костяные амулеты – букрании.

В раннем бронзовом веке территория Нижнего Подонья была занята племенами ямной культуры. Прямая стратиграфия погребений отсутствует, что не позволяет построить ее четкую хронологию. Относительная хронология основана на присутствии архаичных признаков в погребальном комплексе. Их соотношение весьма условно.

Для ранних комплексов характерны захоронения умерших в прямоугольных ямах под курганами в положении скорченно на спине или боку, доминировала восточная ориентировка. Ямы перекрыты деревом или каменными плитами. Днища могил и сами тела, как правило, густо посыпаны охрой Подавляющее число ямных погребений безинвентарные, в редких случаях находки ограничиваются сосудами, кремневыми отщепами, стрелами и скребками. Тела умерших посыпались охрой.

Иногда встречается остродонные и круглодонные сосуды, покрытые орнаментом [3].

На позднем этапе этой культуры появляются захоронения на боку, ориентированные головой на запад. Прямоугольную яму полукольцом окружал материковый выкид. Стенки могильных ям тщательно подтесаны и даже имеют наклон внутрь ямы. Углы ям подчеркнуты и имеют наклон внутрь ямы. В их основании, по углам имеется небольшие углубления. На стенах имеется тлен от циновок. По-видимому, в этих углах находились шесты, которые поддерживали тростниковые облицовки стен. Аналогичные могильные мы, часто без тростниковой отделки стен, встречаются в курганных могильниках Нижнего Подонья. Предположение, что могильная яма имитировала перевернутый кузов повозки [4], нуждается в веских доказательствах. В Нижнем Подонье выявлена большая серия погребений с четко оформленными углами могильных ям. Не всегда в углу ямы прослеживается небольшая ямка, которая предназначалась для упора деревянной стойки. Как правили, на территории Нижнего Дона, рядом с могилой не оставляли детали разобранной повозки (колеса, борта кузова и т.д.).

Среди инвентаря присутствуют яйцевидные сосуды с низким горлом и плоскодонные горшки. Доминирует шнуровой орнамент, но есть узоры, выполненные прочерчиванием и штампом. Выделяется кавказская плоскодонная лощеная посуда с примесью щебенки и широкими рельефными ручками. Встречаются каменные и бронзовые изделия (украшения, ножи, шилья, стрекала). Изредка попадаются костяные (роговые) булавки с молоточковидным навершием. Стержень булавки гладкий или охвачен колечкими прорезанных линий. Иногда из них составлены ленточки с горизонтальной елочкой. Нередко погребенных посыпали красной краской. Иногда ее следы в виде пятен встречаются на дне могильных ям.

Взаимоотношения населения Нижнего Дона с новотитаровцами не ограничивалось культурным обменом между ними. В среду носителей ямных традиций проникаю представители новотитаровского типа. В Восточном Приазовье появляются вытянутые погребения. Нередко в одном захоронении находится вытянутый и скорченный костяки [5, с.252-259].

Остатки деревянных повозок встречаются крайне редко. В одном случае (Ростов), в заполнении могильной ямы найдено большое колесо от деревянной повозки (телеги).

По мнению А.В. Кияшко, памятники позднего этапа ямной культуры в культурном плане близки к памятникам раннекатакомбного типа и в некотором отношении им синхронны [6]. Однако катакомбные древности всегда стратиграфически позже ямных!

Ранние находки остатков четырёхколёсных повозок в Восточной Европе обнаружены в курганных погребениях ямной культуры (например, «Сторожевая могила» на территории Днепропетровска, могильник у с. Ясски в Одесской обл., Шумаевский могильник в Оренбуржье и т.д.). Распространение повозок основано на сезонных перемещениях населения вместе со стадами в пределах территорий, тяготеющих к речным долинам. В стаде преобладали овцы, козы и крупный рогатый скот; скромное место принадлежало лошади.

По мнению Н.Я.Мерперта, ямные племена освоили гигантские пространства Каспийско-Причерноморских степей. На этой территории выделяется более десяти локальных вариантов ямной общности. Один из них, донской, занимал Нижнее Подонье [7].

Многие аспекты истории донского варианта ямной культурно-исторической общности еще недостаточно изучены. В этот культурный блок входят памятники старосельского типа, памятники новотитаровской культуры и т.д.

Недавно на территории Северо-Западного Кавказа были выделены памятники новотитаровской культуры. Во время устройства погребений население этой культуры использовало повозки. В могилах найден разнообразный погребальный инвентарь [8]. Ее металлическим изделиям и некоторые элементам погребенного обряда имеют новосвободненские черты. Ярчайшей особенностью новотитаровской культуры является широкое употребление в погребальной практике колесного транспорта в виде массивных деревянных четырехколесных повозок с дисковидными, обычно трехчастными колесами. Эти повозки устанавливались на краю могилы в целом или разобранном виде и служили, по-видимому, для доставки тела умершего к месту захоронения. Такие повозки-фургоны, запряженные быками или волами, видимому, широко использовались в быту новотитаровских племен. По-видимому, они являлись жилищами на колесах. Наличие собственной металлообработки иллюстрирует погребение кузнеца-литейщика в курганной группе Лебеди I [9]. В инвентаре погребения представлены каменная наковальня, каменные кузнечные молотки, глиняный тигель для плавки и две льячки для разлива металла, простые и составные формы для отливки втульчатых

топоров и плоских тесел. Е. Н. Черных установил, что кавказский металл, переносчиком традиций обработки которого, по-видимому, были странствующие мастера, быстро завоевывает огромные области от Правобережья Днепра на западе до Заволжья на востоке. Как показывают результаты спектральных анализов, особой популярностью он пользовался в среде ямной культурно-исторической общности [10].

Версия Марии Гимбутас о том, что ямная культра была оставлена носителями протоиндоевропейских традиций, претерпела существенные уточнения. Оказалось, что согласно методу сравнительно-исторического языкознания реконструируемая праиндоевропейская лексика позволяют датировать распад праиндоевропейской общности на несколько тысячелетий ранее ямной культуры. По мнению Е.Е.Кузьминой, население ямной культуры было связано с носителями индоиранских языков [11].

Согласно данным палеоантропологии, состав носители ямной культуры был разнокомпанентным. Среди них были пришельцы с запада и местные жители хвалынской культуры. С другой стороны, часть носителей ямной культуры имела черты, аналогичные антропологическому типу, распространенному на Северном Кавказе (майкопская, куро-аракская культуры). С другой стороны, часть ямников близка антропологическому типу, распространенному в Прикаспии [12].

По генетическим данным, аутосомные маркеры ямной культуры очень близки к культуре шнуровой керамики. По-видимому, часть ямников переселилась в Западную Европу и приняла участие в формировании культуры шнуровой керамики.

Взаимоотношение между степными и кавказскими племенами были разными. Они во многом определялось направлением торгово-обменных отношений между племенами и в первую очередь металлом.

Примечания

1. Бочкарев В.С. Бронзовый век // Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетие до н.э. Санкт-Петербург: Изд. «Чистый лист», 2014. – С.47-64.

2. Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Вып.3. – Азов, 1994. – 131.

3. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. – 173 с.

4. Ильюков Л. С. Погребения эпохи ранней бронзы Лысянского могильника // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 2009. с.42-45.

5. Ильюков Л.С. Погребения эпохи ранней бронзы из окрестностей с. Красная Поляна // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Вып.26. Азов: Изд. Азовского музея – заповедника. 2012. - С.251-260.

6. Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999. – 162 с.

7. Мерперт Н.Я. Указ. Соч.

8. Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 2000. - 224 с.

9. Гей А.Н. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. Вып. I. М: Наука. – 1986.

10. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука. – 144 с.

11. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М: Летний Сад. – 556 с.

12. Восточные славяне. Антропология и этническая история. Ред. Т. И.Алексеева. М.: Научный Мир, 1999. 336 с.

Каймаразов Г.Ш.
д.и.н., профессор Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Махачкала)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ДАГЕСТАНА К РОССИИ (ОТ ГЮЛИСТАНСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА 1813 Г. ДО 1917 Г.)

Исторические корни взаимоотношений Дагестана с Россией уходят вглубь веков. Последующее развитие экономических и политических связей с русским государством, а также интересы безопасности многонационального края от ирано-турецкой экспансии, подготовили условия для присоединения Дагестана к России в начале XIX в.

Присоединение Дагестана к России было закреплено признанным на международном уровне правовым актом – Гюлистанским мирным трактатом, заключенным Россией и Персией 24 октября 1813 г.

Дагестан вошел в состав Российской империи в тот период, когда последняя переживала значительный экономический подъем, в условиях усилившегося охвата товарно-денежными отношениями всех отраслей хозяйства и процесса разложения феодально-крепостнической системы. В результате исторической победы над наполеоновской Францией в Отечественной войне 1812 г. повысился и международный престиж России.

В этих условиях российское самодержавие стремилось расширить владения империи путем присоединения новых районов, в частности, на Северном Кавказе и Закавказье. Потребность включения этих территорий в состав России диктовалась не только их важным стратегическим положением, богатством сырьевыми ресурсами, но и значением как рынков сбыта продукции развивающейся промышленности метрополии. Кроме того, российское правительство придавало большое значение обеспечению широких торговых связей с Передней Азией.

Для Дагестана присоединение к России означало включение хозяйства края в сферу более передовой экономики России и установление с ней широких торговых связей, т.е. включение рынка Дагестана во всероссийский рынок.

Присоединение Дагестана открывало перспективы приобщения горцев к передовой русской и мировой культуре, вовлекало их в сферу более обостренных социальных отношений. Оно вело к ликвидации фе-

одальной раздробленности и феодальных междоусобиц, служивших препятствием на пути экономического и культурного прогресса Страны гор.

Русское влияние, проявлявшееся еще задолго до присоединения Дагестана к России, стало особенно интенсивным во второй половине XIX в., когда после окончания Кавказской войны и образования Дагестанской области (1860 г.) в статусе единой многонациональной административно-территориальной структуры в составе России, общение их с русским народом, его передовыми представителями приобрело регулярный, систематический характер.

Вскоре после окончательного присоединения к России в Дагестане была запрещена работорговля, а в 60-х годах XIX в. рабство здесь было отменено вообще, отменена власть ханов, проведены судебная и крестьянская реформы, реформа сельского управления, в известной мере регламентированы и ограничены права местной феодальной аристократии.

Огромное влияние на социально-экономическую, политическую и духовную жизнь Дагестана оказывали экономические и политические процессы в пореформенной России, развитие капитализма вглубь и вширь, охватившие и национальные окраины империи.

Развитие капитализма обнаружило в XIX в. «тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое» [1, с. 433–434].

В пореформенный период русское влияние все больше сказывалось на хозяйственно-бытовом укладе, семейных отношениях, и даже не развитии языков дагестанских народов.

В процессе длительных экономических и политических связей дагестанских и русского народов, а в последствии и развития этих связей после присоединения Дагестана к России, местные языки стали испытывать все большее влияние русского языка – по определению Ф. Энгельса «одного из самых сильных и самых богатых из живых языков» [2, с. 526].

Благодаря русскому языку дагестанские языки обогащались новыми терминами, пополняли свой словарный арсенал. Опыт изучения русского языка стал использоваться при научной разработке дагестанских языков. Еще в 50-е годы XIX в. дагестанский просветитель Магомед

Хандиев, изучив русский язык, составил на основе русской графики азбуку аварского языка, грамматику и хрестоматию. Выдающийся исследователь кавказских языков П.К. Услар писал, что хрестоматия М. Хандиева «весьма полезна для изучения гидатлинского наречия» [3, с. 85]. В 1912 г. попытку возродить дагестанские алфавиты на русской графической основе предпринял известный дагестанский революционер и просветитель С.И. Габиев [4, с. 120].

В пореформенный период в Дагестане бурно развивалось отходничество, которое усиливало подвижность населения, его связи с внешним миром, вносило новые, объективно-прогрессивные черты в жизнь горцев.

В 90-е годы XIX в. была проложена железная дорога по приморскому Дагестану. Она связала Дагестан с промышленными и культурными центрами внутренней России, затем с Закавказьем, способствовала более быстрому развитию фабрично-заводской промышленности, а следовательно и городского населения края.

Развитие фабрично-заводской промышленности, проникновение капиталистического уклада в аграрный сектор хозяйства, сопровождавшиеся совершенствованием средств производства, появлением и применением современных орудий труда, способствовали не только росту его производительности, но и культуры труда дагестанца. Он стал шире мыслить, лучше понимать сложные перипетии жизни. Изменения происходят в пище, одежде, домашнем убранстве и архитектуре жилого дома. Новшества появились также в переработке и использовании продукции животноводства.

Благоприятные климатические условия Дагестана способствовали выращиванию высококачественной продукции земледелия, в частности плодоводства, виноградарства и огородничества. В развитии этих отраслей отчетливо прослеживалось дагестано-русское взаимодействие, позитивное влияние русских специалистов. Русский путешественник В.С. Кривенко, хорошо знавший Кавказ, побывав в Дагестане, обратил внимание на то, как в ряде районов в 90-е годы XIX в. местные жители расширяли площади под плодовыми насаждениями и виноградниками. Он писал: «Устройство воронцовских виноградников начинает уже благотворно отражаться на садах окрестных жителей, которые под руководством опытного винодела и садовода практически усваивают себе усовершенствованные приемы посадки, обрезки кустов и приготовления вин» [5, с. 26].

Значительные перемены произошли в духовной жизни дагестанца. В крае, наряду с традиционными мусульманскими школами, появилась сеть светских русских школ. Первые русские школы открылись в Дагестане еще в период Кавказской войны. К концу XIX в. в Дагестанской области насчитывалось 26 таких школ, в которых обучалось 1896 учащихся, из них 12 в сельской местности с 493 учащимися [6, с. 158)]. Согласно официальным данным, в 1915 г. в 93 светских русских школах Дагестана обучалось 7092 учащихся, в том числе в 60 сельских школах – 2212 учащихся [7, с. 59]. В городах функционировали 4 гимназии и 2 реальных училища, в которых обучалось 1911 учащихся.

В 60-е годы XIX в. открылись вакансии для уроженцев Дагестана в средних общеобразовательных учебных заведениях за пределами области. В 1866 и 1868 гг. такие вакансии были открыты соответственно в Ставропольской и Бакинской гимназиях. С 1866 по 1890 г. в Ставропольскую гимназию было определено 124 дагестанца. В 1869 г. первые дагестанцы, окончившие курс Ставропольской гимназии, стали студентами вузов Москвы, Петербурга и Харькова [8, с. 194].

Во второй половине XIX – начале XX вв. представители дагестанской молодежи обучались также в вузах и средних профессиональных учебных заведениях других городов России.

Событием в профессиональном образовании в крае стало открытие и функционирование Школы садоводства в г. Дербенте (1904 г.), Электротехнического училища в Порт-Петровске (1905 г.), учительских курсов в Порт-Петровске (1900 г.), в Темир-Хан-Шуре (1909 г.) и ремесленной школы в Темир-Хан-Шуре (1911 г.).

Таким образом, происходило становление новой, светской, европейски образованной многонациональной интеллигенции Дагестана. Она была еще малочисленной, но играла значительную роль в экономической, общественно-политической и духовной жизни края.

Развивалась и научная мысль. Дагестанцами, обучавшимися и окончившими российские профессиональные учебные заведения, приобщившимися к русской культуре, науке издавались труды по истории, этнографии, обычному праву, о природе родного края, фольклору, краеведению, составлялись учебники, хрестоматии, сочиняли произведения художественной литературы. В Дагестане и за его пределами уже были известны имена дагестанских авторов Абдуллы Омарова, Гаджи-Мурада Амирова, Ильи Анисимова, Максуда Алиханова, Башира Далгат, Магомеда-Эфенди Османова, Дауда Буттаева, Саида Габиева и др.

При школах и городах отрылись библиотеки, стадии функционировать типографии, издавались книги на русском, дагестанских, арабском и других языках, появились периодические издания, первые кинотеатры, в городских клубах устраивались любительские концерты, а также концерты гастролирующих музыкальных и театральных коллективов. В ряде городских и сельских школ действовали литературно-художественные и драматические кружки. Стала развиваться телефонно-телеграфная связь.

Изделия дагестанских мастеров декоративно-прикладного искусства, как и лучшие образцы продукции земледелия и животноводства экспонировались на многих международных и всероссийских выставках.

Однако, процессы, о которых говорилось выше, протекали в условиях осуществления царским самодержавием дискриминационной политики в отношении присоединенных нерусских районов, в том числе и Дагестана, политики, не способствующей выходу этих районов из положения сырьевых придатков метрополии. Царское правительство всячески ограничивало потенциальные возможности народов национальных окраин в использовании природных ресурсов с целью развития экономики, повышения жизненного уровня населения. Произвол чиновничьей бюрократии, как царской, так и местной, суживал сферу реального действия даже существующих законов в отношении гражданских прав местных жителей.

Дискриминационная национальная политика царских властей сказывалась на развитии культуры, духовной жизни дагестанцев. Сеть учебных заведений – общеобразовательных и профессиональных – росла крайне медленно. В школах практически не преподавались дагестанские языки. Крайне низкой оставалась грамотность населения области. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. только 9,2% населения Дагестанской области было грамотным [9, с. 12–13].

Политика дискриминации в области социально-экономической и духовной жизни, ограничения гражданских прав и свобод, усугубляемые своеволием чиновников, во многом пренебрежительное отношение к исторически сложившимся традициям, вызывали недовольство и протест значительной части населения. Она становилась на путь освободительного движения, борьбы совместно с русскими прогрессивными силами за демократические преобразования в стране. Рабочие, крестьяне, учащаяся молодежь, многие представители интеллигенции Дагестана

принимали участие в событиях всех трех российских революций. Февральская революция 1917 г. привела к падению царского самодержавия, а Октябрьская – к победе советской власти, которая осуществила радикальные преобразования в государственном и общественном строе страны, стала проводить принципиально новый курс в сфере экономики и культуры, и в корне отличающуюся от старой национальную политику.

Примечания

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 2. С. 433–434.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. С. 526.

3. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. О распространении грамотности между горцами. Тифлис, 1887. С. 85.

4. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения к России до наших дней. М.: Наука, 1971. С. 126.

5. Кривенко В.С. По Дагестану. Путевые заметки. СПб., 1896. С. 140.

6. Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 158.

7. Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916. С. 59.

8. Козубский Е.И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие. Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 194.

9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Дагестанская область. СПб., 1905. С. 12–13.

Каймаразова Л.Г.
к.и.н., Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Махачкала)

РУССКО-ДАГЕСТАНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1897-1917 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение истории культуры имеет огромное значение для осмысления социально-экономических, политических, идеологических, нравственных проблем, для познания духовной жизни общества, определения перспектив развития отечественной культуры.

В нашем небольшом исследовании мы обратились к тем историческим трудам, которые посвящены изучению культурных процессов в Дагестане, тесно связанных с прогрессом культуры России. Наше внимание привлекли сочинения, оставившие заметный след в историографии проблемы новизной привлеченного материала и подхода к рассматриваемым процессам. Территориальные рамки определены границами современного Дагестана, а хронологические – позволяют выявить объем накопленных знаний и оценить вклад в изучение проблемы разных авторов в конце XIX – начале XX в.

Относящаяся к этому периоду литература по истории культуры в нерусских окраинах России, в том числе в Дагестане, насчитывает небольшое количество публикаций, посвященных научному изучению проблемы. Тем не менее, они дают общее представление о культурной жизни региона, в котором к тому времени произошли заметные перемены в экономике, общественной и духовной жизни. Речь пойдет о трудах, посвященных вопросам образования, как традиционного мусульманского, так и светского русского, а также характеризующих развитие в Дагестане научной мысли, искусства, включающих описание быта, верований и других сторон жизни дагестанцев.

Видное место среди работ по истории образования в Дагестанской области от времени присоединения к России до начала XX в. занимают труды Е.И. Козубского. Обобщенную картину развития светского образования в Дагестане со времени появления здесь первого русского светского учебного заведения – Дербентского уездного училища (1837 г.) до начала XX в. Е.И. Козубский воссоздал в

обширном очерке «К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие».

В 1899 г. Е.И. Козубский был назначен секретарем Дагестанского областного статистического комитета. Известный ученый-педагог сыграл огромную роль в сборе и подготовке к изданию приложений к ежегодным отчетам военного губернатора – Обзоров Дагестанской области. «Обзоры» содержали специальный раздел о народном образовании, по материалам которого можно получить представление о состоянии просвещения в крае, сети русских светских школ, системе традиционного мусульманского образования.

Ценным источником для характеристики состояния образования в Дагестане в начале XX в. являются отчеты и протоколы заседаний правления «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» (создано в 1905 г.), которые свидетельствуют о широком распространении мусульманской системы образования.

В начале XX в. должность попечителя Кавказского учебного округа занимал Н.Ф. Рудольф, автор работ «Записка попечителя Кавказского учебного округа» (1908 г.), «План дальнейшего распространения народного образования в Дагестанской области» (1913 г.), «Обзор деятельности Кавказского учебного округа. 1908 – 1912 гг.» (1914 г.). На страницах своих трудов Н.Ф. Рудольф рассуждал о том, что получит местное население после открытия в области начальных училищ, для чего горцу нужна грамотность, может ли начальная школа приобщить дагестанцев к благам русской культуры? Н.Ф. Рудольф полагал, что образование, знание русского языка, умение читать и считать необходимо, прежде всего, той части населения, которая занимается отхожим промыслом и «соприкасается с русским элементом не только в городах Кавказа, но и по всей России европейской и азиатской» [1, с. 12]. Этих жителей в области, по подсчетам попечителя Кавказского учебного округа, около 10 %. Об остальной части дагестанцев (90 %), которые принимают участие в сельском хозяйстве, кустарничестве, ином домашнем производстве, Н.Ф. Рудольф писал: «Населению нужны не знания сами по себе, а знания и умения… Школа грамоты без ее приложимости на месте в глазах населения ничто, если, конечно, она не даст выхода для дальнейшего образования или восприятия полезных приложимых на практике знаний и умений… Начальная школа должна давать возможность за своим порогом или приобретать сельскохозяйственно-ремесленную выучку,

или предоставлять возможность завершать свое обучение в высшей народной школе» [1, с. 14 – 15].

Названные нами работы Н.Ф. Рудольфа во многом основываются на содержании «Всеподданнейшей записки по управлению Кавказским краем», авторство которой принадлежит генерал-адъютанту, графу И.И. Воронцову-Дашкову (1907 г.). По мнению исследователя-кавказоведа Д.И. Исмаил-Заде, позиция И.И. Воронцова-Дашкова «в развитии народного просвещения должна оцениваться в контексте проводимой им этноконфессиональной политики» [2, с. 334]. И.И. Воронцов-Дашков являлся сторонником введения на Кавказе образовательной системы Ильминского, но не рассматривал ее как миссионерскую по отношению к мусульманам. И.И. Воронцов-Дашков выделял в системе Ильминского то, что предполагало «уважение» к национальным особенностям, «доверие к инородцам», и в этом видел путь к сближению мусульманского и христианского миров.

В начале века в русских периодических изданиях публиковались статьи о традиционных мусульманских религиозных школах, образовательном и профессиональном уровне их педагогов. Авторы этих публикаций («Туземец», С. Форфоровский, А. Черняевский) отражали официальную позицию властей и отрицали всякую положительную роль мусульманских религиозных школ в образовании и общекультурном развитии дагестанцев. Они игнорировали то, что именно выпускниками мусульманской арабоязычной школы была создана местная письменность – аджам, а многие из них стали выдающимися дагестанскими учеными, получившими широкую известность не только в Дагестане и России, но и в странах мусульманского Востока.

Состояние народного образования в области, недостатки системы мусульманского религиозного образования Дагестана анализировались на страницах демократических газет «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета», издававшихся в 1912 – 1914 гг. в Петербурге известным дагестанским просветителем и революционером С.И. Габиевым. Прогрессивное влияние передовой России на развитие культуры народов Дагестана С.И. Габиев считал исторически закономерным. Он писал: «Русская культура приведет нас к более справедливой, осмысленной жизни, когда еще порабощенная человеческая личность будет раскрепощена от всех вольных и невольных исторических пут» [3, с. 68]. С.И. Габиев рассматривал политику царских властей в отношении нерусских народов империи как дискриминационную, но вместе с тем отмечал, что

представители русской науки и культуры способствовали росту уровня образования горцев. Он писал о низком уровне обучения дагестанских детей русскому языку в министерских школах, о необходимости просвещения горцев, а в 1912 г. предпринял практическую попытку возродить алфавиты местных языков на кириллице.

Исследования, очерки, заметки о Кавказе, его истории и народах печатались в Петербурге, Москве, Тифлисе, Ставрополе, Темир-Хан-Шуре. В распространении научных сведений о Кавказе и Дагестане большую роль играли периодические издания: «Кавказ», «Голос Кавказа», «Северный Кавказ», «Каспий», «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», «Этнографическое обозрение», «Русская жизнь», «Дагестанские областные ведомости», а также «Акты, собранные кавказской археографической комиссией», «Кавказский сборник», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа», «Дагестанский календарь», «Дагестанский сборник», «Памятная книжка Дагестанской области».

Фрагментарные сведения о художественной культуре народов Дагестана встречаются в разных письменных источниках, особенно в историко-этнографических публикациях, в записях и отчетах различных экспедиций. Интересом к Кавказу, в том числе к Дагестану, со стороны русской научной общественности, интеллигенции, официальных лиц, служивших на Кавказе, было обусловлено появление литературы научного и описательно-популяризаторского характера.

В начале XX в. появились исследования по истории, этнографии, языкознанию, фольклористике, выполненные местными авторами, в том числе получившими образование в русских учебных заведениях. Отмечая их вклад в научное изучение края, назовем работы С.И. Габиева («Лаки, их прошлое и быт», «Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура»), Д. Шихалиева, К. Зульпукарова, А. Омарова («Воспоминания муталима»), М. Хандиева, А Чиркеевского, Г. Амирова, Д. Бутаева, он же «Туземец» («Грамотность в горах Дагестана»), Б. Далгата («Странички северокавказского богатырского эпоса», «Цудахарские песни») и др.

Видный ученый и просветитель конца XIX – начала XX в. Г.-Э. Алкадари в своей известной книге «Асари-Дагестан» разместил сведения о дагестанских ученых, каждому из которых дал характеристику, обозначая область их научных интересов. Г.-Э. Алкадари считал, что после присоединения к России перед горцами открываются новые пер-

спективы в приобщении их к достижениям современной культуры и призывал земляков подумать «о нуждах и запросах эпохи» и учить детей в светских школах. Эту мысль он развил в работе «Джираб-ал-Мамнун».

Проблемам, как естественных, так и общественных наук были посвящены сочинения известного ученого и популяризатора научных знаний А. Каяева. К сожалению, его труд «Биографии дагестанских ученых» не был издан.

Вопросы, связанные с состоянием дагестанской культуры, поднимались в публицистических и литературно-художественных работах. Так, на страницах журнала «Танг-Чолпан» Н. Батырмурзаев писал о значении и задачах литературы, давал оценку русской литературе и творчеству А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого, М. Горького, рассуждал о роли писателя в жизни общества. В том же журнале была опубликована статья Т. Бейбулатова «Музыка» (1918 г.), посвященная музыкально-эстетическому воспитанию.

Таким образом, в рассматриваемые годы стали выходить оригинальные работы дагестанских авторов по истории, этнографии, обычному праву, фольклору, краеведению и др. Молодые дагестанцы, получившие образование в российских высших учебных заведениях, активно включались в исследовательскую деятельность. Однако ведущая роль в изучении края принадлежала русским ученым.

Примечания

1. Рудольф Н. План дальнейшего распространения народного образования в Дагестанской области. Тифлис, 1913. – 43 с.

2. Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М.: Центрполиграф, 2005. – 511 с.

3. Бутаев М.Д. Большевистская печать Дагестана. 1904 – 1921 гг. История становления. Махачкала: Типография Дагест. фил. АН СССР, 1988. – 295 с.

Касьянов В.В.
д.и.н., профессор, зав.кафедрой истории России
Кубанского государственного университета (Краснодар)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Социо-культурная практика тех или иных народов является фактором, оказывающим глубокое воздействие на весь процесс их социальной динамики. У каждой национальной культуры свои духовные открытия, традиции, драмы, обретения, своё понимание мира. Развитие национальной культуры происходит в условиях социальных противоречий, борьбы прогрессивных тенденций с консервативными явлениями.

Как считают многие исследователи, без постоянного общения, открытости и диалога любая национальная культура обречена на культурное обнищание, а самоизоляция может привести к распаду, и даже гибели культуры. Н.А. Бердяев отмечал, что «...в качестве... далеко не маловажной характеристики культуры мы должны удостоить внимания тот способ, каким регулируются взаимоотношения людей, социальные отношения… Возможно, с самого начала следовало бы заявить, что элемент культуры присутствует уже в первой попытке урегулировать социальные отношения» [1, с. 93- 94].

Взаимодействие же национальных культур между собой и с мировой, общечеловеческой культурой способствует в целом общекультурному прогрессу. Поскольку важнейшим показателем жизнеспособности народа является способность быть открытым для общения с другими народами, их культурой, способность развиваться в историческом контексте всей культуры своей эпохи, взаимодействие и взаимопонимание, восприятие инонациональных ценностей преодолевают межнациональные конфликты, разобщённость. На основе диалога культур укрепляется органическое сочетание национальных и общечеловеческих ценностей, духовное содружество народов.

Культурная ситуация на территории Северного Кавказа в условиях радикальных политических и социально-экономических изменений способствует проявлению возросшего национального самосознания. И здесь уместно сказать, что грань между подлинным национальным самосознанием и жёстким национализмом очень зыбка. Особенно это опасно на уровне обыденного сознания, когда процессы национального

самоутверждения перерастают в национальное противостояние, в межэтнические конфликты. Это подтверждает социально-культурный процесс всего постсоветского периода на территории России в целом и на Северном Кавказе в частности.

Реальной проблемой сегодняшней России, по нашему мнению, является возникновение этнократии, которая не считается с приверженностью значительной части населения к другим национальным ценностям [2.с.174]. Общечеловеческий же принцип исключает национальную кичливость, но не противостоит патриотизму, национальной культуре. Национализм и этнократия враждебны прогрессивным тенденциям, они неизбежно ведут к насилию, теневой экономике, организованной преступности, расчленению общества, государства по национальному, этническому признаку.

Этнокультурное своеобразие, присущее определённому социуму, обеспечивает вместе с цивилизацией этноисторическую целостность. Интеграционные процессы происходят главным образом в период спокойного развития локальных цивилизаций, когда имеет место взаимодействие, диалог культур, уважительное отношение к самобытности, взаимообогащение.

Шкала ценностей культуры определяет также адаптацию социума к окружающей среде, содержит механизмы наследственности, социокультурный генотип. При этом существенное значение имеет сознательный отбор традиций, нововведений, которые позволяют определить возможности перспективного развития тех культурных типов, которые востребованы именно в данную эпоху.

Современная наука представляет общество будущего как совокупность ряда самостоятельно развивающихся цивилизаций и культур. При этом отмечаются не только их достижения, но и глобальные кризисные состояния. К примеру, взаимодействие культур Запада и Востока порождает новые жизненные представления, новые циклы цивилизационного развития. И, несмотря на различия и особенности, консолидирующих, взаимообогащающих моментов в них все больше. Множеству культур присущи те ценности, которые имеют общечеловеческий характер и являются достоянием человечества: интеллектуальная свобода, положение человека в обществе, религиозный и светский гуманизм, экономические и экологические ценности.

Но это не значит, что впереди у нас полная культурная идентичность. И в настоящее время, несмотря на процессы глобализации, со-

храняются особенности культур Запада и Востока, ярко отличающие их друг от друга. Если западноевропейская культура мир, природу рассматривает как поле для приложения сил человека, а человека как преобразователя этого мира, то восточная культура утверждает, что к миру следует адаптироваться, угадывать его ритмы, совершенствовать самого человека. Восточная культура верит в совершенство и гармонию окружающей Вселенной, ориентируется на приспособление человека к космическому ритму [3, с. 93]. В этом плане Северный Кавказ становится, по нашему мнению, как бы важнейшим внутри и внешне российским испытательным полигоном взаимодействия культур в условиях глобализации.

Как считает современная наука, сейчас не существует совершенно изолированных от мира культурных общностей. Всякий народ, так или иначе, открыт для восприятия другого опыта и одновременно готов поделиться своими ценностями. Так одна культура, проникая в другую, обогащаясь, становится жизнеспособнее. Раньше культурные традиции и ценности инакомыслящих, как правило, уничтожались. Это было непониманием того, что каждая черта культуры, каждый обычай представляют ценность, выполняют социальную функцию, способствуют коллективной адаптации социума к среде обитания. Так, еще французский этнолог К. Леви-Строс справедливо полагал, что всякое стремление навязать политические и правовые нормы, культурные образы из современной европейской цивилизации обязательно встречает противодействие, вступает в противоречие с традиционной культурой [4, с. 187]. Сложный и неоднозначный процесс взаимовлияния русской культуры и культур народов Кавказа в течение длительного времени и особенно в XIX-XX веках – наглядное тому подтверждение [5].

В культурологии типично утверждение о том, что современная американская и европейская культурная экспансия способствуют закреплению подчинённого положения зависимых стран на мировом рынке, разрушает моральные нормы и ценности прежних форм культуры, духовный потенциал общества.

Однако эндогенные культуры, в силу живучести религиозных устоев и традиций, не везде поддаются быстрой аккультурации по западному образцу. В настоящее время распространенной реакцией становится стремление к сохранению и развитию культурной самобытности и независимости. Самую яркую антиамериканскую и антиевропей-

скую позицию формирует мир исламской культуры, влияние которого на территории России в настоящее время возрастает.

Более того, объективной закономерностью нашего времени становится тенденция к самоопределению на основе не только политических факторов, но и культурной общности. Для многих полиэтнических обществ общение в рамках производства не служит средством единения, так как самоопределение на уровне этноса ведёт к дезинтеграции более крупных политико-культурных объединений и даже к возникновению межгрупповых, межэтнических, межнациональных конфликтов.

Проблема решается через формулу «единство в разнообразии», когда автономное существование социума и этноса выражается посредством вариантов культуры, сети культурных обменов, общеполитических и административных механизмов. Элементами культурной общности выступают системы образования, языка, права, средства массовой коммуникации. Экономика же, являясь основой жизнедеятельности социума, поддерживает жизнеспособность различных этнических групп, наций, комплексов, вовлекая их в экономическую интеграцию.

В наше время глобальные социокультурные перемены затронули все стороны сознания общества. В условиях мирового экономического кризиса в поликультурной среде проявляется неприятие инородной культуры. Возникают преднамеренные социальные барьеры, которые устанавливают дистанцию между субъектами разной культурно-социальной общности. При этом межкультурные различия не игнорируются, а, напротив, могут рассматриваться как негатив другой культуры, чьи обычаи несут угрозу сложившемуся образу жизни.

Когда общество начинает ощущать угрозу базовым ценностям, оно выступает за всякого рода ограничения, сохранение барьеров и требований национальной безопасности.

Однако развитие и совершенствование любой культуры обеспечивает преемственность, а взаимопроникновение и взаимообогащение культур происходит посредством аккультурации. Академик Д.С. Лихачев писал: «Культура личности формируется в результате деятельности памяти одного человека, культура семьи – как результат семейной памяти, культура народа - народной памяти. Но мы уже давно вступили в эпоху, когда для общей культуры отдельного человека, общества и народа нужна деятельная, творческая память одного человечества. И подобно тому, как культура семьи не уничтожает, а совершенствует культуру личную, так и культура всего человечества совершенствует,

возвышает, обогащает культуру каждого отдельного народа» [5, с. 20]. Эти соображения, по нашему мнению, должны быть положены в основу социо-культурной политики российского государства в Северо-Кавказском регионе, где культурное разнообразие становится краеугольным камнем социально-экономической стабильности и национального согласия.

Примечания

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.,1918. С.93-94.

2. Касьянов В. В. Социология культуры. Краснодар, 2011. С.174.

3. Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1999. С. 93.

4.Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. С.187.

5. См: Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. – Ростов-на-Дону. 2004; Волков Ю.Г. Креативность: исторический прорыв России. М., 2011.

6. Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С.20.

Колесникова М.Е.
д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь),

Ермоленко Л.П.
к.и.н., доцент, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ТРАДИЦИИ СОСТАВЛЕНИЯ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Библиография по истории Северного Кавказа, складывавшаяся постепенно, в процессе выявления, описания, учета и систематизации исторической литературы, опубликованных источников, а также изданий, обобщающих библиографических трудов и пособий по истории Северного Кавказа, со временем превратилась в самостоятельную область научно-библиографической деятельности, в результате которой появились специальные справочно-библиографические труды и пособия. Они представляют собой репрезентативный и универсальный исторический источник, без которого невозможно комплексное изучение истории и культуры Северо-Кавказского региона.

Традиция создания библиографических указателей по истории Северного Кавказа была заложена в XIX в. местными исследователями, историка-ми-любителями и военными казачьими историками. Их появление было связано с возросшим интересом к региону, укреплением русско-северокавказских связей. Однако они не были систематизированы, что затрудняло работу с ними. Эту ситуацию очень точно охарактеризовал известный кавказовед Н.Ф. Дубровин в предисловии к своему фундаментальному труду «История войны и владычества русских на Кавказе»: «…странно, что ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ, но зато все это разбросано отдельными статьями по различным газетам и журналам и не представляет ничего целого» [1, с.14)]. В тре-

тьей книге первого тома Н.Ф. Дубровин поместил библиографический указатель источников к первым двум книгам, содержащий 2355 наименований книг по истории Кавказа, в частности, по истории Терской и Кубанской областей, куда в то время входили части нынешних Ставрополья, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. В указателе в алфавитном порядке были помещены издания, вышедшие с начала XIX в. по 1869 г.

В целях облегчения поиска литературы исследователями и просто читателями был издан библиографический указатель К.А. Компанского [2, с.230-255].В 1874-1876 гг. в Санкт-Петербурге вышел систематический каталог М.М. Миансарова «Bibiographia Caucasica et Transcaucasica. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих». В него включено 4840 работ, книг и статей, изданных с XVI в. по 1875 г. и содержащих исторические сведения о Кавказе. Однако работу с этим каталогом осложняет отсутствие тематических разделов, к тому же указатель не был закончен (вышел только один том, в двух отделениях), содержал неполный перечень публикаций в отечественной и зарубежной периодике.

Своеобразным продолжением работы М.М. Миансарова исследователи считают «Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе», составленный Д.Д. Пагиревым [3, с. 309-530.]. В нем содержится 8000 записей книг и статей, опубликованных в XIX – начале XX в. на русском и иностранных языках. Среди библиографических изданий, посвященных Кавказу, следует отметить работы А.П. Берже, Л. Броссе, Н.И. Воронова, Г.М. Туманова, Л. Загурского, А. Грена, К.Н. Бегичева, Е.Г. Вейденбаума, А. Кауфмана, А.С. Хаханова и др.

На рубеже XIX-XX в. выходят библиографические указатели, посвященные отдельным проблемам истории Кавказа. Так, указатель А. Гизетти содержит перечень изданий, освещающих ход военных действий на Кавказе, жизнь и деятельность военачальников, обычаи и нравы горцев [4]. В приложении к труду Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев» был помещен аннотированный указатель книг и статей, опубликованных с XVI в. по 1881 г., по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа [5]. Он содержит 302 наименования на русском и 125 – на иностранных языках, сгруппированных по алфавитному и хронологическому принципу. Истории и этнографии народов Кавказа посвящен библиографический указатель Д.К. Зеленина, опубликован-

ный в 1913 г., который содержит литературу на русском языке за период 1700-1910 гг.[6]

Библиографической деятельностью в конце XIX – начале XX в. стали заниматься губернские, областные и городские публичные библиотеки. Издаваемые ими каталоги служат существенным дополнением к выходившим библиографическим пособиями и указателям. Составлением библиографии региона занимались ичлены Общества любителей изучения Кубанской области и Кубанского областного статистического комитета, известные кавказоведы Е.Д. Фелицын и В.С. Шамрай. Подготовленный ими «Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии» (Екатеринодар, 1899-1914) явился наиболее полным библиографическим изданием по истории региона. Он содержит 12259 наименований сочинений, включая газетные статьи. Аналогичный указатель литературы и карт по Терской области подготовил А. Грен[7, с. 1-28.], по Черноморскому побережью – Н.И. Воробьев[8], по Дагестанской области – секретарь Дагестанского областного статистического комитета Е.И. Козубский[9]. Составлением библиографии по истории и культуре Дона занимались члены Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы А. Кириллов, М.В. Краснянский, А.Т. Стефанов. Составлением библиографических указателей по истории Ставропольской губернии занимались члены Ставропольского губернского статистического комитета и Ставропольской губернской ученой архивной комиссии.

Библиографированием своих трудов занимались члены северокавказских статистических комитетов. Перечень изданий Ставропольского губернского статистического комитета был составлен его членом, известным исследователем Г.Н. Прозрителевым. Аналогичный указатель трудов Кубанского областного статистического комитета составил А.С. Селевко. Указатели Л.Т. Соколова и И.В. Бентковского уже содержат подробную роспись содержания изданий. Данные указатели представляют несомненный интерес для исследователей, так как дают возможность увидеть своеобразный срез интеллектуальной деятельности провинциальных исследователей. Отдельно издавались биобиблиографии трудов исследователей Кавказа, биобиблиографические словари местных деятелей и ученых, содержащие библиографические списки. В разные годы были изданы библиографические указатели ставропольских краеведов И.В. Бентковского и Г.Н. Прозрителева.

Источниками дополнительной информации служат библиографические указатели, посвященные географическим и этнографическим материалам, северокавказским периодическим изданиям: «Кубанским войсковым ведомостям» (1863-1870), «Кубанским областным ведомостям» (1871-1917), «Ставропольским губернским ведомостям» (1850-1917), «Ставропольским епархиальным ведомостям» (1886-1918), «Терским областным ведомостям» (1868-1917), а также «Владикавказским епархиальным ведомостям» (1895-1917).

Упомянутые выше библиографические указатели содержат перечень книг, сочинений и статей по различным вопросам естественной и социальной истории Северного Кавказа. Многие из этих изданий стали библиографической редкостью сразу после выхода в свет. Сегодня лишь крупнейшие библиотеки страны располагают этими изданиями, которые практически недоступны не только широкому кругу исследователей, но и специалистам в области региональной северокавказской истории. Между тем эти указатели несут на себе отпечаток эпохи, характеризуя уровень библиографической мысли своего времени. Они весьма важны для современного исследователя в плане изучения историографического быта, выступая в роли своеобразных историографических источников, которые, так же как и любые другие источники, обладают широкими информационными возможностями и особенностями. Подобные источники содержат в себе и передают субъективное отношение создавшего их исследователя к событиям прошлого. По типологии они близки к источникам личного происхождения, так как отражают свойства мировоззрения исследователя. Каждый из рассмотренных справочников и указателей представляет собой не просто собрание литературы, а целое историко-теоретическое исследование. Анализ этих библиографических пособий сам по себе позволяет получить новое историческое знание.

Примечания

1. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.

2. Компанский К.А. Библиографический указатель книг и статей, относя-щихся до Кавказского и Закавказского края // Кавказский календарь на 1867 год. Тифлис, 1866. Отд. 3.

3. Пагирев Д.Д. Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе // Пагирев Д.Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кав-

казского края, изданной Кавказским Военно-Топографическим отделом. Тифлис, 1913.

4. Гизетти А. Библиографический указатель по печатным на русском язы-ке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб.: Изд. Военно-Ученой комиссии Главного Штаба, 1901.

5. Леонтович Ф.И. Материалы для библиографии обычного права черкес и балкарцев // Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Се-веро-Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1.

6. Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. СПб., 1913.

7. Грен А. Библиографический список карт, картин, сочинений и статей, относящихся к Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1891. Вып. 2. Кн. 2. Отд. 2.

8. Воробьев Н.И. Указатель сочинений о Черноморском побережье Кавка-за (Анапа – турецкая граница). Пг., 1915. Вып. 1.

9. Козубский Е.И. Опыт библиографии Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.

Крамаров Н.И.
к.и.н., доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

При рассмотрении взаимоотношений таких явлений как Интернет и национальная история принципиальным является вопрос – что изменилось с переходом на цифру? Только техническое оснащение процесса передачи информации или в условиях глобализации, неотъемлемой частью которой стала «всемирная паутина», качественно изменилось содержание и формы подачи национальной истории? Если это так, то какую роль в ее изменении сыграл Интернет?

Что нового принес Интернет как новое средство коммуникации?

Прежде всего, скорость распространения «смыслов»: не только новостей, информации о событиях и людях, но и комментариев и идей. В настоящее время благодаря Интернету мы можем получать информацию в реальном времени.

Во-вторых, масштаб: «Всемирная паутина» действительно является всемирной и делает «смыслы» доступными из любой точки мира и в любой точке мира.

В-третьих, возможность обмена информацией, в том числе исторической, в котором может участвовать неограниченное число пользователей. В предшествующий период поток информации был однонаправленным. Книги, статьи в газетах и журналах, радио- и телепередачи на исторические темы были доступны и становились предметом рефлексии относительно ограниченной аудитории. «Письма в редакцию» не становились в отличие от комментариев пользователей на интернет-сайтах самостоятельным явлением информационного пространства и общественной жизни в целом. Интернет дает возможность не только получения огромного количества информации по национальной истории, но и ее публичного обсуждения в виде комментариев к материалу на самом сайте или в соцсетях.

Пользователь может сам предложить тему для обсуждения, задав интересующий его вопрос, например, на otvet.mail.ru.

В-четвертых, интернет выступает как организующая сила. Анонсы мероприятий, в том числе связанных с историческими событиями, мы

видим на всех новостных сайтах. А информация о произошедшем нередко сопровождается ссылками на исторические справки и материалы, формирующие определенную трактовку событий. Например, в материале сайта «Кавказский узел» о презентации трехтомника «Черкесы» турецкого писателя Ялчина Кайя мы видим не только краткую информацию о Кавказской войне («Кавказская война – война между Российской империей и горцами Северного Кавказа в 1817-1864 гг. В результате войны на Северо-Западном Кавказе был почти полностью изменен этнический состав населения. Большая часть черкесов была вынуждена расселиться в более чем 40 странах мира, на родине осталось, по разным оценкам, от 5 до 10% от предвоенного населения»), но и предложение обратиться к другому материалу, размещенному на сайте: «На "Кавказском узле" в разделе "Справочник" опубликована статья о Кавказской войне». В качестве примечания к материалу дана интерактивная ссылка на статьи о современных событиях на Северном Кавказе«Серия одиночных пикетов в поддержку сирийских черкесов началась в Адыгее», «Более 400 человек подписали петицию с просьбой помочь черкесам Сирии вернуться в Россию», «Работу МЧА отказались одобрить делегации из Адыгеи и Карачаево-Черкесии» [1].

Наконец, изменился характер отношений между цивилизацией и средствами коммуникации. Если первые цивилизации создавали средства коммуникации, то в последующие периоды уже средства коммуникации создавали цивилизации. По мнению Г.Г. Почепцова появление книгопечатания «явилось самым сильным по своим последствиям, создав современную картину мира из национальных государств, поскольку книги на национальных языках активировали национализм» [2, с. 30]. Книгопечатание дало возможность достаточно широкого распространения альтернативного мнения, что стало одним из факторов, способствовавших разрушению монологических государств. Цифровые технологии, а самое главное их глобализация привели к разрушению монополии на национальные смыслы. Как это отражается на наполнении национальной исторической памяти и какие последствия будет иметь для национальной идее и содержании межнациональных отношений – вопрос практически неизученный в современных общественных науках. Об одном можем сказать точно: совершенствование средств коммуникации привело к значительному ускорению процесса преобразования смысла национального и трактовок национальной истории. Если раньше изменения происходили через поколение, а то за более дли-

тельный период после формулировки новых смыслов, то в эпоху цифры срок от появления новых национальных смыслов до превращения их в господствующие в национальном сознании можно измерять несколькими годами.

Каково влияние Интернета на историческую память и восприятие национальной истории его аудиторией? Вопрос, на который пока нет четкого ответа.

Особенность современной ситуации в распространении исторических знаний является то, что в интернет пошли все. Газеты, журналы, некоторые из которых имеют только электронные версии (например, журнал «Гефтер» с рубриками «Карта памяти» и «Колонки: личный взгляд на историю и политику» [3]), телеканалы и радиостанции имеют свои сайты, на которых выкладываются текущие материалы и архивы печатных СМИ, аудио и видеоматериалы радио- и телепередач, в том числе материалы на исторические темы. В интернет не только на пиратских сайтах, но и по согласованию с авторами на сайтах электронных библиотек выкладываются электронные версии книг и статей из специальных изданий. Созданы персональные сайты, в том числе «ниспровергателей официальной истории» Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко, В.А. Чудинова. Кроме того, есть блоги в социальных сетях, на которых нередко обсуждаются исторические вопросы.

Появление Интернета породило ряд методологических проблем, связанных с научным анализом исторического знания в «пространстве цифры»:

1. Анонимность авторов смыслов и участников дискуссии по вопросам национальной истории не позволяет в полной мере использовать существующие методики анализа текста, который нередко оказывается обезличенным, и выстроить систему аргументации.

2. Существующие методики статистических исследований оказались бесполезны для анализа «пространства цифры»: обезличенные «ники», тиражирование комментария одного пользователя по различным сайтам делают невозможным составить репрезентативную выборку по полу, возрасту, образованию, социальному статусу для анализа явления. Попытки статистического анализа Интернет пространства в настоящее время не могут быть признаны научно обоснованными в виду отсутствия методик такого анализа. Пока мы можем лишь констатировать наличие в «пространстве цифры» тех или иных трактовок сюжетов национальной истории и число пользователей, посетивших сайт или

страницу, на которой выложен соответствующий материал, не будучи уверенными, что количество посещений соответствует количеству пользователей, которые могут зайти на одну и ту же интернет-страницу неоднократно.

3. В Интернет-пространстве нет возможности отличить реальное от виртуального. Создание собственного сайта, а тем более блога в социальных сетях не представляет проблемы для любого пользователя. Кто и что стоит за появившимся в Интернете сайтом, посвященном проблемам национальной истории, зачастую мы можем только предполагать.

Есть и практические вопросы существования научного знания в эпоху и в пространстве Интернета. Используя цензуру, в доцифровое время государство регулировало информационные потоки, допуская тиражирование и распространение только положительных с ее точки зрения смыслов и трактовок сюжетов национальной истории. Но система, работающая на трансляции только положительных потоков информации, не соответствует действительности, что в конце концов становится понятным пользователям и что стало одной из причин кризиса советской системы. Появление неподцензурного пространства «всемирной паутины» не просто обеспечило возможность для существования критических потоков информации, но привело к преобладанию в «пространстве цифры» негативных, несущих в себе разрушительный потенциал националистических смыслов.

Не прекращаются нападки на профессиональное историческое сообщество, которые благодаря Интернету получают широкое распространение. Автор трилогии Неизвестная история» Ю. Кузовков на своем сайте заявляет, что «вся древнейшая история России в том виде, в каком она излагается в большинстве современных учебников истории - не просто ложь, а абсурд, противоречащий здравому смыслу» [4].

Мифологизация национальной истории также широко представлена в Интернете. Мифологизация истории имеет объективные предпосылки, связанные с особенностями формирования национальных идеалов и исторической памяти народа, для которых свойственна идеализация определенных исторических персонажей и событий, а также необязательность следования историческим фактам. В исторической памяти народа превалирует образ, а не документально подтвержденный анализ. Этим этническая историческая память принципиально не совпадает с историей как наукой. Как отмечает Цветан Тодоров, «…историография всегда святотатство. Нас, историков, нужно карать за попрание завет-

ных святынь. Историки всегда десакрализуют публичную сферу, превратив предметы почитания в обыденные вещицы. История противоположна идолопоклонству, и по самой своей природе способствует тому "расколдовыванию мира", которое Макс Вебер считал существенной чертой современности» [5].

В государствах, созданных после распада СССР, мы наблюдаем ренессанс национального исторического сознания, в основании которого лежит желание сделать национальную историю главной, а не рассматривать ее как часть истории единой многонациональной страны. В мифотворчестве превалируют идеологические задачи. Среди сюжетов прошлого выбираются «нужные» в сегодняшней политической, экономической и социальной ситуации. Исторический миф активно используется в пропагандистских целях и при поддержке властей предержащих тиражируется в СМИ и интернете.

Перед научным сообществом, потерявшим монополию на знание, в настоящее время стала проблема адаптации к изменившимся условия, определения своего места в «пространстве цифры» и выработке технологий влияния на националистические смыслы с целью противодействия искажениям и прямым фальсификациям национальных историй и направления национальных смыслов в созидательное русло.

Примечания

1. Маратова Л. Турецкий писатель Ялчин Кайя представил в Нальчике трехтомник «Черкесы» // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/269759/ (дата обращения: 21.10.2015 г.).

2. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М., 2015.

3. Гефтер. Интернет-журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://gefter.ru/journal (дата обращения: 21.10.2015 г.).

4. Кузовков Ю. Запретные темы истории. Исторические мифы // Трилогия «Неизвестная история» [Электронный ресурс]. URL: http://www.yuri-kuzovkov.ru/dialog/12_history_mif/ (дата обращения: 21.10.2015 г.).

5. Тодоров Ц. История и миф // Гефтер. Интернет-журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://gefter.ru/archive/5605 (дата обращения: 21.10.2015 г.).

Матвеев В.А.
д.и.н., доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МУСУЛЬМАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920 ГГ.)

Устойчивость интегрированности населения окраин отечественного Востока, таким образом, проявлялась и в условиях революционного кризиса 1917 г. Политизация исламского фактора на северокавказской окраине происходила во взаимосвязи с общими процессами в стране, что так или иначе являлось показателем гражданской приобщенности. Стремление сохранить целостность российской государственности существовало у значительной части мусульманского духовенства. Настрой на единство, несмотря на существовавшие сепаратистские отклонения, оказался преобладающим в тех условиях и в среде верующих.

Интегрирующая роль отечественного мусульманства проявлялась и в условиях гражданской войны. По ходу противостояния противоборствующих сил с разными идеалами государственного устройства она также проявлялась стихийно, но, несмотря на это, выступала одним из существенных препятствий для попыток переорганизации российского пространства, сформировавшегося в пределах империи. Одним из проявлений общности являлась солидарность мусульманского духовенства с православным, проявлявшаяся неоднократно по разным поводам в критических ситуациях.

Так, когда в феврале 1918 г. в Уфе была установлена советская власть, и от ее имени последовал приказ арестовать митрополита Уфимского Андрея, с реквизицией имущества всех православных церквей, исполнение натолкнулось на серьезное сопротивление. Распоряжение не было реализовано не из-за противодействия православных священников, а в связи с наметившимся масштабным протестом мусульманского духовенства, получившим широкую поддержку верующих. Оно решительно заявило, что не выдаст «этого великого муфтия врагам Бога» и не позволит «оскорблять православные мечети» [1, с. 194].

Между тем позиции мусульманского духовенства в отношении сохранения целостности России имели различия. Как и по стране в целом, проявлялось это и на Северном Кавказе. В сентябре 1919 г. Узун-Хаджи

предпринял еще одну попытку создать «шариатскую монархию», воспроизводившую по многим признакам существовавший когда-то на Северо-Восточном Кавказе имамат. От Шамиля выводилась для укрепления авторитета и родословная шейха. Данное государственное образование проектировалось уже как независимое от России. В его состав включались территории «от Каспийского до Черного моря». Узун-Хаджи намеревался произвести объединение «всех народов Северного Кавказа» [2, с. 34; 3, с. 133, 137].

После провозглашения «Северо-Кавказского эмирства» сделаны были шаги, направленные на его международное признание в качестве «самостоятельной шариатской монархии» под протекторатом «халифа мусульманского мира его величества оттоманского императора». Распускались слухи о привезенной якобы грамоте от турецкого султана, уполномачивавшей на образование «Северо-Кавказского эмирства». Шейх становился «эмиром Узун-Хаджи-Хаир-Ханом», присвоив себе звание «великого визиря» и командующего войсками. В разъяснениях говорилось: «мы не требуем автономии, а хотим самостоятельной шариатской монархии» [4, с. 108]. В воззвании к населению содержалось и соответствующее обоснование: «в стране мусульманской республика не может существовать на том основании, что признанием республики мы не признаем халифа (турецкого, что равносильно отрицанию пророка Мухаммеда, а отрицание последнего есть отрицание бога)» [5, с. 89].

Для получения поддержки Узун-Хаджи использовал и иные теософские приемы. Верующим, в частности, сообщалось: «Гяуры (неверные. – В.М.) ввели вас в заблуждение, порвите с ними всякую связь, служите мусульманам» [5, с. 89]. В проекте образования имамата предусматривались министерства, назначаемые губернаторы провинций, «пять армий» и другие необходимые для функционирования государственной власти подразделения. За одну из армий «Северо-Кавказского эмирства» выдавался отряд «большивика Гикало», «произведенного» Узуном-Хаджи в генералы [4, с. 108]. Предусматривалось и введение денежной единицы. Замыслы по мере возможности воплощались в действительность [2, с. 35].

Правительство эмирства разместилось в слободе Ведено, куда под влиянием пропаганды стекались чеченцы, ингуши, кабардинцы и др. [3, с. 133]. Но органы власти так и не были сформированы. В донесениях с мест констатировалось, что провозглашенное «Северо-Кавказское эмирство… никакой опоры в населении не имеет» [6, л. 8]. Массовой

поддержки у мусульман оно так и не получило [7, л. 1], равно как и другие проекты отделения от России. В сводках также сообщалось, что «влияние Узун-Хаджи с каждым днем падает» [3, с. 137].

События связанные с его деятельностью впоследствии по воспоминаниям очевидцев описывались так: «Высшие сословия и национальная буржуазия тянулись к А.И. Деникину, к трехцветному знамени и двуглавому орлу, символу российской монархии. Низшие классы тянулись к красному знамени большевиков и сражались вместе с ними за Советы. Горцы не поддержали в решающие моменты гражданской войны зеленое знамя с золотым полумесяцем. Классовое начало у них взяло верх над национально-религиозным» [4, с. 110]. Отмечавшийся раскол между тем был типичен для всей страны в условиях гражданской войны. В феврале 1920 г. «отряд красноармейцев» при поддержке и непосредственном содействии «революционной части горных чеченцев» разоружил в слободе Шатой «эмирское воинство» и арестовал тех, кто его возглавлял. Сподвижники Узун-Хаджи были преданы шариатскому суду [3, 137].

Мусульмане Северного Кавказа сохраняли и на том этапе настрой на единство с Россией. Показательно в этом отношении и одно из обращений к ним представителей духовенства в 1920 г. В нем кроме призыва «на основании Шариата молиться Богу о сохранении здоровья Верховному правителю адмиралу Колчаку, генералу Деникину и за успех работы сыновей России, жертвующих собой для блага Родины», содержалось побуждение единоверцев к «работе над восстановлением Великой России». При этом напоминалось им следующее: «Дети наши наравне с русскими учились в русских школах. Двери российских высших учебных заведений, как военные, так и гражданские были открыты… Россия для нас не мачеха, а любящая мать, и, помня это, мы должны довериться ей, ибо она поведет нас по правильному пути, как вела… до сих пор» [8, с. 359].

Тем самым в очередной раз проявился со всей наглядностью патриотический потенциал российского мусульманства, который вполне можно было задействовать для противодействия деструктивным процессам на Северном Кавказе, представлявшим опасность для целостности государства. Этнокон-фессиональные особенности края, наличие территорий с повышенной религиозностью масс, учитывались для достижения целей по ходу гражданской войны и теми, кто противостоял белому движению. В Дагестанскую область, например, на ее исходе

входили во главе с муллами только части из российских мусульман, создание которых первоначально допускалось в Красной армии. Они использовали и соответствующую исламу символику: зеленые знамена, портреты имама Шамиля, выполнение предписаний религии, и т.д.

Все это оказывало на массы необходимое воздействие для привлечения их на сторону утверждавшегося режима. А в обращении 18 марта 1920 г. к чеченцам политотдела штаба Терской областной группы красных повстанческих войск, располагавшейся в примыкавшей к нагорной полосе слободе Шатой, делался особый упор на следующее: «говорят вам, что большевики – враги шариата. Это наглая ложь. Власть трудящихся никогда не пойдет против своих же братьев, никогда не позволит притеснять свободную волю тех или иных народностей, которые могут молиться тому богу, которому они верят» [9, л. 27]. Такие подходы находили отклик и получали поддержку. Исламскому фактору на Северном Кавказе для достижения политических целей большевики судя по всему придавали немаловажное значение [10, с. 37] и в чем-то оказались даже более предусмотрительными, чем организаторы белого движения на Юге России. Хотя на занятых Добровольческой армией А.И. Деникина территориях края с мусульманским населением также допускалась деятельность шариатских судов [11, с. 421].

Незавершенность универсалистской трансформации между тем сохранялась, как проясняли события, и в российском цивилизационном синтезе, совмещавшим конфессиональные различия. Одним из показателей этого являлся весьма поверхностный характер «русификации». Владение русским языком в среде «туземного населения» не имело широкого распространения. Вполне отчетливо такое состояние прослеживалось вплоть до 1920 г., то есть до окончания наиболее острых фаз противоборства «красных и белых» по ходу гражданской войны в России. При выработке мер по «ликвидации неграмотности», в частности, представители большевистского режима в крае вынуждены были использовать арабский язык, что свидетельствовало о его большей распространенности за счет многочисленного мусульманского духовенства по сравнению с русским. Именно поэтому для достижения цели привлекались иногда даже муллы. Использовалась и вся имевшаяся литература на арабском языке, включая фрагменты административной отчетности предшествующих лет [12, л. 70–70-об.].

На окраинах отечественного Востока, в том числе и на Северном Кавказе, в условиях революционного кризиса российское мусульман-

ство, как показывает анализ, имело не меньшие интегрирующие возможности, чем впоследствии политическая доктрина большевизма, обладавшая на первых порах элементами привлекательной революционной новизны. Наиболее сильной в ней оказалась идея социальной справедливости, отраженная в тех или иных вариациях во всех мировых религиях. Ислам, как известно, также не являлся исключением. Сила идеала социальной справедливости заключалась и в том, что он являлся вековой мечтой всего человечества.

Примечания

1. Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. Элиста, 1991.

2. Бутаев К. Борьба горцев за революцию. (Беглые очерки из воспоминаний). Владикавказ, 1922.

3. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. В 2 т. Т. 2. Ростов н/Д, 1927.

4. Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов н/Д, 1930.

5. Цит. по: Каратаева М.А. Из опыта работы областной партийной организации Чечено-Ингушетии по созданию социально-экономических и политических условий преодоления религиозных пережитков в первые годы Советской власти (1920–1925 гг.) // Деятельность Чечено-Ингушской областной партийной организации в период борьбы за победу социализма. Грозный, 1979.

6. ЦГА РСО-А (бывш. СООПА). Ф. 1849. Оп. 2. Д. 35.

7. НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 340.

8. Цит. по: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. Махачкала. 1994.

9. РГВА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1.

10. Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.

11. Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5.

12. ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 2. Д. 44.

Матвеев О.В.
д.и.н., профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар)

ВОЕННОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В КОНСТРУИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА ВЗАИМОПОЗНАНИЯ: ПОДПОЛКОВНИК НИКОЛАЙ ЛЬВОВИЧ КАМЕНЕВ

Дореволюционное отечественное кавказоведение не только добилось впечатляющих успехов, но и постоянно выступало как сближающая наши народы сила – знание порождало доверие [1, с. 3]. Наряду с другими факторами, российское кавказоведение представляло собой своеобразную контактную зону, уникальное пространство взаимопознания, в конструировании которого немалая роль принадлежала офицерам Кавказской армии. Независимо от личных оценок и пристрастий люди в погонах быстро переросли военно-разведывательное изучение народов региона, поднялись на ступень серьёзного этнографического, картографического, лингвистического изучения региона, заложив основы собственно научного, системного кавказоведения [2, с. 299]. При этом перед процессом познания ставились гуманитарные задачи. В предисловии к I выпуску «Сборника сведений о кавказских горцах» известный кавказовед-лингвист и генерал-майор Кавказской армии П.К. Услар отмечал: «Если на стороне горцев лежит роковая необходимость знакомства с нами, то на нашей – нравственная обязанность проникнуть до глубины в их замкнутый круг жизни и узнать положительно, с кем и чем мы имеем дело» [3, с. 2]. Системный и гуманитарный аспекты наследия военных кавказоведов XIX в. особенно востребованы сегодня, когда мы пытаемся выстроить кодекс и этику научного познания региона.

К числу полузабытых сегодня имён в военном кавказоведении относится имя подполковника Николая Львовича Каменева. О нём упоминал в своих материалах по истории этнографического изучения Кавказа в российской науке М.О. Косвен [4, с. 227], писал как о журналисте кубанский краевед В.П. Бардадым [5, с.151–153], на археологическое наследие обратил внимание И.С. Каменецкий [6, с. 67–68], но в целом фигура этого незаурядного исследователя древностей и традиционной культуры народов Северного Кавказа остаётся малоизвестной современным авторам. Весьма характерно признание видного специалиста в

области истории и культуры меотов И.С. Каменецкого: «Об этом человеке у меня нет никаких сведений, кроме его статей» [6, с. 67].

Согласно полному послужному списку за 1872, который хранится в фонде 396 Государственного архива Краснодарского края, Николай Львович Каменев родился в 1829 г. и происходил из дворян Харьковской губернии [7, л. 9]. Он получил образование во 2-м кадетском корпусе. «По окончании полного артиллерийского курса наук» 13 июня 1848 г. поступил на службу прапорщиком в Кавказскую гренадёрскую артиллерийскую бригаду. За отличие в делах с горцами был произведён в 1851 г. в подпоручики, а в 1853 г. в поручики [7, л. 9 об.]. Затем способного офицера назначили учителем артиллерийской школы Отдельного Кавказского корпуса, причём «за усердную и ревностную службу в учебном артиллерийском дивизионе» он удостоился Высочайшего благоволения и ордена Св. Станислава 3-й ст. Но в 1856 г. Николай Львович добился отчисления во фронт, служил в Дагестанском конно-иррегулярном полку, участвовал в боевых операциях, в том числе, в штурме Гуниба и пленении Шамиля войсками князя А.И. Барятинского [7, л. 19], за отличие в делах с горцами награждён орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. После окончательного вхождения Дагестана в состав России майор Каменев служит старшим адъютантом Аварского хана, причём «за усердие и труды по народному управлению» в Дагестане награждён орденом Св. Станислава 2-й ст.

В 1863 г. он был направлен в распоряжение командующего войсками Кубанской области и назначен исправляющим должность Нижне-Лабинского пристава, затем штаб-офицером «для наблюдения устройства вновь водворяемых горских поселений Западного Кавказа» [7, л. 11об.], помощником начальника Абадзехского округа. В июне 1866 г. подполковник Каменев прикомандировывается к Кубанскому казачьему войску «с переводом в Псекупский полк для колонизации полка». В 1869–1870 гг. Н.Л. Каменев командует 2-м, а затем 3-м кордонными полками, причём за отличную службу награждён 564 рублями и короной на орден к Св. Станиславу 2 ст., а 10 декабря 1871 г. назначен помощником атамана Ейского военного отдела [7, л. 12 об.]. Судя по всему, это было его последнее место службы, на этой должности подполковник Каменев упоминается в «Кавказском календаре» за 1873 г., а за последующие годы в официальных справочниках его имя не встречается. Работа с метрическими книгами пока не позволила установить, когда завершил свой земной путь этот офицер. Имеется лишь запись в метри-

ческой книге Александро-Невского войскового собора г. Екатеринодара о смерти 30 апреля 1898 г. вдовы подполковника Варвары Петровны Каменевой, 51 года [8, л. 163 об.]. Варвара Петровна могла овдоветь, таким образом, в период с 1874 по 1898 годы, поэтому для прояснения этого вопроса необходимы дальнейшие разыскания. Супруга, дочь надворного советника Бухальц, была на 17 лет младше Николая Львовича, она родила подполковнику двух сыновей: Сергея (15 октября 1864 г.) и Ивана (13 ноября 1865 г.) [7, л. 16об.].

Среди оснвных направлений познания Николаем Львовичем Каменевым мира кавказских народов следует выделить, прежде всего, лингвистическое. Барон П.К. Услар так оценил лингвистические труды Н.Л. Каменева: «С каким бы народом Кавказа служебные отношения не сводили его, он тотчас же приступал к изучению языка этого народа. Благодаря замечательной энергии своей, г. Каменев везде успевал в языкознании; несколько лет тому назад, он, без пособия грамматики и письменности, изучил аварский язык так, что уже не нуждался в переводчике. В недавние годы он находился при Абадзеках и, следуя раз принятому обыкновению, изучил их язык. <…> По-счастию, г. Каменев изучил этот язык не изустно, но записывал тщательно всё, что слышал от туземцев. Записывал он помощию азбуки, составленной для кабардинского языка» [9, С. 4.]. По-видимому, Н.Л. Каменев предоставил барону какую-то рукопись, поскольку последний писал в 1868 г. в газете «Кавказ»: «Заметки г. Каменева составляют весьма ценный материал, как для познания абадзекского наречия в частности, так и для понимания общего грамматического строения адыхского языка». И далее: «Метода, придуманная им для изучения языка, <…> требует огромного запаса настойчивости. Г. Каменев записывал на абадзекском языке какую-нибудь самую простую фразу, как напр. «дай мне кусок хлеба». Чтобы записанная фраза способствовала разъяснению языка, необходимо было правильно разложить её на составные части. Работа может показаться весьма простою тому, кто никогда не имел дела с горскими языками» [9, с. 4]. «Абадзехская грамматика» Н.Л. Каменева, в которой был предпринят анализ 75 фраз, помогла П.К. Услару прийти к окончательному выводу о родстве адыгских языков с абхазским и убыхским. Но лингвист высказал пожелание, чтобы Николай Львович сам в свободное от службы время «занялся этой работой; иначе труд его может пропасть безвозвратно в настоящий период быстрого исчезновения адыгских наречий» [9, с. 4].

Преодоление языкового барьера позволило Н.Л. Каменеву зафиксировать от носителей языка ценные этногенетические предания абадзехов, устную историю их прихода в бассейн р. Псекупс и противостояния с бжедугами. На их основе он предпринял историческую реконструкцию этнической истории региона. На протяжении 1867 г. в «Кубанских войсковых ведомостях» Н.Л. Каменев публикует большую работу «Бассейн Псекупса». В этом труде предания адыгов он пытается сопоставить с археологическими материалами и данными письменных источников, применяя характерный для кавказоведения в целом системный подход. Так, он зафиксировал сохранявшиеся в бассейне Псекупса предания о франках, которым приписывали сооружение многочисленных курганов. Нынешние адыговеды уже не отмахиваются от сведений адыгского фольклорав о франках как от нелепостей, а считают их особой этнокультурной общностью средневековья, образовавшейся в результате генуэзско-черкесских браков [10, с. 128].

Интересны и замечания исследователя относительно важности фиксации этногенетических преданий абадзехов. «Переворот, быстро совершившийся на Западном Кавказе, – писал Н.Л. Каменев, – оставил нам прощальный лепет народа, на веки бросившего родину. Этот лепет подслушан и передается во всей чистоте касательно описываемой местности, следовательно, живое слово непростительно было бы заменить печатным, умолчав о появлении Абадзехов из Абхазии под предводительством Кушмеза и Оздемира. Опровергнуть или подтвердить эту новость – дело будущей исторической критики; наше время обязано собирать материал из уст народа ныне возрождающегося и снять с него портрет прежде, нежели изменятся черты его под влиянием новых условий жизни» [11, с. 19].

Специальную работу «Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в частности» Н.Л. Каменев посвятил освоению края казачьими переселенцами. При этом он рассказал и о трагических страницах горского переселения в Турцию, обнаруживая сочувственное отношение к покинувшему басейн реки Псекупс населению: «Один из абадзехов, прекрасно вооружённый и на добром коне, несколько дней на берегу моря искал покупателя для своей лошади и оружию, и не встречая добросовестной оценки, обратился наконец к русскому офицеру. Офицер предложил ему за коня и оружие всю свою звонкую монету в количестве 20 рублей серебром. Сосчитав деньги, Абадзех горько улыбнулся. Возвратил их обратно офицеру и, вскочив-

ши на коня, бросился в море. Долго плыл он и боролся с могучей стихией, сопровождаемый сочувственными взглядами горцев и русских, но волны скрыли Абадзеха, пожертвовавшего, быть может, всем имуществом за лихого коня и меткую винтовку» [12, с. 160].

Историкам социальных отношений внутри горского общества было бы неплохо обратить внимание на специальную работу Н.Л. Каменева, «О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области» [13]. В этом же году расширенный вариант статьи был напечатан в тифлисской газете «Кавказ», где Николай Львович помимо западных адыгов привлекает материалы по кабардинцам, абазинам и карачаевцам.

Наконец, важен вклад Н.Л. Каменева в археологическое изучение Северо-Западном Кавказе. Здесь я полностью солидарен с оценкой крупнейшего археолога Северного Кавказа И.С. Каменецкого. Последний, анализируя результаты раскопок курганов в районе станиц Хадыженской, Белореченской, в бассейне р. Псекупс, которые Каменевпубликовал на страницах «Кубанских войсковых ведомостей», назвал Каменева пионером археологии на Кубани и отметил: «Это вдумчивый исследователь очень приличного по тем временам уровня» [6, с. 67].

Кавказоведческое наследие Николая Львовича Каменева ещё ждёт своего исследователя, однако уже сегодня очевидны масштаб его разносторонней научной деятельности, системный характер разысканий в области этнографии, фольклористики, лингвистики, археологии и этнической истории, попытки установить мост в закрытый для России мир горских обществ. Обладая чертами «настоящего кавказца» лермонтовского типа, подполковник Каменев проводил малозаметную современникам и потомкам, но чрезвычайно важную работу по налаживанию процесса общения и взаимопознания культур. Эта плодотворная деятельность, рассчитанная не на одно десятилетие, в конечном счёте, содействовала, и сегодня во многом способствует преодолению предубеждений и исторических обид народов, оказавшихся в одной лодке российской государственности.

Примечания

1. Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Владикавказ, 2004.

2. Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти…»: Социокультурная деятель-

ность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011.

3. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.

4. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. II // Кавказский этнографический сборник. II. М., 1958.

5. Бардадым В.П. Радетели Земли Кубанской: (о выдающихся людях Кубани). 2-е изд., доп. Краснодар, 1998.

6. Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011.

7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396.Оп. 2. Д. 282.

8. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 25.

9. П.К. О лингвистических занятиях г. Каменева // Кавказ. 1868. № 113.

10. История Адыгеи с древнейших времён до начала XX в. В 2-х т. Т. I. Майкоп, 2009.

11. Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости (КВВ). 1867. №.5. 4 февраля.

12. Каменев Н. Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в частности // КВВ. 1867. № 39. 7 октября.

13. Каменев Н. О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // КВВ. 1867. №15–18.

Медвенский Н.И.
Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа АНА (Сухум)

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ В ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЕ 1992–1993 ГГ.

Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. вошла в новейшую историю Кавказа как один из наиболее кровопролитных вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, отличаясь своей продолжительностью, высоким уровнем интенсивности и значительным количеством вовлеченных в нее народов и этнических групп. Кроме собственно абхазов и грузин, в боевых действиях принимали участие абазины, кабардинцы, чеченцы, лезгины, лакцы, осетины, армяне, русские, украинцы и др. Существенную поддержку Республике Абхазия оказало также казачество Юга России, откликнувшееся на адресованный к нему призыв о помощи и осуществлявшее разностороннее взаимодействие с абхазской стороной: от предоставления гуманитарной помощи до отправки добровольцев в зону вооруженного противостояния.

В конце 1980-х гг. во многих уголках Советского Союза стало возрождаться казачье движение. Данные процессы не обошли стороной и Абхазию. 14 декабря 1991 г. в г. Сухуми состоялся Учредительный круг Землячества казаков Абхазии (ЗКА), верховным атаманом которого был избран В. Рыбакин. Становление ЗКА происходило на фоне обострения грузино-абхазских противоречий и осложнения грузино-российских отношений, что не могло не наложить отпечаток на характер его дальнейшей деятельности. Землячество стремилось укрепить дружественные отношения с Народным Форумом Абхазии «Айдгылара», армянским культурно-благотворительным обществом «Крунк», осетинским общественным объединением «Алан», Общиной русского народа «Славянский дом», «Русским культурным центром Абхазии», Благотворительным фондом им. Смецкого; усилить работу по созданию силовых структур Землячества; установить прочные связи с казачьими организациями Юга России. В апреле 1992 г. делегация ЗКА посетила г. Краснодар, встретившись с руководством Кубанской казачьей Рады (ККР) и ее атаманом В. Громовым. В ходе визита была достигнута договоренность о проведении Республиканского круга ЗКА и рассмотрена возможность структурального вхождения организации в состав ККР.

14 июня в г. Сухуми состоялся I Республиканский круг ЗКА, на котором верховным атаманом был избран В. Шмалий. На мероприятии присутствовала делегация ККР во главе с походным атаманом А. Аникиным и начальником штаба С. Быковым. Между ЗКА и ККР были достигнуты договоренности о дальнейшем укреплении двустороннего сотрудничества, при этом представители ЗКА получили приглашение принять участие в заседании Совета атаманов казачьих войск Юга России, которое состоялось 20 июня в г. Сочи. В ходе визита делегаты от ЗКА В. Турцев и В. Логинов установили контакты с казаками 4-го сводного Кубанско-Донского дивизиона Войска Донского, возглавляемыми войсковым старшиной, казачьим полковником М. Волковым, а также с кошевым атаманом г. Сочи В. Сапелкиным и атаманом Союза казачьих республик Юга России, атаманом Союза казаков Области Войска Донского С. Мещеряковым [7, с. 57]. Сторонами было принято решение об организации визита последнего в г. Сухуми, состоявшегося в конце июня 1992 г. В предвоенный период Абхазию также посетил походный атаман Союза казаков Области Войска Донского В. Ратиев, выразивший обеспокоенность эскалацией напряженности в республике и вероятностью открытого межэтнического вооруженного противостояния.

14 августа подразделения Национальной Гвардии Грузии и военизированные отряды «Мхедриони» вошли на территорию Абхазии, что знаменовало собой начало грузино-абхазской войны. Уже 17 августа Правление ЗКА обратилось к атаману ККР В. Громову, казакам Дона и Ставрополья с призывом оказать республике помощь в отражении агрессии и прекращении кровопролития. 19 августа Совет атаманов ККР в обращении к Президенту РФ заявил, что кубанское казачество «решительно встанет на защиту абхазского и славянского населения Абхазии» [4, с. 216]. 24 августа Большой объединенный круг казаков Войска Донского в послании к Президенту РФ, Верховному Совету РФ и Председателю Госсовета Грузии предупредил, что «в случае продолжения варварства в отношении славянского населения, в том числе и казаков, казачество не останется сторонним наблюдателем и примет самые решительные меры по его защите» [6, с. 41]. О начале процедуры формирования добровольческих групп для отправки в Абхазию заявил и атаман Кропоткинского казачьего круга В. Никитченко. Немногим ранее, 21 августа, Президент и Парламент КГНК приняли Указ о начале переброски добровольческих отрядов в зону конфликта.

Вместе с тем, в силу ряда причин руководство некоторых республик, краев и областей Юга России не было готово открыто поддержать добровольческое движение. Так, 31 августа Постановлением главы администрации Краснодарского края В. Дьяконовым был создан краевой штаб по стабилизации чрезвычайной ситуации на территории края в связи с событиями в Абхазии и на Северном Кавказе. Комментируя переговоры представителей КГНК с руководством ККР, В. Дьяконов заявил: «Участие русских добровольцев в конфликте может спровоцировать войну между Россией и Грузией. Мы будем привлекать к уголовной ответственности тех, кто поедет в Абхазию» [2]. Как представляется, не последнюю роль здесь сыграло распространенное, но ошибочное убеждение о якобы межрелигиозном характере грузино-абхазского противостояния, а также опасения, что «события в Абхазии могут распространиться на Северо-Кавказский регион и вызвать гражданскую войну на Юге России»[1, с. 521]. В связи с этим президент Международной черкесской ассоциации Ю. Калмыков свидетельствовал: «Пресса и политики в последние дни пугают нас изначальным антагонизмом казачества и горских народов… Однако и казачество, и русскоязычное население Кавказа поддерживает требование о выводе войск Госсовета из Абхазии. Русские записываются в добровольческие отряды вместе с жителями Дагестана, Чечни, Северной Осетии»[3, с. 175].

С началом войны члены ЗКА стали вливаться в различные группы и отряды абхазского ополчения. Одновременно с этим полномочные представители Землячества совершали поездки по Югу России, посетив гг. Сочи, Туапсе, Новороссийск, Краснодар, Армавир, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Ставрополь, встречаясь с представителями местного казачества. В результате достигнутых договоренностей, в конце сентября в Абхазию прибыла первая группа донских казаков-добровольцев под командованием М. Волкова. Данное формирование приняло участие в Гагрской наступательной операции абхазской армии (1–6 октября 1992 г.). Появление на фронте донцов в традиционной казачьей форме имело важное моральное значение и способствовало поднятию боевого духа абхазских ополченцев. Абхазский исследователь Р. Ходжаа отмечал, что «этот передовой отряд положил начало широкому добровольческому движению не только казаков, но и волонтеров со всей России, которые по зову сердца вливались в ряды защитников Апсны»[3, с. 59].

В середине октября 1992 г. решением Правления ЗКА новым верховным атаманом был избран О. Петров. В целях объединения местных

казаков в единую военную структуру был создан Славянский батальон ЗКА; была усилена работа по привлечению казаков Юга России к более активному участию в боевых действиях в Абхазии. В результате ряд казачьих общественных организаций подтвердил обозначенную ранее позицию и приступил к набору добровольцев. Транзит казаков на территорию Абхазии осуществлялся группами до нескольких десятков человек через КПП на р. Псоу. Опасаясь уголовного преследования со стороны представителей силовых структур, многие из них при пересечении границы указывали вымышленную цель поездки: визит к родственникам, ведение бизнеса и т. д. [7, с. 84]. Размещение казаков производилось в пансионатах г. Гудаута, регистрация – в штабе ЗКА, собеседование, постановка на учет и довольствие, распределение по частям и подразделениям – в соответствующих структурных подразделениях Министерства обороны РА. В разное время на Гумистинском и Восточном фронтах были сформированы следующие казачьи подразделения: Отдельная Казачья Донская Сотня (командир – Ю. Блинов), Отдельная Казачья Кубанская Сотня (командир – Н. Пусько), группа «Эдельвейс» (командир – А. Сердюков).

К лету 1993 г. абхазское командование разработало широкомасштабную операцию, предусматривающую одновременный переход в наступление на обоих стратегических направлениях. На Гумистинском фронте предполагалось овладеть г. Сухуми, на Восточном – высадить морской десант, захватить автомобильную и железнодорожную магистрали на участке сс. Киндги–Цагера, воспрепятствовать переброске грузинских резервов к столице Абхазии. В ночь на 2 июля отряд из 300 чел. в составе ОКДС, группы «Эдельвейс» и др. высадился в с. Тамыш Очамчирского района и вместе с подразделениями Восточного фронта выдвинулся на центральную шоссейную трассу, после чего принял ожесточенный бой в районе Тамышской школы. 5–8 июля оба казачьих подразделения участвовали в боях за удержание участка шоссейной трассы в районе сс. Цагера–Кутол [7, с. 85]. Несмотря на интенсивный артобстрел, ими был отбит ряд контратак грузинских войск, уничтожено значительное количество живой силы и сожжено несколько единиц бронетехники противника. 9 июля десант, ввиду усилившегося натиска противника отступил на исходные позиции [5, с. 195]. 15 июля группа «Эдельвейс» овладела высотой Мишвели, где располагались артиллерийские позиции противника, лишив грузинские войска возможности вести прицельный огонь по населенным пунктам на подступах к г.

Ткварчели и отбив у них важнейший плацдарм для наступления на город [7, с. 88].

Успехи абхазской армии явились одной из важнейших причин подписания Сочинского соглашения от 27 июля, предусматривавшего прекращение огня, поэтапный вывод грузинских войск и добровольческих формирований с территории Абхазии, а также возобновление деятельности в г. Сухуми законно избранных органов власти. После торжественных проводов, состоявшихся 17 августа, основная часть добровольцев с Северного Кавказа и казаков убыла в Россию. В республике остался «Эдельвейс», а также несколько десятков бойцов в составе различных подразделений Восточного фронта. Однако, с провалом Сочинского соглашения и начала сентябрьской наступательной операции абхазской армии, добровольцы начали возвращаться в Абхазию. 16 сентября «Эдельвейс» высадился с моря в с. Тамыш. Наряду с другими подразделениями абхазской армии, он участвовал в штурме сс. Араду (16 сентября), Адзюбжа (18 сентября), Ахалдаба (19 сентября), срыве попыток деблокирования автомобильной магистрали Очамчира–Сухум частями 1-го грузинского армейского корпуса. 27 сентября войска Гумистинского фронта сломили сопротивление противника и овладели г. Сухуми, а уже 29 сентября передовые подразделения Вооруженных Сил РА достигли р. Кодор и соединились с войсками Восточного фронта. 30 сентября абхазская армия вышла на границу с Грузией по р. Ингур [5, с. 10].

В ходе грузино-абхазской войны погибло более 60 казаков. 8 казаков (из чего 5 – посмертно) были удостоены наивысшей абхазской степенью отличия – звания «Герой Абхазии», 17 – награждены орденом Леона, 48 – медалью «За отвагу». Широкая поддержка, оказанная казачеством Юга России Республике Абхазия, явилась одним из важнейших факторов, оказавших влияние на победоносное для республики завершение войны. Сближение казаков Абхазии, Дона и Кубани также положило начало долгосрочному и разностороннему сотрудничеству республики с данными регионами, которое успешно развивается и в наши дни.

Примечания

1. Авидзба А. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013.

2. В Абхазии идет нешуточная война // Независимая газета. № 164(335). 27.08.1992.

3. Геноцид абхазов. М., 1997.

4. Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996.

5. Пачулия В. Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. Боевые действия. Сухум, 2010.

6. Те суровые дни. Хроника Отечественной войны … Сухум, 2004.

7. Ходжаа Р. Казаки-добровольцы в Отечественной войне народа Абхазии 1992–1993 гг. Сухум, 2009.

Микаелян А.М.

руководитель отдела Центра гармонизации межэтнических отношений, Московский государственный университет пищевых производств

МИФЫ О КАВКАЗЕ

На всех уровнях обсуждения вопросов о современном состоянии Кавказа, из уст государственных мужей, ученых разных мастей и профессиональных «кавказцев» мы часто слышим одни и те же доводы. Одни и те же проблемы, которые мы уже четверть века всей страной все никак не преодолеем. Все эти причины существуют, и, конечно же, имеют свое негативное влияние на ситуацию в регионе. Я бы хотел обратиться к некоторым, особо цитируемым из них.

1. Сложная социально экономическая ситуация, бедный, дотационный регион.
2. Политический терроризм.
3. Безработица.
4. Лесные братья.
5. Борьба элит.
6. Невоспитанная молодежь.
7. Исход русского населения.
8. Агрессивная исламизация.
9. Исторические противоречия с Россией.

Складывается странная ситуация, вроде, и знаем причины, прилагаем усилия для исправления, но почему-то нет эффекта, а в некоторых вопросах даже обратный эффект. Это напоминает ситуацию с лечением больного, которому не помогают ни введенные пачками лекарства, ни физиопроцедуры, ни психотерапия. Отсюда резонный вопрос – может, диагноз не совсем тот? Может, мы совсем не то и не так лечим?

Давайте посмотрим на причины еще раз и постараемся проанализировать их отдельно.

1. Сложная социально-экономическая ситуация, бедный, дотационный регион

Напомню о природной «бедности» региона – самый южный регион, находящийся между двумя теплыми морями, с лучшей в России климатической зоной.

• В регионе есть и нефть и газ.

• Обладает климатическими зонами от субтропической на побережье до арктической в высокогорье.

• Лучшие поля и пастбища здесь.

• Лучшие рекреационные ресурсы страны, черноморское и каспийское побережье, минеральные воды, горнолыжные курорты Красная Поляна, Архыз, Домбай, Приэльбрусье и другие почти в каждой республике.

• Лучшие минеральные воды.

• Вся таблица Менделеева в горнодобывающей отрасли. С запасами молибдена, который редко вообще где можно найти.

• Объекты исторического туризма, башни, крепости, дольмены, самый древний город в России Дербент и прочие по всей территории.

• Здесь больше всех теплых дней в году.

• Лучшие земли и возможности для сельского хозяйства, виноградники Дагестана, фруктовые сады КБР и т.д.

• Лучшие условия для скотоводства.

• Рыба Каспий.

• Лучшее геополитическое расположение с точки зрения логистики, через Каспий на Среднюю Азию и Иран, через Черное море на Турцию и по Босфору на Средиземное море, Европу и Ближний Восток, через Закавказье на Турцию и Иран, через север на центральную часть России, Украину и Беларусь.

• И множество т.д.

Если даже ничего не делать, а всего лишь обеспечить нормальную, безопасную логистику товарооборота между севером и югом, уже край будет процветать. Причем каждый из этих пунктов способен почти автономно прокормить Кавказ при грамотном его развитии.

2. Политический терроризм

• Во-первых, меня поражает деление терроризма на виды: политический, религиозный, этнический и подобный террор – это внушение страха через акты насилия. Неужели заложенная террористом бомба будет взрываться исключительно в случае, если разделяет его политические взгляды? Эта же самая бомба разве не может взорваться у другого террориста уже по религиозным соображениям?

• У нас до сих пор не научились отличать терроризм от экстремизма, то есть идеологию от технологии (механики).

• Политический терроризм у нас был в конце XIX и начале XX веков, когда в год совершалось более тысячи терактов именно с политиче-

ским подтекстом. Мы и царя Александра II потеряли в результате двойного теракта. Там было политическое противостояние левых, эсеров, меньшевиков, большевиков, кадетов и других, у них у всех была своя альтернативная политическая программа. Какие же политический подтекст или альтернативные политические программы есть сегодня у экстремистов на Кавказе?

• Сегодняшнее бандподполье на Кавказе и экстремистами можно назвать с большой натяжкой. Это элементарный бандитизм, который прячется под религиозной ширмой, прикидываясь абреками – борцами за справедливость. Это обычная уголовщина, которую мы сами питаем и которой даем статус, называя их экстремистами или исламистами.

• Из сводок с Северного Кавказа полностью пропал бандитизм. Такое ощущение что все переквалифицировались в экстремистов. Бандитов надо называть своими именами, не придавая им романтический ареол борца за справедливость против деспотизма и безбожья.

3. Безработица

• Это в регионе, где огромное количество сельскохозяйственных угодий находится в запущенном состоянии, где виноградники пустуют, а строительством занимаются вьетнамцы, китайцы и турки, причем как на крупных объектах, так и в личных подворьях у местных.

• Это при том, что на Кавказе самый высокий процент трудоспособного населения. И назвать народ ленивым тоже язык не повернется, стоит только посмотреть на уровень развития личных хозяйств.

• В регионе, где есть и предпосылки и инфраструктура для развития туризма, созданная еще в СССР. Ни один регион страны этим не обладает.

4. Исламисты

• Я христианин, если бы кто-то начал использовать термин христианисты в негативном контексте, я бы это воспринял резко агрессивно.

• Называя человека исламистом, мы придаем ему окрас религиозного деятеля, к которому уже априори будут проявлять симпатию все представители ислама. Так как главной выделяющей чертой преступника уже становятся не совершенные им деяния, а именно его принадлежность к религии. Точно так же отнесутся представители христианства к человеку, которого мы охарактеризуем в первую очередь не преступником, а представителем христианства, борющегося с огромной системой. Как раз вот эта симпатия среди населения и является главной опорой

существования всего подполья. Это же и является вербовочным механизмом.

• Такие наименования, как исламизм, исламисты, необходимо категорически исключать как из официального обихода, так и из употребления в СМИ.

5. Лесные братья

• За это мне как кавказцу более всего стыдно… Мы дожили до времен, когда какая-то куча преступников мало того спокойно хозяйничает на родовых территориях коренных

народов, но еще и диктует местным, как себя вести, и более того, получает с них как с терпил. Напомню немножко вам о горском менталитете на одном только прикладном примере. Если кто в жизни хоть раз видел кавказскую башню, то точно заметил, что в нее есть только один вход и нет выхода. Это значит, что деды никогда не оставляли себе возможности дать заднюю, небольшая горстка храбрецов забиралась в башню и, понимая, что даже шансов себе не оставила на отступление, воевала до последней капли крови. Потому никто так и не мог покорить полностью Кавказ. Я сам вырос на Кавказе и отлично помню, как мои сородичи относились к своим родовым землям. Ни один случайный турист не мог незаметно пройти за десятки километров, не то что поселиться на них, и хуже того, обложить данью горцев, как рэкетир на рынке в 1990-х. Деды сегодня в гробу бы перевернулись, узнав, что сейчас кто-то хозяйничает на их родовых землях, за сохранение которых было пролито столько крови в разные времена.

• И не верю, что горцы резко стали настолько бесхребетными, что не могут справиться с этим. Просто, может, нужно доверить людям самим решить эти вопросы, при этом тратить деньги не на военные операции или на полицейский контроль, а именно поощрять тех, кто умеет у себя наводить порядок.

• И почему должны приезжать и погибать на нашей земле, защищая нас от бандитов, солдаты и офицеры из Центральной России? Почему другие регионы должны жертвовать своими сынами за нашу безопасность и порядок в нашем же доме. Мы же не просим соседа прийти к нам в квартиру навести порядок, объяснить жене и детям, как вести себя.

• Безопасность гостя для горца всегда было делом чести. Безопасен ли сегодня наш гость, и достойна ли наша честь имени горца?!

6. Невоспитанная молодежь

• С молодежью не все так однозначно, не нужно сходу ее винить. Поведение молодежи сегодня – это всего лишь навсего отражение поведения старшего поколения вчера.

• Хоть и пытаются навязать кавказской молодежи кучу негативных стереотипов в СМИ, особенно о невоспитанности, давайте посмотрим, сколько кавказцев вы вечером с бутылками пива встретите, сколько кавказских девушек встретите в коротких юбках, гуляющих за полночь, сколько кавказцев увидите повышающих голос на родителей и вообще на старших, скольких не уступивших место в общественном транспорте, сколько детдомов на Кавказе вы найдете, сколько домов престарелых, сколько сирот, алкоголиков и разведенных семей. На самом деле все познается в сравнении, и не спешите все вешать на молодежь. Просто не нужно забывать о ней, нужно помнить, что необходимо передавать те ценности, наставления и внимание, которое в свое время досталось вам. Чтобы молодые кавказцы не позорили нас выездами на машине к мемориалу памяти жертв ВОВ, чтобы не носились стайками в метро, чтобы не опускали имя своего рода, трогая девушек по улицам, чтобы не пытались свою удаль доказывать в потасовках и размахивая ножом, чтобы помнили истинное предназначение ножа и чести для мужчины.

7. Исход русского населения

• Русское население на Кавказе в большинстве своем было городскиме. Это были высококвалифицированные специалисты, инженеры, учителя, врачи, технологи и прочие, преимущественно переехавшие на Кавказ в период развития промышленности. Поднимали заводы, строили дороги, поднимали города. После развала Союза на Кавказе, как и на всей территории постсоветского пространства, наступило тяжелое социально-экономическое положение. Закрылись заводы, остановились шахты и стройки. Всем этим людям с высокой квалификацией, но уже без дела, необходимо было как-то выживать. У них не было в отличие от местных земли или хозяйств в селах, они никогда не занимались теми традиционными промыслами, что местные. Абсолютно нормально было, что эти люди стали уезжать с Кавказа туда, где они могли хоть как-то обеспечить свое существование. Тем более что у них сохранилась связь с малой Родиной и было куда ехать.

• Кавказцы тоже, кто смог, в большинстве уехали в большие российские города, кто не смог уехать, те как-то с помощью сельских подворий выжили. Это отражается до сих пор на Кавказе низким уровнем

урбанизации и очень тесной связью городских жителей с родней в селе, или же содержанием второго дома в селе.

• Кстати, уезжали не только с Кавказа. Массовый отток был и за границу даже из крупных российских городов, особенно высококвалифицированных специалистов, да и просто тех, кто мог себе позволить уехать.

• В свою очередь этнические конфликты в этот период не могли не оказать негативного влияния как на экономику, так и на уровень безопасности в регионе, что сильно влияло на миграционные процессы.

8. Агрессивная исламизация

• При всем желании не могу увидеть целенаправленной программы исламизации, кроме как отдельных миссионерских направлений, которые больше ориентированы не на исламизацию в целом, а именно на конфессиональную радикализацию в самом исламском духовенстве.

• Бесспорно, доля исламского населения резко увеличилась по отношению к христианам, но это скорей эффект именно демографических процессов, оттока русского населения.

• Не надо забывать также ослабления позиций христианского духовенства, отсутствие какой-нибудь проповеднической деятельности.

• Говорят, природа не терпит вакуума, тут в чем-то схожая ситуация. Этот процесс похож на шаг коня по мокрой земле, когда вмятый в земле след от копыта сразу же заполняется водой.

9. Исторические противоречия с Россией

Не понимаю исключительную однобокость в освещении исторического присутствия России на Кавказе. Как будто не было ни одной позитивной нотки. Как будто все было исключительно в крови. Как будто все были против, а царь взял и против воли кавказских народов ворвался в регион. Только почему-то забываем о том, что к царю сами же обратились, когда нужна была помощь, то, что дагестанцев, грузин, армян, закавказских татар именно царь освободил от персов, не помнится ни Гюлистанский договор, ни Георгиевский трактат. Про защиту кабардинцев от крымского ханства, про посольство чеченцев от князя Ших-мурзы Окоцкого. Как будто кавказская элита сама не обращалась к царю с предложением союза, забываем о родственных связях царских семей, об интеграции в царскую военную, дворцовую элиту. Забываем о славных совместных военных страницах, о дикой дивизии, горских отрядах. О том, что Россия настолько приняла Кавказ, что переоделась в парадные черкески. Разве одежду врага перенимают?

О сотнях генералов кавказцев в России почему-то больше помнят, чем на самом Кавказе. Это не Россия строила на Кавказе дороги, школы, больницы, заводы и подобное, не русские учителя приезжали учить в наших аулах грамоте. Конечно, и позитивного в истории еще очень много можно вспомнить, и негативного, чего стоят отдельные наместники на Кавказе, из-за самодурства которых горцы встали на дыбы и столько невинной крови было пролито. Нельзя забывать преступления прошлого, чтобы, не дай Бог, они не повторились, но и большой грех забывать хорошее, именно оно дает надежду и основу на будущее.

10. Борьба элит – клановость

• Я понимаю борьбу элит, только когда смотрю сериал «Великолепный век», а вот какие элиты могут формироваться в российском правовом поле и в самом полинациональном регионе, мне не совсем понятно. Точнее, по каким принципам определяются эти элиты, вот это не понятно. И вообще, за что они борются, если Кавказ сам по себе является небольшим регионом, в котором новых ресурсов с неба не падает, а все остальное еще с дедовских времен поделено, согласно семейной преемственности в ведении дел. Элиты на Кавказе могут возникать только в одном случае, при распределении федеральных средств, направляемых на развитие региона. И как мы все догадываемся, как раз эта элита формируется точно не на Кавказе, этих угодных выбирают в Москве, по весьма субъективным параметрам.

• Клановость – эта категория сама по себе является позорным признанием неспособности поддержания правового поля ответственными лицами за соблюдение российских законов в регионе. Потому как в нашем правовом поле нет механизма распределения должностных полномочий по признакам родства.

К чему все эти мои долгие рассуждения… Может, нам рецепт лечения надо пересмотреть, и лечение немножко другое обозначить. Может, перестать вырезать раны с местной анестезией, а усиливать иммунитет, для того чтобы организм сам смог эти раны затянуть! А это возможно только в случае, когда горцы сами перестанут искать виноватых на стороне, в Кремле, в Госдепе или на Марсе и вернут доверие к себе. Когда Кавказ перестанет клянчить деньги, чтобы себя обеспечивать, когда сам сможет у себя же поддерживать порядок и безопасность, чтобы гость наш чувствовал себя как дома, а подаренная Богом богатейшая земля прокормит нас с лихвой, и другим народам еще с лихвой достанется.

Нагиева М.К.
к.и.н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКИХ ВРАЧЕЙ НА РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В Дагестане развитие современного здравоохранения и медицинского обслуживания населения получило в конце XIX в., когда стали появляться первые лечебные учреждения, фельдшерские и акушерские пункты, открываться больницы, аптеки в окружных и районных центрах Дагестана.

Русские специалисты стояли у истоков становления и развития почти всех отраслей социально-экономического и культурного развития Дагестана. Особенно это наглядно проявилось в развитии медицинской науки и здравоохранения.

Закладка фундамента здравоохранения республики связана с именами И.С. Костемеревского, Э.С. Андреевского, К.М. Трипольского, С.М. Казарова, Н.П. Агриколянского, Н.А. Усачева и многих других. Они оказывали горцам помощь в лечении и проведении санитарно-профилактических мероприятий, вели борьбу с инфекционными болезнями, развитии медицинской науки и здравоохранения [1, с. 15].

Работа русских врачей в Дагестане проходила в трудных условиях. Знахари, духовенство оказывали упорное сопротивление, распространяя разные слухи, чтобы отпугнуть местное население от приезжих специалистов. Но русские врачи постепенно шаг за шагом двигали вперед дело здравоохранения в республике, открывали медицинские пункты, больницы и другие лечебные учреждения.

Во второй половине XIX в. царская власть, учитывая социально-культурные запросы и потребности населения Дагестана, приступило к развертыванию сети медицинских учреждений в крае. Так, первый приемный покой на 5 мест был открыт в 1896 г. в сел. Касумкент. Штатский городовой врач находился только в г. Дербенте, обязанности его в г. Петровске выполнял врач тюремного ведомства, а в Темир-Хан-Шуре врач военного ведомства, которые по частному соглашению получали особое вознаграждение за свои труды из суммы Темир-Хан-Шуры и

Петровска. В городах имелось также по одной повивальной бабке, получавшей вознаграждение из городских сумм [2, С. 79].

В 1899 г. в городах Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте имелись городские врачи по одному в каждом для оказания медицинской помощи, медико-полицейского и санитарного надзора. В округах области было 9 окружных врачей, при каждом из которых находилось два фельдшера и 3 оспопрививателя. В городах, кроме больниц военного ведомства, железнодорожных и больницы при Темир-Хан-Шуринском реальном училище, были амбулатории. Во всех городах и округах области были открыты аптеки.[2, С. 79].

Начало XX в. характеризуется некоторым ростом медицинских учреждений в Дагестане, но медицинское обслуживание местного населения оставалось на прежнем низком уровне. Так, в 1900 г. в округах области было 9 врачей, при каждом из которых находились 2 фельдшера и 3 оспопрививателя. В области работало 9 аптек. В 1904 г. в округах учреждается 18 врачебных участков с сельской больницей на 6 коек и одним фельдшерским пунктом [3, С. 45].

В 1913 г. на всей территории Дагестана имелось всего 30 больничных учреждений на 377 км, со штатом 66 врачей, 98 фельдшеров, 32 акушерки, 4 зубных врача, 14 фармацевтов, 20–25 оспопрививателей и 23 повивальных бабки [4, С. 45-46].

Один врач приходился на 18,4 тыс. населения, один фельдшер на 7 тыс. жителей [5, С. 328]. В действительности же работало намного меньше, так как медицинских работников не хватало.

Основными центрами медицинского обслуживания являлись еще существовавшие в городах военные госпитали, особенно в Темир-Хан-Шуре, ставшим центром Прикаспийского края, а затем Дагестанской области, а также в Порт-Петровске и Дербенте, где располагались крупные военные госпитали.

Амбулаторная медицинская помощь городскому населению оказывалась бесплатно. Согласно «Обзора Дагестанской области за 1902г.» в гор. Темир-Хан-Шуре амбулатория содержалась на средства местного благотворительного общества, в которой за 1902 г. медицинскую помощь получили 1902 больных. В гор. Петровске на благотворительные средства и выданной городской субсидией, помощь была оказана 3007 больным, а в гор. Дербенте на городские средства, при городской больнице помощь была оказана 2882 больным [6, С. 87].

Сельскому населению амбулаторная помощь оказывалась окружными и сельскими врачами. Так, окружные врачи за 1902 г. приняли 29635 больных, и сельские – 17091. Помимо указанных врачей в городах амбулаторную медицинскую помощь оказывали также вольнопрактикующие врачи, фельдшеры и повивальные бабки, а в селах – врачи фабрик, промыслов и некоторые военные врачи [6, С. 87].

С развитием медицинских учреждений в округах начинали функционировать аптечные управления. Первым организатором в этом деле был приехавший из Москвы провизор Фрозе. Он открыл свои аптеки в Кизляре, а затем в слободе Хасавюрт, в Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре.

Среди русских врачей в Дагестане, прогрессивную роль которых следует отметить, были также Е.Д. Поцхверов, А.И. Годзиевский, Г. Сухоцкий, Ф.Л. Зеневич, Г.С. Кузнецов, Н. Салтыков. Не меньшим уважением пользовались представители среднего медицинского персонала: фельдшер Л.Т. Лаптинов, проработавший в Дербенте и Дербентском районе 28 лет, организовавший фельдшерские и врачебные пункты в сельской местности.

Местные жители с. Акуша с уважением и признательностью вспоминают о фельдшере Кравченко, который чутко и внимательно относился к их просьбам, часто выезжал для оказания медицинской помощи в другие аулы. В селе Султанянгиюрт длительное время до Октябрьской революции и при советской власти трудился фельдшер Ф. Калашников [7, С. 111].

В рапорте от апреля 1917 г. комиссара по медицинской части управления Дагестанской области председателю особого Закавказского комитета, отправленный в апреле 1917 г. «Об увеличении содержания медицинским работникам Дагестанской области» шла речь о бедственном положении медицинских работников области. Постоянные командировки по опасным горным дорогам, отсутствие квартир и бытовых условий, заведывание одним лицом двумя и даже четырьмя врачебными участками, из-за отсутствия на местах штатного персонала и т.д. требовали постоянного напряжения умственных и физических сил от всех врачей и фельдшеров.

Несмотря на такие жесткие условия, медицинские работники области работали с полной отдачей сил, хотя многие из приезжающих врачей спустя некоторое время стремилась покинуть Дагестан [Ф. 32. Оп.4. Д. 4. ЛЛ. 90-91].

Определенный вклад в дело организации медицинского обслуживания трудящихся Дагестана внес профессиональный союз медицинских работников. Впервые он возник в Темир-Хан-Шуре в ноябре 1917 г., а затем в Порт-Петровске. Первым председателем союза был фельдшер Ломоносов.

Первые члены профсоюзной организации принимали активное участие в создании учреждений и руководящих органов советского здравоохранения в Дагестане. Член профсоюза С.М. Казаров в начале 1920 г. был командирован обкомом партии в Темир-Хан-Шуру вместе с врачом Н.П. Агриколянским для организации Народного комиссариата здравоохранения. Созданный в Темир-Хан-Шуре народный комиссариат состоял из двух отделов: лечебного и санитарно-эпидемического. Первым наркомом здравоохранения был назначен помощник провизора Иван Назарович Саградов [9, С. 96], сделавший очень многое для организации медицинского обслуживания населения.

В 1921 г. правительство РСФСР выделило Дагестану 25 млн. руб. специально для покупки медицинского оборудования и медикаментов. В том же году в Дагестан была направлена специальная экспедиция для борьбы с эпидемиями и организации народного здравоохранения [9, С. 106].

Особой признательностью среди горянок пользовались медицинские работники – женщины, которые в сложных условиях (недостаток лечебных учреждений, сильное влияние знахарства и т.д.) боролись за здоровье женщин и детей. Среди них можно отметить врачей Н.И. Иванову, Е.Г. Полетик, Соколову и многих других, среди медицинских сестер это В.С. Петрова (с. Ишкарты), П. Вакуленко (г. Темир-Хан-Шура), П.П. Дрындина (г. Порт-Петровск), В.Г. Сластуновская (с. Акуша), Л.А. Федьковская (с. Телетль), О.П. Овчинникова (с. Рутул), А.Г. Лофицкая (с. Каякент) и другие.

Деятельность русских врачей была плодотворной и самоотверженной, которые несмотря на свою малочисленность, вели борьбу с эпидемиями, активно участвовали в распространении медицинских знаний, в улучшении здравоохранения в Дагестане.

Под влиянием тесных контактов с русскими специалистами, в том числе и представителями научной медицинской школы России, дагестанцы заимствовали прогрессивные формы, методы и средства русской народной и научной медицины. Благодаря этому у дагестанцев значительно расширились представления о различных болезнях, накопился

опыт борьбы с эпидемиями, расширился круг медицинских терминов новыми словами из русского языка. Народные лекари стали пользоваться в своей практике новыми хирургическими инструментами, готовыми лекарствами, завезенными из центральной России.

Примечания

1. Журнал «Возрождение». № 11-12. Махачкала, 2009.

2. Мирзабеков М.Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX – 30-е годы XX в.). Махачкала, 2010.

3. Обзор Дагестанской области за 1904 г. (Приложение ко всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области). Темир-Хан-Шура, 1904.

4. Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1916.

5. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

6. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903.

7. Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане (вторая половина XIX – начало XXвв.). Махачкала, 1973.

8. ЦГА РД. (Центральный государственный архив Республики Дагестан). Ф. 32. Оп. 4. Д. 4. ЛЛ. 90-91.

9. Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения Дагестана. М., 1958.

Намруева Л.М.
к.с.н., доцент, зав. отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста)

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В МУЛЬТИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ РФ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)[1]

В Республике Калмыкия проживают представители трех мировых религий: буддизма, христианства и ислама, которые в процессе длительного исторического проживания на общей территории накопили ценный опыт межрелигиозного общения, сохранили благоприятную общественную атмосферу взаимоуважения. Современные межконфессиональные отношения подразделяются на пять наиболее часто встречаемых форм, характеризующих собственно содержательную часть этих отношений: диалог, взаимодействие, индифферентность, напряженность, конфликт [1, 300]. Отношения между конфессиями в Республике Калмыкия характеризуют диалог и взаимодействие.

В 2015 г. в республике широко отмечается 10-летний юбилей центрального буддийского хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни», 20-летие Калмыцкой и Элистинской епархии. 9 апреля 2015 г. Шаджинламы Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче на пресс-конференции с представителями СМИ Калмыкии отметил: «Хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни» - это не только храм, это духовный, культурный центр, объединяющий всех верующих республики и потрясающая достопримечательность степного региона. Это место воодушевления, надежды и умиротворения. Это – наша гордость». По мнению Ринпоче, уровень религиозной образованности калмыков значительно повысился по сравнению с предыдущим десятилетием. Тэло Тулку Ринпоче, что буддизм, как философия, как определенный способ мышления, раскрывает путь, который ведет к счастью. Возрождение духовной традиции приносит определенную пользу калмыкам.

[1] Работа выполнена в рамках Проекта Распределенного научного центра «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа» (Научн. рук. академик Тишков В.А.). – Госзадание 213.01-11/2015-2.

Буддийский храм является центром конфессионального объединения народов республики, здесь все граждане Калмыкии имеют возможность почерпнуть все то лучшее, что буддизм, как философия, пронес через тысячелетия. Лидер буддистов всего мира, Далай-лама особо почитаем в Калмыкии, его мнение весьма значимо для населения региона. На вопрос «Как способствовать улучшению взаимоотношений друг с другом?», заданный во время пребывания в Лондоне 21 сентября 2015 г. Его Святейшество отвечает, что мы общественные животные и должны преодолеть свою давнишнюю привычку делить людей на своих и чужих, которая нас только разобщает. Нужно понять, что все мы – просто люди и в современном глобальном мире мы связаны глобальной экономикой и изменениями климата, которым нет дела до государственных границ. Необходимо взращивать ощущение всеобщей ответственности и видеть в человечестве одно большое «мы».

Далай-лама отметил, что сегодня во многих уголках мира религиозные и националистические настроения перерастают в кровавые конфликты. Мы обязаны искать пути для восстановления мира. Каждый, кто считает себя верующим, должен принять на себя эту ответственность. Межконфессиональные встречи – чудесная возможность завязать и укрепить дружеские связи и доверие между нашими традициями [2].

Архиепископ Юстиниан (Овчинников) служит в Калмыкии менее года, но за краткий период времени он смог проявить глубокий интерес к истории калмыков, найти исторические факты, которые неизвестны многим живущим в республике. Эта деятельность вызывает искреннее уважение. В своем интервью, опубликованном 23. 09. 2015 на сайте «Православный мир» Архиепископ Юстиниан поведал о хождении Кирилла и Мефодия «в хазары», путь просветителей пролегал через территорию современной Элисты, о христианстве в Монголии и Китае времен Чингисхана, русских святых монгольского происхождения. Современным калмыкам неизвестно, что их предок изображен в Архангельском соборе Кремля. Архиепископ Юстиниан считает своим долгом рассказать своим духовным чадам и близким представителям народа Калмыкии о том, с каким почтением и уважением относились к Петру, правнуку Чингисхана. Петр не просто христианин, он вошел в календарь святых Русской Православной Церкви. К Петру, царевичу Ордынскому, с великим почетом относились в княжеской среде. Об этом свидетельствует тот факт, что в Архангельском соборе в усыпальнице российских государей есть изображение Петра, царевича Ордынского. Причем захоронения в Архангельском соборе производились по старой

сложившейся иерархии: на южной стороне (она считалась самой почетной) – московские князья, на северной стороне – князья удельные, и на западной – опальные князья. На южной, на почетной стороне есть два изображения Петра, царевича Ордынского. То есть московские князья почитали за честь, чтобы в их усыпальнице был царевич. Архиепископ Юстиниан своих действиях исходит из того, что, «зная веру соседей, веру людей другой культуры, мы начинаем их больше уважать. Там, где есть знание, нет пустой выдумки, а выдумки всегда бывают страшнее, чем действительность» [3].

В 2015 г. переиздано на современный калмыцкий язык «Житие князя Владимира», опубликованное незадолго перед революцией. Оригинал на русском и на калмыцком языках был найден в библиотеке на Дальнем Востоке. Новое издание посвящено тысячелетию князя Владимира. Архиепископ Юстиниан отмечает значение личности святого равноапостольного князя Владимира в становлении и развитии русской государственности и отечественной культуры. Дореволюционный и современный переводы Жития Крестителя Руси направлены на культурнее сближение русского и калмыцкого народов и призваны укрепить межнациональный мир и общественное согласие в регионе. «Чтобы иметь подлинное уважение друг к другу нужно глубже знать верования твоего соседа, его культуру, знать его чаяния и, конечно, христианство легче познавать, когда человек знакомится с конкретными обликами людей», – подчеркнул на презентации издания архиерей. Архиепископ Юстиниан отмечает: «Я только за то, чтобы и русские, и большие, и малые народы – все могли бы развивать свою культуру. Потому что это дар Божий, это как цветы на лугу – чем больше цветов разных красок и форм, тем луг красивее.

Потому что это разнообразие – от Бога, а усредненность и серость – это как раз от Его враждующей стороны, от лукавого» [3]. Переводы на старокалмыцкий и калмыцкий языки Жития святого Владимира призваны послужить тому «чтобы христианство не было какой-то далекой, абстрактной религией, чтобы через личность князя Владимира легче было познавать веру православных людей и тем легче иметь понимание друг друга и хранить согласие между собой, что было важно и тогда, и сейчас» [4].

Калмыцкий муфтият один из самых молодых в стране. Духовное управление мусульман республики Калмыкия было создано в 2008 г. Его основные цели – воспитательная, духовно-просветительская деятельность. Основу общины составляют дагестанцы, чеченцы, татары, турки-месхетинцы и казахи. На сегодняшний день в республике нет ни одной официальной мечети, молельные комнаты есть в районах ком-

пактного проживания народов, исповедующих традиционный Ислам. Есть молельные комнаты в Черноземельском районе, поселках Прикумский, Яшалта, а также в городах Городовиковск и Элиста. Султанахмед Каралаев, председатель Духовного управления мусульман Калмыкии отмечает, что на протяжении нескольких десятков лет мусульмане, которых сегодня в Калмыкии насчитывается более 30 тысяч человек, добиваются выделения земельного участка под строительство официальной мечети в Элисте. У общины есть надежда, что руководство республики, города с пониманием относятся к мусульманам. К сожалению, периодически возникают ситуации, которые могут привести к определенным осложнениям в добрососедских отношениях в регионе (имеется в виду поджог неизвестными в масках в ночь со 2 на 3 июля 2014 г. единственной в Элисте молельной комнаты для мусульман).

По мнению исследователей Центра изучения национальных конфликтов, угроза конфликтов на межэтнической и межнациональной почве в Калмыкии низка. Вместе с тем, единичные случаи насилия на почве национальной вражды имеют довольно серьезный резонанс и провоцируют массовые ненасильственные выступления. Кроме того, национальный вопрос активно эксплуатируется в Интернете. В итоге регион упоминается экспертами как имеющий тлеющие межэтнические конфликты. Так, динамика напряженности в Калмыкии не вызывает у исследователей оптимизма: если с сентября 2013 по март 2014 г. в республике зарегистрирован всего один случай межэтнической вражды, связанный с размещением ксенофобного контента в социальных сетях, то за последние шесть месяцев 2014 г. эксперты отмечают значительное увеличение числа проявлений межнациональной розни. В целом межэтническая напряженность в Калмыкии находится на среднем уровне, но за счет серьезного конфликтного потенциала может резко возрасти [5].

Несмотря на единичные вышеупомянутые случаи, межконфессиональные отношения в Республике Калмыкия носят организованную, консультативную, координационную формы. Представители трех традиционных религий регулярно встречаются, обсуждают актуальные социальные проблемы, участия конфессий в решении наболевших вопросов. Так, 23 сентября 2015 г. в Большом зале заседаний Правительства Республики Калмыкия состоялось расширенное заседание Межрелигиозного совета Республики Калмыкия, посвященное 10-летию Центрального хурула Золотая обитель Будды Шакъямуни и 20-летию создания Элистинской и Калмыцкой епархии Русской Православной Церкви. Фо-

рум, став ярким примером межконфессионального и межнационального согласия, способствует взаимодействию и взаимопониманию трех конфессий в республике, обеспечивая мир и согласие, сохраняя и передавая следующим поколениям традиционные культурные ценности. Приоритетными задачами Форума по-прежнему остаются противостояние разрушению духовных и нравственных основ, сотрудничество, духовный и культурный диалог, выработка совместных поступательных инициатив, помогающих обрести стабильность и гармонию в обществе.

По итогам работы участники расширенного заседания Межрелигиозного совета Республики Калмыкия приняли Обращение к жителям республики Калмыкия, в котором говорится: Опыт истории показывает, что укрепление современного государства и российской нации на современном этапе, невозможно без взаимодействия с традиционными духовными, религиозными институтами, древнейшими духовными традициями, помогающими обрести стабильность и гармонию в обществе.

Проведенный анализ показал, что взаимодействие, взаимопонимание религий, духовный и культурный диалог, обеспечивающий мир и спокойствие в стране, невозможны без совместных поступательных инициатив, без серьезных дружественных, слаженных действий и решений.

Примечания

1. Медведко С.В. Государственно-церковные отношения, свобода совести и вероисповедная политика в современной России // Тезисы докладов и выступлений на II Всерос. социол. конгрессе «Российское общество и социология XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. М.: Альфа-М, 2003. Т.1. 776 с. С. 297-300.

2. Межконфессиональный диалог и беседа, организованная движением «Действуй ради счастья» // http://khurul.ru/?p=24530 (дата обращения 21.09. 2015).

3. Кафедральный собор через дорогу от хурула // http://www.pravmir.ru/kafedralnyiy-sobor-cherez-dorogu-ot-hurula/ (Дата обращения 26.09.2015).

4. В Элисте вышел перевод Жития князя Владимира на калмыцком языке http://blagovest-elista.ru/2015/03/25 (дата обращения 14.10. 2015).

5. В Калмыкии тлеет угроза межнационального конфликта / http://elista.org/socium/v_kalmykii_tleet_ugroza_mezhnacional_nogo_konflikta/.

Озеров А.А.
д.полит.н., профессор, руководитель ЧКРИАЦ РИСИ,

Аверьянов А.В.
к.и.н., доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, с.н.с. ЧКРИАЦ РИСИ

УКРАИНА КАК ВОЕННЫЙ ТАРАН ПРОТИВ РОССИИ

После одобрения Советом национальной безопасности и обороны (СНБО) Украины новой военной доктрины, в которой Россия квалифицируется в качестве главной военной угрозы и страны-агрессора, на постсоветском пространстве юридически оформился ещё один антироссийский центр силы.

Как отметил 1 сентября 2015 г. на брифинге в Одессе украинский премьер-министр Яценюк: «В проекте военной доктрины впервые за историю независимости Украины определены противники и агрессоры, которыми является Россия» [1].

Подобное заявление в первый день осени тем более символично, что на днях весь мир отмечал 70-летие окончания Второй мировой войны, начало которой относится как раз к 1 сентября.

Вообще, нынешний мировой кризис и его украинская составляющая позволяют провести массу исторических аналогий. В очередной раз Запад стремиться решить свои экономические проблемы с помощью крупномасштабных войн. Англосаксы вновь пытаются втянуть своих основных геополитических конкурентов в международные конфликты, искусственно разжигая очаги нестабильности в различных точках земного шара. В том числе путём хаотизации Ближнего Востока; реализации проекта т.н. Исламского государства (ИГИЛ); нагнетания ситуации вокруг Южной и Северной Кореи, являющейся союзником Китая – основного экономического конкурента США; создания зон нестабильности вокруг России и т.д.

Вашингтон не скрывает, что одной из промежуточных задач в рамках проекта международной изоляции России является создание вокруг её границ санитарного кордона из своих стран-сателлитов [2]. Тем более, что подобная стратегия уже применялась Лондоном и Вашингтоном в отношении Советской России почти сто лет назад.

Данная концепция последовательно реализовывалась на протяжении последних лет, всё ближе продвигая западную военную инфраструктуру к границам современной России. Польше, Румынии, Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Молдавии была отведена почётная миссия «сдерживания» России и нагнетания антироссийской истерии в информационном пространстве.

С недавних пор к этому оркестру «молодых демократий» присоединилась Украина, ценность которой в глазах западной общественности измеряется её ресурсами, которые она может мобилизовать на борьбу с Россией. Действительно, масштабы Украины многократно перекрывают потенциал остальных постсоветских республик, использование которых в антироссийских проектах было ограничено человеческими и экономическими ресурсами.

Одно исключение, связанное с попыткой Грузии под руководством нынешнего губернатора Одесской области М.Саакашвили военным путём установить контроль над Южной Осетией в 2008 г., лишь подтвердило и без того наглядный расклад сил – до государственного переворота на Украине в феврале 2014 г. у Запада не было сколько-нибудь крупной силы, способной исполнять роль военного тарана против России.

Поскольку бывшие страны Организации Варшавского договора вошли в структуры ЕС и НАТО, их возможное участие в антироссийском вооружённом конфликте вынуждало бы брюссельскую бюрократию к официальным действиям. Между тем, история неизменно подтверждает важнейший англосаксонский принцип международной политики – воевать чужими руками.

Запад нуждался в достаточно крупном по европейским меркам центре силы, который можно было использовать в своих антироссийских авантюрах, не взваливая официальной ответственности на свои плечи.

Современная Украина, находящаяся в состоянии полураспада как нельзя лучше подходит для этих целей. Полный контроль со стороны Вашингтона над украинским политическим классом, разжигание антироссийской истерии в качестве ключевого инструмента сплачивания пребывающего в тяжёлом социально-экономическом и духовном кризисе украинского общества, рост военного бюджета, перевооружение армии и обучение украинских военных НАТОвскими инструкторами обусловливают рост военной угрозы на российско-украинской границе.

Недавняя история с Грузией, вооружаемой и обучаемой заокеанскими партнёрами, вылилась в вооружённый конфликт с участием России. На текущий момент мы видим, что военная риторика украинских властей выглядит не менее жёсткой, чем угрожающие заявления их грузинских коллег семилетней давности.

В информационном и юридическом пространстве Украины используются те же стереотипы и установки: «Россия – исторический враг и агрессор», «оккупированные территории», «европейский выбор», где чётко идентифицируются основные приоритеты цивилизационного выбора, образ союзника и врага.

Помимо агрессивной риторики украинских политиков, на Украине фиксируется последовательный рост военных расходов на армию и развитие стратегического партнёрства с членами НАТО. Так, по данным Минобороны, оборонный бюджет Украины в 2015 г. составил около 2 миллиардов долларов или 2,7% ВВП, что в 1,7 раза больше, чем в прошлом году. В мае 205 г. десять оборонных и правоохранительных ведомств Украины обратились к правительству с просьбой выделить дополнительно почти 769 миллионов долларов в связи с увеличением численности армии [2].

На свои нужды в 2016 г**.** Министерство обороны Украины планирует получить около 87 миллиардов гривен (около 4,1 миллиарда долларов), что вдвое больше, чем было отпущено на военные расходы в 2015 г. В рамках новой стратегии нацбезопасности потребности ежегодного финансирования военного сектора планируется увеличить до 5% ВВП Украины [3].

Помимо сухопутных войск украинское руководство планирует усилить остатки своих военно-морских сил, изрядно потрёпанных двадцатичетырёхлетним периодом «незалежности». По словам Яценюка, Украина планирует строительство четырех новых корветов. На повестке дня вопрос о передаче Украине модернизированного США флагмана ВМС ВСУ фрегата «Гетман Сагайдачный», а также реализация новых проектов в рамках военно-морского сотрудничества Киева и Вашингтона [4].

Попытки реанимировать военно-морские силы Украины создают дополнительные потенциальные риски дестабилизации ситуации в Черноморском регионе, учитывая наличие в нём замороженных конфликтов, в том числе в Приднестровье и Абхазии.

Тем не менее, преддефолтное состояние украинской экономики не способно выдержать растущую военную нагрузку на бюджет в долгосрочной перспективе. А в планы Вашингтон и Брюсселя вряд ли входит желание многолетнего содержания новоиспечённого бедного украинского родственника.

В данной ситуации довольно высоко оцениваются риски военно-политической эскалации ситуации в регионе со стороны Украины с последующим вынужденным втягиванием России (как это было в Южной Осетии в 2008 г.) в открытый вооружённый конфликт уже в ближайшее время. Поводом для этого может послужить обстановка на Донбассе, претензии Киева в отношении Крыма, ситуация в зоне замороженных конфликтов. Тем более, что команда подбитых лётчиков во главе с бывшим президентом Грузии жаждет реванша за прошлые поражения.

Так осмелится ли Украина, а точнее к её заокеанские хозяева к повтору событий семилетней давности, то есть к открытому конфликту с Россией? Во всяком случае, шансы на это достаточно велики, поэтому порох Россия должна держать сухим.

Примечания

1. Кабмин определил РФ противником Украины в проекте военной доктрины. Forbes Украина. 2015. 1 сентября. URL: http://forbes.net.ua/news/1401102-kabmin-opredelil-rf-protivnikom-ukrainy-v-proekte-voennoj-doktriny
2. Stratfor: США создадут «санитарный кордон» вокруг России. Руфабула. 2014. 19 декабря. URL: http://rufabula.com/news/2014/12/19/stratfor
3. Минобороны Украины просит удвоить финансирование в 2016 году. РИА новости. 2015. 1 сентября. URL: http://ria.ru/world/20150901/1220903128.html#ixzz3kSzMwrMy
4. США помогут переоснастить фрегат "Гетман Сагайдачный" – Минобороны Украины. Интерфакс. 2015. 1 сентября. URL: http://interfax.com.ua/news/general/287378.html

Семёнова О.В.
к.ф.н., Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета

ВМЕСТЕ ИЛИ РЯДОМ? (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ)

В настоящее время взаимоотношения Грузии и России остаются сложными и неоднозначными. Ситуация застыла, не развиваясь. При этом в грузинском обществе чувствуется напряженность по отношению к России, которая, скорее, объясняется состоянием внутреннего социально-экономического и политического кризиса в стране. Ближний сосед – Россия воспринимается как сильный, жесткий и даже агрессивный партнер, сотрудничество с которым может обернуться непредсказуемыми последствиями. Политическая борьба в Грузии сводится к линии противостояния двух партий Единого Национального Движения (ЕНД) и коалиции Грузинской Мечты (ГМ). Битва за власть между ЕНД и ГМ накаляется тем сильнее, чем ближе выборы[1]. Наблюдаемые разногласия по вопросу сотрудничества с Россией часто сопоставимы с политическим курсом.

Нужно понимать и признавать, что в сегодняшней Грузии человек, который является, или хотя бы просто позиционирует себя как пророссийский политик, по определению не сможет набрать большой процент голосов. До тех пор, пока население Грузии не смирилось с фактом как минимум временной потери Абхазии и Южной Осетии, образ России в умах населения будет ассоциироваться именно с оккупацией. При этом усиление запроса на социально-экономическое развитие, безусловно, заставит грузинское руководство более серьезно подходить к укреплению торгово-экономических отношений и дальнейшему облегчению доступа на российский рынок[2, с. 28].

Развитие страны - уровень жизни населения и степень эконмических проблем отличаются от еще недавнего прошлого, пожалуй, в сторону ухудшения. Цены растут, наблюдается уменьшение реальной заработной платы, пенсии мизерны(165 лари, или около 4 тыс. рублей), а время больших модернизационных проектов вместе с государственной коррупцией правительства Саакашвили осталось позади. Не сбываются

и надежды граждан на либерально-демократический курс партии «Грузинская мечта».

Отражением сегодняшних проблем и перспектив является социокультурная жизнь Грузии. Данная сфера еще мало изучена. Круг интересов исследователей, в основном, касается стратегических вопросов экономики и политики. Можно назвать исследования по стратегическим вопросам и региональной безопасности (Йелда Демираг и Бурак Тангер, Турция; Джони Меликян, Константин Тасиц), экономики и политики (Алексей Токарев, Геворг Мирзоян), о националистическом дискурсе и миграционных процессах в Грузии (Максим Кирчанов, Мамука Комахия).

Для нас представляют интерес социокультурные тенденции, которые, будучи с одной стороны отражением общественно-политических процессов, с другой - могут существенным образом влиять на данные процессы. Рассмотрим тенденции, характерные для сегодняшней Грузии.

Основой прогрессивного, динамичного развития любого государства является молодежь, сфера образования. Этот вопрос актуален для большинства граждан республики и имеет конфликтный потенциал. В 2012г. внедрены основные элементы реформы, проводимой несколько лет для приведения системы образования в соответствие с международными нормами. В частности, отменена прежняя экзаменационная система приема в ВУЗы, теперь проходные баллы считает Национальный экзаменационный центр (НЭЦ) Министерства образования и науки. По оценке научных работников Грузии, целями реформы являлись преобразования системы обучения, преподавания и научной деятельности, а также и политизация, подчинение научно-образовательных структур режиму Саакашвили. Устанавливался жесткий контроль над учащейся молодежью, которая была способна оказать решающее влияние на предстоящие выборы в 2012-2014 гг.

Эксперты отмечают высокую степень политизации современного грузинского общества, его раскол на группы с разными установками, что приводит к столкновениям противоборствующих сил. Поэтому одним из ключевых моментов подготовки и проведения выборов стала борьба за молодежь и интеллектуальную элиту общества.

Направленность на престижность, европейскую конвертируемость образования, соответствие мировым стандартам, четко прослеживается в Грузии. Опорой данного процесса служит всегда существовавшая здесь традиция давать детям хорошее образование. К проблемам можно отнести высокую стоимость обучения, которая не по карману многим

гражданам. Не многие могут себе позволить и заграничное обучение. В советское время выпускники стремились получать образование в вузах столиц союзных республик. Сейчас это проблематично.

Безусловно, успешной и активно развивающейся была и остается сфера литературы и искусства. Театр, музыка, кино, творчество поэтов и прозаиков как будто не зависят от экономических и политических трудностей. Фестивали, конкурсы, юбилеи, премьеры – важнейшая часть грузинской культурной жизни. Причем это – не закрытое, а открытое искусство. Русско-грузинские культурные связи, существующие десятилетиями, хотя и стали слабее (в виду визовых, транспортных и финансовых сложностей с посещением России и Грузии), однако не распались. Подтверждением является журнал «Русский клуб», который на русском языке освещает события русскоязычной культурной жизни.

Журнал является успешным проектом Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб». Эта грузинская общественная неправительственная организация создана в 2003 году. С помощью Союза развиваются и укрепляются культурные связи между Грузией и Россией, охватывая различные сферы – литературу, искусство, образование и науку, спорт и туризм. Президент Союза - Николай Свентицкий, директор Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова.

Еще одним веянием последних лет стала активно развивающаяся туристическая отрасль. Туристы приезжают и в центральные города и районы, и на Черноморское побережье, и в горные живописные районы в контексте экстремального спортивного туризма. Довольно много молодых туристов из России, открывающих для себя новые туристические направления.

Бесспорно, одной из сложнейших проблем остается сфера межнациональных отношений. Тем более, что политика в данной области может влиять на целый ряд политических и социальных вопросов. В постсоветское время, вследствие националистической риторики грузинских властей массовых характер приняла эмиграция негрузинского населения[3, с. 184]. Уезжали армяне и азербайджанцы, курды и ассирийцы, поляки и немцы. Но особенно много уехало славян – русских (было 341, 2 тыс. чел. - стало 68 тыс.)[4, с.110] и украинцев (52.4 тыс. чел. – 7039 чел.)[4, с. 113].

Отток части социально активного населения спровоцировал дисбаланс в экономике (уехали квалифицированные рабочие, технические

специалисты, учителя) и в социокультурной сфере: закрывались русскоязычные школы и отделения в общеобразовательных школах, уходили в прошлое учебники и периодические издания на русском языке, а для создания новых потребовалась новая концепция и подходы. На сегодняшний день в Тбилиси выходит только две газеты на русском языке: «Вечерний Тбилиси» и «Тбилисская неделя». Вытеснение вчерашних сограждан, привело к тому, что в настоящее время носителями русского языка в Грузии является старшее поколение. Молодежь ориентирована на европейские языки (английский. французский, испанский), а также на турецкий. Русский язык для подростков, скорее, экзотика.

Важной частью общественного сознания, традиционной культуры остается Православная Церковь Грузии. Религия консолидирует граждан Грузии, помогает переживать трудности, является частью истории и исторической памятью. Кроме того церковь выполняет важные дипломатические функции на международной арене, поддерживает диалог с Россией и Русской Православной Церковью[5, с. 7].

Разумеется, научные, культурные и дипломатические связи Грузии с соседними государствами очень активны. Научные конференции в Ереване, переговоры по вопросам энергетики в Баку и театральный фестиваль в Стамбуле – привычное и естественное явление. В стане научной и творческой интеллигенции присутствует стремление к сотрудничеству с американскими, британскими, европейскими коллегами. Эти направления сейчас приоритетны.

Но утверждать, что в стратегии социокультурного развития современной Грузии отсутствует пророссийские тенденции, будет неверно. Существует исторически сложившаяся связь культур, прошедшая через испытания временем, идеологией и войнами. Издавна восхищаются, подпитывают и стремятся друг к другу творческие национальные школы и направления. И очень сильно стремление донести до читателя, слушателя и зрителя новые достижения грузинской культуры и искусства.

Благодаря этим стремлениям и процессам, совершающимся в последние годы стал возможен более активный диалог между Россией и Грузией. Происходит он по желанию обеих сторон. Гарантами сотрудничества выступают Фонд Горчакова в России и «Кавказский дом» в Грузии. За последние три года было проведено немало встреч, семинаров и конференций. К сотрудничеству привлекались специалисты различных сфер, журналисты, общественные и научные деятели. Результатом данного сотрудничества стал выпуск серии сборников аналитиче-

ских материалов по различным вопросам российско-грузинских и международных отношений. Хотя эти материалы неоднозначны и в ряде случаев советский период истории Грузии называется «оккупацией», сомнений в необходимости обмена мнениями не возникает.

Говорить о постоянных многосторонних взаимоотношениях Грузии и России хотя бы в социокультурной сфере, скорее всего рано. Вести речь об объединении двух стран в рамках какой-нибудь ассоциации – не реально в обозримом будущем. Однако тенденции в грузинском и русском обществе позволяют нам надеяться, что мы можем «идти рядом», поддерживая друг друга в трудные минуты и радуясь успехам и достижениям.

Примечания

1. Бежанишвили З. Политический кризис в Грузии// «Грузия-Onlin» [электронный ресурс]. URL: http://www.apsny.ge/analytics/1444883122.php (дата обращения: 15.11.2015).

2. Мирзаян Г. В. Перспективы российско-грузинских отношений// Грузия – Россия: две перспективы по вопросам политики, безопасности и экономики. – Тбилиси: издательство «Caucasian Hous», 2014. С. 28-32.

3. Комахия М. Формирование этнической карты Грузии и современные миграционные прцессы// Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1(55). С.180-186.

4. Государственный департамент статистики Грузии. Результаты Первой всенациональной переписи населения Грузии 2002 г. Т. I. Тбилиси, 2003.

5. Русский клуб. 2012. Декабрь. № 12(86). С. 6-7.

Скорик А.П.
д.и.н., д.ф.н., профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова (Новочеркасск)

ОБРАЗОВАНИЕ СТАНИЦЫ МИЛЮТИНСКОЙ В ПОЛОСЕ КАЗАЧЬЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ФРОНТИРА

Образование станицы Милютинской 17 марта 1876 г. положило начало многообразной жизнедеятельности местных казаков. Опорным пунктом для образования новой казачьей станицы Милютинской стал хутор Юдин. Это, в частности, подтверждает «Дело по отношению Управляющего Почтовою частью в Области войска Донского об открытии почтовой станции в ст[аницах] Митякинской, Милютинской и друг[их] местах Донецкого округа», хранящееся в Государственном архиве Ростовской области. В письме от 15 мая 1879 г. № 3109 на имя Войскового наказного атамана Николая Александровича Краснокутского (1819–1891) отмечается: «Донецкая Окружная Земская управа просит об открытии почтовых станций с приемом и выдачею всякого рода корреспонденции, принимая часть расходов на содержание их, – в следующих местах: в станицах – Митякинской и Милютинской (хутор Юдин)…» [2, л. 1]

Известный исследователь донской старины Иван Михайлович Сулин (родился ориентировочно в 1830 г.) провел кропотливейшую работу по изучению истории заселения казачьих хуторов и станиц Донецкого округа Области Войска Донского и оставил после себя обширную рукопись, хранящуюся ныне в фондах Новочеркасского музея истории донского казачества. Как утверждал в конце XIX в. И.М. Сулин, история образования станицы Милютинской имеет достаточно глубокие исторические корни. Своим появлением станица Милютинская обязана, прежде всего, ранее возникшим четырем хуторам 2-го Донского округа Чернышевской станицы. К этим изначальным милютинским поселениям И.М. Сулин относил следующие хутора: Терно-вой, Кузнецов, Юдин и Поляков. Вот как происходило заселение этих, теперь милютинских, мест: «Около ста лет тому назад (то есть примерно в конце XVIII века, если исходить из датировки сулинской рукописи. – А.С.) казак Есауловской станицы Дмитрий Иванович Чумачихин, человек предприимчивый, поднялся с места с 4-мя сыновьями (женатыми) и поселился за 120 верст от станицы на р[еке] Гнилой, до того времени пустынной и ни-

кем[,] кроме калмыками[,] не обитаемой. Вскоре рядом с Чумачихиным поселились еще два казака, один Чирской, а другой Есауловской станицы[,] и таким образом составили хутор названный Терновой, потому что первые его основатели поселились в таком месте р[еке] Гнилой, где особенно много росло терну» [6, л. 3].

Согласно изысканиям И.М. Сулина, хутор Юдин по списку 1838 г. значился на войсковых землях по левому берегу реки Гнилой. В нем тогда насчитывалось 4 двора, располагавшихся в устье балки Базной. На карте, составленной примерно в 1806 г., Сулин хутора Юдин, к сожалению, не обнаружил [6, л. 4]. Следовательно, хутор Юдин образовался в промежуток времени между 1806 и 1838 гг.

Теперь о названии станицы Милютинской. Вот что мы прочитали в № 6 от 15 марта 1892 г. газеты «Донские епархиальные ведомости»: «Милютинская станица находится на правой стороне р[еки] Гнилой, в 100 верстах от Каменской станицы. Станица эта исторически прошлого не имеет, основана только в 1876 году и названа Милютинской в честь военного министра[,] графа Милютина. В станице этой находится Предтечинский молитвенный дом, построенный в 1882 г., однопрестольный, деревянный, колокольня на столбах, ограда деревянная; стоимость постройки его обошлась в 7239 р[ублей]» [4, с. 255]. При этом в газете делается ссылка на клировые ведомости 1884 г. и данные Донецкого окружного начальства за 1888 г.

Буквально на закате своей блестящей реформаторской карьеры Д.А. Милютин дал согласие стать почетным казаком станицы Милютинской. Но ему до сих пор нет памятника в станице, которая фактически носит его имя, хотя, как мы полагаем, это дело поправимое. Так вот разберемся с историческими деталями принятия графа Д.А. Милютина в почетные казаки станицы своего имени. В Государственном архиве Ростовской области хранится «Дело по письму Начальника Главного Управления казачьих войск, о зачислении Графа Милютина в число граждан Милютинской станицы».

Согласно материалам этого архивного дела, в начале декабря 1880 г. казаки станицы Милютинской единогласно утвердили общественный приговор с ходатайством о зачислении в казачье сословие Войска Донского с причислением к обществу Милютинской станицы Военного Министра, Графа Дмитрия Алексеевича Милютина «на основании § 10 Высочайше утвержденного 21 апреля 1869 года мнения Государственного Совета» [3, л. 4]. Ходатайство своих одностаничников поддержал и

продвигал по инстанциям «член Комитета по пересмотру казачьих законоположений, состоящий по войску Донскому Полковник Греков».

Военный министр Российской империи, граф Дмитрий Алексеевич Милютин ответил казакам Милютинской станицы согласием. В архивном документе – письме начальника Главного Управления казачьих войск Военного министерства Российской империи, генерал-лейтенанта Александра Петровича Богуславского (1824–1893) Войсковому наказному атаману Донского казачьего войска, генералу от кавалерии Николаю Александровичу Краснокутскому от 9 декабря 1880 г., за № 3704 – мы читаем: «По докладе приговора этого, его Сиятельство Граф Дмитрий Алексеевич изволил положить следующую резолюцию «принимаю с удовольствием предложение станичного общества и благодарю за оказанный почет» [3, л. 1об].

14 февраля 1881 года Милютинское станичное общество единогласно утвердило общественный приговор (присутствовало более 2/3 казаков, имеющих право голоса) и «выразило согласие на зачисление в казачье сословие по означенной станице Г. Военного Министра[,] Генерала от Инфантерии[,] Генерал-Адъютанта Графа Милютина» [3, л. 6]. 12 мая 1881 г. Войсковой наказной атаман Н.А. Краснокутский направил в Областное правление Войска Донского распоряжение № 1732, в котором уведомил «Областное Правление для зависящих распоряжений о внесении Генерал-Адъютанта Графа Милютина в списки граждан Милютинской станицы» [3, л. 6]. Причем, сам

Военный министр, граф Д.А. Милютин был уведомлен о зачислении в казачье сословие Войска Донского с причислением к обществу Милютинской станицы письмом Войскового наказного атамана 19 марта 1881 г., за № 1075 [3, л. 4–4об], подписанным помощником Войскового наказного атамана Донского казачьего войска, Генерального штаба генерал-майором Николаем Алексеевичем Маслаковцом (1833–1908).

Положение фронтира и особого статуса станицы Милютинской нашло свое отражение в народном прозвище «свинячий паспорт». Редактор журнала «Родимый край» (Париж, Франция) Н. Мельников представил на основе воспоминаний казаков-эмигрантов следующее объяснение этого прозвища:

«В станице Милютинской произошли станичные перевыборы. Прошли шумно и оживленно. Только что выбранный новый атаман пригласил стариков и знакомых к себе на выпивку.

Так прямо из станичного правления и пошли все к атаману. А атаман был человек ничего себе, только заностый очень. Что вобьет себе в голову, ничем этого не выбьешь. Тут у него и сила воли, и упрямство…. Как сели все за столы, да пошло угощение, так и начал он хвалиться. Еще в атаманах и денька не ходил, а, подвыпивши, говорит:

– У меня шалишь… Наша станица должна стать самой лучшей, потому что мы никто другой, а милютинцы… Правильно ли я говорю?

– Правильно… – гудели казаки.

– У нас посторонних быть не может. У нас место только для казаков. А как кто появится, незнанная личность, сычас же его волоките в правление: выясним, кто и откуда и зачем, да и обратно…

Атаман хмелел все больше и больше.

–… Скажем, идеет человек. Ты откедова? Ага – из Саракомыша? А ты из Тартарары? Ага… Повертай оглобли отсюда…

В это время, постучавши в дверь, вошел конвойный казак и доложил атаману:

– Пересыльный… Сопровождаем…

– Ага… выкатил глаза атаман: очень хорошо... Пересыльный? Откедо-ва?

– Из Саракомыша…

Атаман даже на месте подскочил.

– Ага, говорит, так я и знал… А подать мне сейчас же паспорт его…

Паспорт оказался в порядке. Атаман отпустил казака. Но глубоко задумался, устремив хмельные глаза в одну точку. Гости шумели и пировали, и никто из них не услышал тихо скрипнувшую дверь. Но атаман услышал, и, дав знак всем замолчать, стал тихо красться к двери. Все замолчали.

– Сейчас поймаем, – прошептал атаман и с криком, – Давай, паспорт… распахнул дверь.

В дверях испуганно, поводя маленькими заплывшими глазами, застигнутая врасплох, стояла забредшая в комнаты, большая жирная свинья.

Отсюда и пошло прозвище Милютинской станицы – «свинячий паспорт» [5, с. 30].

Самый ранний список жителей станицы Милютинской позволяет определить станичный приговор № 44 от 24 июня 1879 г., когда утверждался «план на поселение Милютинской станицы». Благодаря этому

документу, мы знаем, что количество первых милютинских казаков достигало 510 человек, которые имели право голоса на станичном сходе, то есть жителей было больше с учетом членов семей. Вначале процитируем текст станичного приговора:

«1879 года июня 24 дня. Граждане области войска Донского, Донецкого округа, Милютинской станицы, имеющих право голоса на станичном сходе, в настоящем году 510 челов[ек], сего числа присутствовало наличных 257 челов[ек], в присутствии станичных правителей имели суждение о расплани-ровании избранной нами и утвержденной областным правлением местности под поселение нашей станицы Милютинской землемером областной земской управы Губернским Секретарем Кругловым; распланирование это, как в натуре[,] так и составленный на ту местность план им же, Г-м Кругловым, мы сознаем правильным и во всем согласным с нашим желанием. А так как в настоящее время есть много желающих и имеющих крайнюю нужду поселиться на распланированном месте[,] то и заявляем желание просить подлежащие начальство о высылке в скором времени нам плана; на что ходатайство поручаем Милютинскому Станичному правлению. На чем приговор сей утверждаем нашими подписями» [1, л. 2].

Станичный приговор вначале подписали сотник П. Чумаков и хорунжий Я. Коньков. Очевидно, эти два казачьих офицера имели высокий социально-правовой статус в местном казачьем сообществе и выступали своеобразными поручителями справедливости принятого станичного приговора. Кроме того, они могли владеть значительными земельными паями за службу как офицеры на распределяемых землях для станичного обустройства. Поэтому мнение этих землевладельцев о проведенном межевании учитывалось особо. Далее последовали подписи казаков. Нам удалось прочесть 237 фамилий, 3 записи разобрать не удалось. В конце документа расписались: «за станичного атамана кандидат его урядник Сметанников» и писарь Линников.

Таким образом, образование станицы Милютинской в Донецком округе рядом с большими крестьянскими слободами Маньково-Березовской и Селивановской выполняло несколько задач. В том числе, во-первых, отчасти решало проблему казачьего малоземелья, во-вторых, расширения казачьего влияния в полосе казачье-крестьянского фронтира.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО), ф. 46, оп. 1, д. 1704.

2. ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 1818.

3. ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 1947.

4. Донские епархиальные ведомости. 1892. 15 марта. № 6.

5. Прозвища донских станиц // Родимый край (Франция). 1965. № 60 (сен-тябрь–октябрь).

6. Сулин И.М. Сборник материалов по истории заселения казачьих станиц и хуторов Донецкого округа. Т. 3. Ч. 1. Новочеркасск, 1893–1899.

Султанбеков Р.М.
к.и.н., доцент Дагестанского государственного педагогического университета (Махачкала)

К ВОПРОСУ О РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА РУБЕЖЕ XVI – XVII ВВ.

История взаимоотношения народов Кавказа и России прошли сложный, непростой путь, который насыщен различными событиями по своей значимости и важности. Несмотря на прогрессивность значения присоединения Дагестана к России, в плане политического развития в последующие периоды нужно отметить, что сам процесс вхождения Дагестана в состав России это не единовременный акт, (каким считают 1813 г. – Гюлистанский мирный договор), а длительный путь, состоящий из разных по своему содержанию периодов взаимоотношений.

Важно конкретизировать содержание каждого из них, что поможет исследователям обнаружить и научно обосновать основные закономерности формирования государственного единства народов России. На наш взгляд не должно, быть одинакового подхода к политике Российской империи на Кавказе в различные периоды, также как нельзя смешивать отношение народов Кавказа к русскому народу, с «российской» ориентацией отдельных владетелей, которые искали наиболее выгодный способ удовлетворения и защиты своих интересов.

Одной из таких малоисследованных периодов истории взаимоотношений народов Дагестана и России является время первых попыток царской России укрепить свои позиции на Северном Кавказе, в частности и в Дагестане в конце XVI – начале XVII в.

Хотя нужно отметить, что проблема русско-дагестанских отношений конца XVI – начала XVII в. освещена в трудах отдельных исследователей[1], а также в коллективных и обобщающих работах по истории Дагестана и Северного Кавказа.

Большинство исторических источников свидетельствуют об укреплении связей феодальных владетелей Северного Кавказа и Закавказья с Российскими царями, выражавшимися в обращениях с просьбой принять их в российское подданство. Однако следует уяснить, что обращения феодальных владетелей вовсе не означали, готовность уступить свою власть российскому царю, потерять независимость и свободу.

Царская власть же была заинтересована в полном подчинении того или иного владетеля.

Практически случалось, что местный владетель мог с подобной просьбой обращаться и к другим государствам и в итоге становился «слугой двух господ», на деле не служа ни тому, ни другому.

Такое поведение феодальных владетелей объяснялось сложившейся неустойчивой политической ситуацией на Кавказе, что явилось следствием непрекращающейся борьбы Турции, Ирана и России за овладение стратегически важными транзитными путями вдоль Каспийского побережья.

Просьбы и обращения дагестанских правителей к русскому царю были продиктованы необходимостью защиты от захватнических устремлений Ирана и Турции в отношении народов Дагестана.

В свою очередь и Россия, заинтересованная в усилении своего влияния в кавказском регионе, всячески пыталась привлечь на свою сторону дагестанских владетелей, не отказываясь при этом и от совершения захватнических походов.

Нельзя сбрасывать со счетов и наметившееся сближение кабардино-русских отношений, особенно после женитьбы Ивана Грозного на дочери Кабардинского князя Темрюка Илдарова-Кученей (Гошаней)[2,с.22]. Который и стал основным проводником российской политики на Северном Кавказе.

В период с 1560 по 1605 гг. царской Россией были организованы около 10 походов в Дагестан, в частности во владения Шамхала. При этом нужно учесть то обстоятельство, что к началу первых походов Москвы, Турция и Россия находились в военно-политическом союзе, направленном против Речи

Посполитой, что давало возможность Московской Руси развязать руки в отношении шамхала Тарковского. Речь идет о походе 1560 г. под предводительством воеводы Черемисинова[3,с.65]; 1567 г. – поход московских и кабардинских войск против шамхала Тарковского; 1569 г. – очередной поход русских войск под предводительством воеводы Шадрина[4,с.39].

О политическом положении на Кавказе во второй половине 80-х годов XVI в. в грамоте русского царя за 1587 г. Австрийскому императору говорилось: «А многие государства: Юргенский царь, и Хивинский царевич, и Шевкальский князь, и Иверская земля, и Горские князи, и Черкасская земля, Кабардинские и Абазинские и Ногайские орды за

Волгою и меж Волги великие к Дону, те все земли приложились к нашему государству к Астораханскому…»[5,с.91-92].

В 1588 году в устье Терека по указу царя Федора Ивановича был заложен новый город Терки, ставший крепостью России на Северо-Восточном Кавказе, откуда организовывались военные походы во владения эндиреевское и шамхалов.

Весной 1591 г. из Москвы были посланы воеводы Г.О. Засекин и П.М. Шаховский с войском на шамхала. Результатом похода стало разорение и сожжение Эндери («Андрееву деревню»)[6,с.269]. Видимо цели похода не были достигнуты, так как через три года был организован еще один поход под командованием воеводы Хворостинина.

В начале XVII в. в самой Руси происходят непростые события («голодные бунты», появление самозванцев, гражданская война), т.е. росло недовольство политикой нового царя Бориса Годунова. Царь Борис пытаясь сгладить внутриполитические противоречия, решил организовать более крупный поход, с окончательною целью завоевания шамхальства и его союзников. В феврале 1604 г. было принято окончательное решение «об оказании помощи Александру (царю Кахетии – Р.С.)»[7,с.400-401]. Кроме того, походу благоприятствовала начавшаяся в 1603 г. война Ирана и

Османской империи[8,с.19]. Из Москвы выступило 10 тыс. стрельцов под командованием воевод И.М. Бутурлина и О.С. Плещеева, к которым по пути должны были присоединиться еще 4 тыс. стрельцов из Казани и Астрахани, а также казаки, ногайские мурзы, служилые черкесы. На издержки похода была выделена громадная сумма по тому времени – 300 тыс. рублей[9,с.36]. Общая численность войск отправленных в Дагестан по сведениям одного из источников составило – 50 000 человек, в числе коих были также поляки и ливонцы»[10,с.73].

Подавляя мужественное сопротивление защитников, царские войска захватили, и сожгли Эндирей, и подошли вплотную к Таркам. После упорного кровопролитного боя русские овладели Тарки и сразу же приступили к строительству укрепления, назвав его Новым городом[11,с.37]. Бутурлин и его воеводы проводили жестокую, грабительскую политику по отношению к мирным жителям, «пленили людей в селениях, забрали хлеб, угоняли табуны и стада»[12,с.37]. Дагестанцы совместно с горцами Северного Кавказа сумели за короткий срок организовать сопротивление царским войскам. В эти тяжелые дни для Дагестана, освободительную борьбу возглавил энергичный и мужественный

эндиреевский владетель Султан-Махмуд. Согласно сведениям А.-К. А. Бакиханова, он за короткий срок сумел собрать отряд в 13 тыс. человек[13,с.110], а общая численность войск составила 20 тыс. чел, куда помимо войск Султан-Махмуда входили отряды даргинцев и лакцев. Постепенно положение Бутурлина, осажденного в Тарках, становилось безвыходным, поэтому вынужден был пойти на переговоры.

Согласно договору, отряды Султан-Махмуда должны были отойти, и беспрепятственно дать пройти и отступить царскому отряду в направлении Теркского городка. Однако горцы решили расправиться с отрядом Бутурлина «Надо сказать, – пишет В.А. Потто – в этот день был также мусульманский праздник – байрам, а вдобавок к нему Султан-Махмуд праздновал свой брак с дочерью Аварского хана. В этот день произошла решающая битва. Царские войска были окружены и подвергнуты, несмотря на отчаянное сопротивление, полному истреблению. Так окончился этот бедственный поход надолго изгладивший все следы пребывания русских в Дагестане»[14,с.65].

В этом походе погиб сам Бутурлин и Плещеев со своими сыновьями, Московские стрелецкие головы (полковники) К.И. Зюзин, Д. Черемисинов и многие другие[15,с.140].

В разгроме царских войск, как отмечал М.-С.К. Умаханов[16,с.135] главную роль сыграли местные силы, которыми руководил Султан-Махмуд, а не турецкие войска.

Султан-Махмуд одержал победу, значение которой трудно переоценить. Эта победа стала поворотной не только в истории Дагестана, но и всего Кавказа. Она серьезнейшим образом повлияла на политику Москвы на Кавказе и на взаимоотношения самих народов Дагестана и всего Северного Кавказа.

Царское правительство в дальнейшем изменило тактику борьбы за влияние в Дагестане. Оно после неудачных походов конца XVI – начало XVII вв. более 118 лет не совершала военных акций в отношении Дагестана, а стала на путь привлечения его феодальных правителей на свою сторону разного рода экономическими выгодами.

По мнению М.-С.К. Умаханова эта политика России нашла большой отклик среди владетелей Дагестана, привела к установлению между ними и Россией тесных торговых и экономических связей[17,с.136].

Кроме того, политика мирных экономических отношений со стороны России, привело к тому, что в первой половине XVII, когда Иранские шахи стали проводить захватническую политику в отношении Да-

гестана, то местные правители все чаще стали обращаться за помощью к Российскому царю.

Примечания

1. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVI – XVII вв. Махачкала, 1999; Гасанов М.Р. Дагестан: перекресток цивилизаций. Махачкала, 2007; Умаханов М.-С.К. взаимоотношение феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана XVII веке. Махачкала, 1973; Магомедов Р. М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987; Ахмадов З.Я. Очерки политической истории Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988.

2. Гриценко Н.П. истоки дружбы. Грозный. 1975. С. 22.

3. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Ставрополь: «Кавказская библиотека», 1991. С. 65.

4. Хронология истории Дагестана//Сост. Магомедов Р.М. Махачкала, 1959. С. 39.

5. Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. СПб. 1851. Т.1. С. 91-92.

6. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. Т.8. С.269.

7. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М.,1889. Вып.1. С. 400-401.

8. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30 годы XVII веков). М.,1963. С.19

9. Карамзин Н.М. История Российского государства. СПб., 1892. Кн. III. Т. XI С. 36

10. Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1936. С. 73.

11. Карамзин Н.М. Указ. Соч. С. 37

12. Там же.

13. Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 110.

14. Потто В.А. Два века Терского казачества С. 65.

15. Белокуров С.А. Указ. Соч. С. 410.

16. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. М., 1973. С. 135.

17. Там же. С. 136.

Танкиев В.-Г. Х.
к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Чаха Ахриева» (Магас)

НАВЕКИ ВМЕСТЕ
(К 245-ЛЕТИЮ ЕДИНЕНИЯ ИНГУШЕТИИ С РОССИЕЙ)

245 лет назад - в 1770 году - в судьбе ингушского народа произошло историческое событие – добровольное вхождение ингушей в состав России.

Дореволюционные историки-кавказоведы в искаженном свете освещали историю русско-кавказских, в том числе и русско-ингушских отношений [1]. Они искажали, в частности, суть отношений ингушей к России, представляя их в роли непримиримых врагов, придерживавшихся исключительно антирусской ориентации [2].

Внимательное изучение архивных материалов, многих новых источников начисто опровергают эту ошибочную концепцию, неопровержимо доказывают, что ингуши, в большинстве своем, издавна держались русской ориентации, желая жить в мире и дружбе с Россией, под ее покровительством и надежной защитой от внешних врагов.

Если вспомнить историю, то первые контакты предков ингушей – нахов, с древними русичами уходят вглубь веков [3]. Доказательств тому более чем достаточно. Мы их находим и в трудах древних историков, и в древнерусских рукописях, в частности, в Лаврентьевской, Ипатьевской, Симеоновской, Никоновской и в других летописях [4].

Вспомним хотя бы «Слово о полку Игореве», где князю Игорю помог бежать из половецкого плена литеретурный герой, а по существу реальное действующее лицо - Овлур, который, как убедительно доказал профессор Д. Д. Мальсагов в своей фундаментальной научной работе «О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» был этническим ингушом [5, с. 60-93].

Небезынтересно и то, что с Северным Кавказом, в частности с ингушами, была связана и судьба русского князя Георгия, бежавшего сюда в 80 – х гг. Х11в. после убийства соперниками его отца - Андрея Боголюбского. По свидетельству летописцев, Георгий приехал на реку «Сунджу» (Сунжа) [6].

Следует также отметить, что русская ориентация ингушей складывалась в процессе возникновения и развития русско-кавказских отношений и постепенного вхождения отдельных частей Кавказа в состав России [7]. Этот процесс, в свою очередь, был обусловлен рядом факторов, из которых на первом месте стояли социально-экономические, политические и военно-стратегические интересы России и народов Кавказа, и ингушей в том числе. В зависимости от остроты и степени проявления этих интересов, процесс присоединения Кавказа к России то ускорялся, то протекал медленнее, а иногда и вовсе обрывался на более или менее длительное время.

Такие перерывы наступали особенно в периоды нашествия иноземных завоевателей, если последним удавалось захватить русские или кавказские земли и установить господство над ними на определенное время [8,с.153]. Так было, например, во время татаро-монгольского нашествия и существования их ига над Кавказом и Русью, когда в течение почти трехсот лет (ХШ – ХУ вв.) русско-кавказские, в том числе и русско-ингушские связи оказались почти прерванными. Если не считать этого перерыва, то в остальное время русско-ингушские связи носили довольно интенсивный, плодотворный, постоянный и преимущественно дружественный характер.

История этих связей от их истоков и до окончательного присоединения и освоения Кавказа царизмом имеет свои основные периоды, этапы, с их характерными чертами.

Каждый из этих периодов представлял собой ступень, ускоряющую или замедляющую процесс присоединения тех или иных частей Кавказа к России, а стало быть, означал определенный шаг на пути складывания русской ориентации и ингушей, созревания предпосылок и приближения акта их вхождения в состав России.

В первый период русско-нахские, т.е. русско-ингушские связи, согласно дошедшим до нас письменным источникам, с самого начала их возникновения (с IX в.), хотя и временами омрачались враждебными конфликтами и открытыми военными столкновениями, преимущественно но-сили мирный характер и развивались, прежде всего, на почве торгового обмена, а также совместного военного содружества в борьбе с иноземными завоевателями.

Добровольное вхождение народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей, в состав России, начавшееся со второй половины XVI столе-

тия, в основном было оформлено многими договорными актами и присягами XVII-XVIII веков.

Внимательное изучение этих документов показывает, что все они пронизаны духом эпохи и отражают концепцию их составителей – представителей царских властей, чиновников или местных социальных верхов. Поэтому они носят, особенно по форме, верноподданнический в отношении царизма характер, вполне соответствующий иллюзорно-монархическому мировоззрению их составителей.

Однако, несмотря на такой характер документов, все же их глубокий смысл состоял в том, что они в целом верно отражали основную тенденцию объективного развития исторических событий и обусловленных ими настроений народных масс, искренне желавших жить в мире и дружбе с соседними народами-горцами, русскими переселенцами и казаками, под надежной защитой сильной России.

Наивно-монархический характер документов ни в коей мере не может служить основанием, позволяющим думать, что будто бы ингуши, как и все остальные, народы Северного Кавказа, желая добровольно войти в состав России, тем самым, мол, добровольно принимали самодержавно-крепостнические порядки, деспотическую власть царизма, пассивно-примиренчески терпели его гнет.

Наоборот, как и другие народы Северного Кавказа, ингуши активно боролись против жестокого царского гнета. Но вместе с тем большая часть народа неуклонно тянулась к России в силу того, что люди верно понимали и трезво оценивали реальное соотношение враждебных им сил и для своего самосохранения справедливо отдавали предпочтение России, способной надежно защищать их безопасность от грозных, но менее сильных по сравнению с Россией врагов – соседних феодалов, князей и других завоевателей.

Кроме того, многовековые связи и сношения с простыми русскими людьми - переселенцами и казаками, а также с их лучшими представителями усиливали симпатию и тяготение ингушей к России, к русскому народу. Это хорошо понимали наиболее дальновидные представители ингушей, которые, улавливая потенциальное стремление своего народа, их прорусскую ориентацию, старались поддерживать эти тенденции.

Многочисленные факты показывают, что вопреки реакционности царизма вхождение народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей, в состав России имело важные прогрессивные последствия - упрочилась их безопасность, была устранена угроза нашествия шахских и осман-

ских войск, сократились и затем был ликвидирован захват людей в плен для продажи в рабство, расширились возможности роста сельского хозяйства, промыслов, торговли, происходило вовлечение ингушей в общероссийский рынок. Сложились предпосылки влияния на них передовой русской культуры.

Естественно, позднее через русский язык ингуши приобщились к мировой литературной сокровищнице, к технической культуре. Русский язык стал языком межнационального общения для народов, населяющих Россию. И как государственный язык основным для получения светского образования. Что сыграло положительную роль в развитии и ингушского народа. Добровольное вхождение ингушей в состав Российского государства способствовало этническому единению разрозненных национальных обществ и групп в единую нацию, осознающих себя как единый народ, со своим древним самобытным языком, со своей богатой культурой, обычаями, традициями, со своим духовным миром.

Единение с Россией способствовало восстановлению территориальных границ расселения народа с древнейших времен, особенно плодородных плоскостных земель между реками Сунжей, Тереком и Камбилеевкой.

Археологические находки последних десятилетий на территории Ингушетии позволяют с уверенностью утверждать, что союз с Россией способствовал расширению связей ингушей не только с народами Северного Кавказа, с которыми они были тесно связаны на протяжении столетий, но и с государствами Закавказья, Передней Азии, Поволжья, Восточной Европы, со всем славянским миром и прежде всего с Древней Русью [9, с. 124-126]; [10, с. 42-52]; [11, с. 305-307]; [12, с. 237-239], [13, с. 190-196]. Другими словами, была прорвана блокада народа от связей с внешним миром.

Таким образом, союз с Россией позволил ингушскому народу, как и другим народам Северного Кавказа, встать на путь цивилизованного развития.

Примечания

1. Ермолов А.П. Записки. М. 1868. Ч. II.; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823. Ч. 2 и др.

2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб. 1869. Ч. 1.; Ковалевский М. Поземельные и сословные от-

ношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. М. 1883. Кн. XII и др.

3. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины 1Х до конца Х века. Спб.1870; Григорьев В.И. О походе древних руссов на восток. Спб.1876; Караулов Н.А. Сведения арабских географов 1Х – Х веков о Кавказе. Тифлис.1908 и др.

4. См. Полное собрание русских летописей. Т.1 - 10. М. 1962 – 1965 и др.

5. Россия – Ингушетия: 240 лет вместе. Сборник статьей по истории и культуре Ингушского народа. Магас. 2010.

6. Бутков П.Г. О веке браках князей русских с грузинками и ясынями в Х11 в.// Северный архив. Спб. 1825. № 4.

7. Хицунов В.Н. Отношения России с северной частью Кавказа //Кавказ. 1846. № 16.

8. Кодзоев Н.Д. История ингушского народа (с древнейших времен до 1917 года). Изд. 2-е, исп. и доп. Учеб. пособие. Назрань. 2012.

9. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Пражский грош из горной Ингушетии // Проблемы всеобщей истории. Вып. 6: Международный сборник статей. Армавир. 2000.

10. Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О воинских щитах из горной Ингушетии// Десятые чтения по археологии средней Кубани. Армавир. 2003.

11. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа. Материалы международной научной конференции. Сухуми. 2011.

12. Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Еще раз о комплексе вооружения из средневекового захоронения у селения Верхний Алкун в горной Ингушетии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11. Армавир. 2011.

13. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа. Материалы международной научной конференции. Сухуми. 2011.

Урушадзе А.Т.
к.и.н., Институт истории и международных отношений Южного федерального университета

ОТ НАМЕСТНИЧЕСТВА К НАМЕСТНИЧЕСТВУ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ КАВКАЗОМ

Кавказ в политике России это во многом бег по кругу, где по мере движения происходит постоянное возвращение к уже пройденному и, казалось бы, окончательно преодоленному. В отчете о деятельности Кавказского наместничества в период с 1855 по 1880 гг. великий князь Михаил Николаевич не без гордости отмечал многочисленные перемены, произошедшие за это время в крае [1, л. 2–18]. Через пятнадцать лет после завершения Кавказской войны многим казалось, что самое трудное уже позади.

Последовавшая в начале 1880-х гг. ликвидация Кавказского наместничества и Кавказского комитета не только практически, но и символически лишила Кавказский край особого административного статуса в составе Российской империи. Однако взятый в царствование Александра III курс на форсированную интеграцию региона с внутренними губерниями империи в рамках единого, унифицированного административно-правового поля не только себя не оправдал, но оказался дополнительным катализатором развития общественно-политических процессов, приведших к нарастанию общего системного кризиса. Впечатление, что на Кавказе империя как никогда близко подошла к реализации стратегической задачи всей своей политики в отношении окраин – полного их слияния с другими частями государства [2, с. 387] – на деле оказалось опасной иллюзией.

Уже в первые годы двадцатого столетия начинают открыто звучать предложения о необходимости скорейшего реформирования кавказской администрации [3, с. 481]. Пока в Петербурге обдумывали возможные преобразования, положение на Кавказе стремительно скатывалось к масштабному кризису, угрожавшему для империи потерей региона.

Начальник Терского областного жандармского управления в докладе командиру корпуса, товарищу министра внутренних дел К.Н. Рыдзевскому от 29 апреля 1905 г. отмечал: «…не могу обойти молчани-

ем того бьющего и теперь в глаза обстоятельства, что столь трудно доставшийся нам Кавказ – бочка с порохом, которую следует оберечь от искры, хотя бы самого слабого напряжения, достаточной чтобы весь его взорвать» [4, л. 13].

26 февраля 1905 г. Николай II подписал указ «О восстановлении должности наместника на Кавказе» [5, с. 28–29]. Наместником был назначен крупный государственный деятель, бывший министр императорского двора и уделов, входивший в ближайшее окружение Александра III, граф И.И. Воронцов-Дашков. Как и его наиболее известные предшественники на этом посту М.С. Воронцов и А.И. Барятинский И.И. Воронцов-Дашков начинал карьеру именно на Кавказе, где принимал участие в боевых действиях на завершающем этапе Кавказской войны. Наместник наделялся особыми полномочиями в гражданской и военно-полицейской сферах управления; являлся членом Государственного совета, Совета и Комитета министров, главнокомандующим войсками наместничества, войсковым атаманом кавказских казачьих войск. Как и ранее, он непосредственно подчинялся лично императору. Невозможность постоянного и деятельного участия кавказского наместника в заседаниях высших государственных институтов, породило учреждение должности постоянного представителя наместника в Петербурге – своеобразного Кавказского комитета в одном лице. Эту должность 13 мая 1905 г. занял известный и влиятельный государственный деятель, управляющий делами Комитета министров, статс-секретарь барон Э.Ю. Нольде.

Кризисные явления на Кавказе, во многом заставившие официальный Петербург вернуться к проблемам полувековой давности, реанимировали и один из наиболее успешных имперских институтов управления краем. Само по себе воссоздание Кавказского наместничества было символом обособленности края и знаком признания его специфики официальным

Петербургом. Наместничество являлось победоносным институтом, с именами кавказских наместников связывалось окончание казавшейся бесконечной Кавказской войны. Кроме того, данный институт пользовался признанием местного населения, которое с восстановлением наместничества связывало надежды «на гражданское и культурное обновление во многом обветшавших условий кавказской жизни» [6, с. 389–390].

Одной из наиболее сложных проблем, требовавшей незамедлительного решения была организация противодействия абречеству. Банды абреков хозяйничали в ряде районов Кавказа, нанося существенный хозяйственный и финансовый урон еще более подрывая и без того сильно пошатнувшийся авторитет официальной администрации. И.И. Воронцов-Дашков лично возглавил войну с абреками [7, л. 1].

Несмотря на все усилия, борьба с абречеством приняла затяжной характер. Символом бессилия российской администрации стали смелые действия отрядов, возглавляемых Зелимханом Гушмазукаевым. Самой отчаянной акцией абреков Зелимхана стало ограбление Кизлярского казначейства 27 марта 1910 г., совершенное открыто, при свете дня. Секрет неуловимости Зелимхана был в его народной популярности. Для многих жителей Терской области он был далеко не просто удачливым бандитом, но борцом за справедливость. Иногда его имя связывалось с идеей продолжения борьбы, к которой мусульман Кавказа призывал и долгие годы возглавлял имам Шамиль. Резонансные акции Зелимхана (в первую очередь налет на Кизлярское казначейство) поставили в сложное положение И.И. Воронцова-Дашкова. От наместника требовали подробных объяснений и энергичных действий Николай II и председатель Совета министров П.А. Столыпин. В объемном донесении об обстоятельствах нападения на Кизляр и ответных мерах, предпринятых имперской администрацией, кавказский наместник указывает на бесперспективность борьбы с абречеством одними карательными методами. Эту борьбу он уподобляет лечению симптомов, а не самой болезни. И.И. Воронцов-Дашков выделяет несколько «первопричин» беспорядков на Кавказе, среди которых бедность местного населения, изъяны организации административных институтов края, отчужденность между властью и народом [8, с. 234]. Здесь же наместник предлагает целую антикризисную программу, включающую набор преобразований от увеличения окладов и штатной численности административно-полицейского состава до расширения сети российских образовательных учреждений.

Для проведения в жизнь этих мер И.И. Воронцов-Дашков просил у Петербурга денег. В отличии от своих предшественников на посту кавказского наместника И.И. Воронцов-Дашков был лишен финансовой самостоятельности. Деньги Кавказа были в руках Министерства финансов. Это неудивительно учитывая важность централизованного контроля за нефтяными сборами [9, с. 160].

Отсутствие широкой поддержки И.И. Воронцов-Дашков пытался компенсировать активностью и энергичностью. Наместник исходил из необходимости учета специфики традиций местного населения, сложившихся норм и практик обычного права. Наместник отменил указ о секуляризации имущества армяно-григорианской церкви. Ввел в состав Совета наместника наблюдателей от общественных организаций для участия в обсуждении спорных вопросов. Военно-народное управление, все еще действовавшее на территории Дагестана, постепенно трансформировалось в гражданское. В 1913 г. в Дагестане был создан институт мировых посредников, назначаемых местным военным губернатором из российских чиновников и «коренных» владетелей. Нехватка средств не остановила попыток И.И. Воронцова-Дашкова вернуть Российской империи на Кавказе статус первого просветителя. К 1913 г. начальных училищ на Кавказе насчитывалось уже 3 037, а число учащихся в них составляло 302 664 чел. Количество общеобразовательных низших училищ достигло 107 и охватывало 20 тыс. учеников; соответственно средних учебных заведений имелось 263 (25 тыс. учащихся); специальных учебных заведений для подготовки учителей – 24 (1 100 обучающихся); промышленных училищ – 29 (3 тыс. учеников) [10, с. 30–31]. На фоне данных о численности населения Кавказского края, которое уже по переписи 1897 г. составляло 9,3 млн человек [11], а также учитывая высокий уровень естественного прироста населения, превышающего в некоторых областях общероссийские показатели [12, 102–103], цифры развития образовательного пространства выглядят не столь впечатляюще.

Активизация социальной политики вкупе с возрастающим военным давлением на банды абреков позволили коронной администрации восстановить контроль над ситуацией в крае к 1913 г., когда основные лидеры кавказского абречества были истреблены, а имперские власти расширили социальную базу поддержки проводимой политики.

Социально-политический кризис кавказского края рубежа XIX–XX веков был спровоцирован падением эффективности системы управления регионом. Централизация административных практик затормозила интеграцию Кавказа в пространство империи, заменив живую деятельность мертвой формой. Восстановление Кавказского наместничества было крайним шагом, свидетельствующим о тупиковости создавшегося положения. Сам институт наместничества с его автономией и самостоятельностью наместника являлся ничем иным как бегством от империи ради империи.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 678. Оп. 1. Д. 687.

2. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: «Университетская типография», 1892. 580 с.

3. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX–начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. 720 с.

4. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1.

5. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России / Под. ред. Н.И. Лазаревского. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2010. 1026 с.

6. Флоринский М.Ф. Центральная власть и кавказская администрация в системе управления Российской империей в 1905–1914 гг. // Центр и регионы в истории России: Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия: Сборник научных статей / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 380–411.

7. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 6. Оп. 1. Д. 756.

8. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. 1094 с.

9. Правилова Е.А. Бюджетно-финансовая политика России в Закавказье (1801–1905 гг.) // Английская набережная, 4: Сборник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. Вып. 4. СПб.: «Лики России», 2004. С. 137–162.

10. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова. СПб.: [Б.и.], 1913. 52 с.

11. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. // Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=3 (дата обращения: 11.11.2015).

12. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Блиц», 1996. 226 с.

Чекулаев Н.Д.
к.и.н., научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Махачкала)

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДАГЕСТАНА В СВОЕ ПОДДАНСТВО (1722-1735 ГГ.)

В результате Персидского похода Петра I 1722-1723 гг. Дагестан был присоединен к Российской империи, и для упрочения русского владычества Петр I оставил в Дагестан русские гарнизоны.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники и литература позволяют в данном разделе отдельно рассмотреть основные методы осуществления Российской империей своей кавказской политики по отношению к Дагестану.

За верноподданническую службу шамхал и другие дагестанские владетели получали от русского двора денежное жалованье [3, с. 59]. Так, согласно указу Сената от 17 декабря 1723 г. дербентскому наипу Имам-кулы, Юс-башам и другим начальникам и рядовым из доходов Астраханской губернии, а именно: наипу – 1000 рублей, Юс-башам и другим начальникам 1000-ж рублей, из которых присланному Махамед-Юсуф-беку к прежней ему даче, к 150 рублям, дать 50 рублей, рядовым 600 человекам, каждому по 5 рублев, да хлеб присылать из Астрахани на рядовых по 5 четвертей; оному ж присланному Махмуду-юсуфу-беку дать 100 рублей, при нем находящемуся человеку по 15 рублей [10, Т. VII. С. 187].

Табасаранскому владетелю Майсуму было определено жалованье 200 руб. [4, с. 62]. Табасаранский владетель – сын Магомед-бека Муртазали стал получать 150 руб., а племянник его Темир – «в приказе, а не в оклад» – 50 руб. [16. Д. 168. Л. 11].

Уцмию Кайтага Ахмед-хану было определено ежегодное жалованье в 2 тыс. рублей. В 1729 г. дагестанским феодалам в крепости Святого Креста из гарнизонной казни были выплачено 129 руб. 29 коп. ¼ [17. Д. 21. Л. 1].

В мая 1729 г. прибывшие в крепости Святого Креста дагестанским владетелям для некоторого Его Императорского Величества интересу выплачено 3 руб. 80 коп. [17, Д. 23. Л. 121]. В 1731 г. дагестанским владельцам выдано денежное жалованье всего за год 13.870 руб. [17, Д. 35. Л. 29 – 30].

В 1732 г. генерал В. Я. Левашов установил жалованье 800 руб. в приказ, а не в оклад младшему брату Хасбулата Тарковского – Салатгерей-беку с матерью. 4 марта 1732 г. генерал-аншеф В. Я. Левашов назначил денежное жалованье сестре, племяннику и людям уцмия Ахмед-хана – сестре Хануме и сыну было выделено жалованья по 20 руб. в год и прочим приближенным уцмия и старшинам в размере 3020 руб. [16. Д. 91. Л. 1-4; Д. 133. Л. 70-73 об.; 12, с. 63-64; 16. Д. 162. Л. 104].

За то, что Айдемир Эндиреевский не присоединился в 1733 г. к крымскому войску во время его прохода через Дагестан и сохранил верность России, указами от 6 и 7 ноября 1733 г. он был награжден жалованьем в 300 руб., а брат его Алибек – в 100 руб. Буйнакскому владельцу определено давать в год денежное жалованье 100 руб., а братья его Сурхай-Шамхалу, Солтан-Мураду по 25 руб. [12, с. 67; 16. Д. 133. Л. 70-73 об.].

Не были забыты российской администрацией и услуги, оказанные аксайским владетелем Султан-Махмудом Петру I во время его похода в Дагестан. 8 сентября 1722 г. по повелению императора Петра I был дан охранный лист владельцу Султан-Махмуда аксайскому за подписью генерал-адмирала графа Апраксина – «дабы не дерзали в его владения чинить обид, налогов и наездов». Затем было удовлетворено его требование, чтобы в случае неприятельского нападения на него ему на помощь были высланы донские и терские казаки. 24-25 августа 1725 г. за подписью генерал-лейтенанта М. А. Матюшкина, вышел указ, в котором засвидетельствована верная служба аксаевского владетеля Салтан-Махмуда, а также предписано в силу императорского указа не чинить обид и разорения ни ему самому, ни деревням и подвластным улусам и жителям в оных и о свободном пропуске, как его, так и людей его владения.

Указ 7 ноября 1733 г. за подписью главнокомандующего наследного князя Л. Гессен-Гомбургского, которым Андреевской деревни Алиш-бек-Хамза-Беков за верность жалуется командиром в деревни Костек на место изменившего Гирея [13, с. Д. 60. Л. 211-212; 15, с. 81-82].

За мирную сдачу города и объявление покорности Петр I пожаловал дербентского наиба Имам-Кули чином генерал-майор и установил ему денежное довольствие за счет казны [7, с. 150; 11, с. 259, 260, 270, 271, 277-278; 12, с. 54-56], а 9 августа 1722 г. последовала грамота Петра I дербентским жителям, которой объявлено, что Дербент и его жители берутся под покровительство России и имеют право свободно торговать

в Русском государстве. 2 сентября 1722 г. была пожалована грамота Петра I наибу об утверждении его правителем г. Дербента. В ответ на просьбу 24 октября 1722 г. наиба к Петру I оказать продовольственную помощь жителям города Дербента по указу Петра I из Астрахани было отправлено необходимое количество продовольственной помощи. 19 сентября 1723 г. последовало донесение дербентского наиба Имам-Кули-бека Петру I о получении муки, посланной жителям Дербента [11, с. 259, 260, 270, 271, 277-278; 12, с. 54-56]. В своей инструкции от 17 февраля 1723 г. Петр I обязал генерала М. А. Матюшкина, чтобы дербентских жителей кормили российским провиантом, а когда комендант А. Т. Юнгер или наиб будут у него просит провиант для пропитания дербентским жителям, определить провиант на семью, сколько нужно, т.е. столько же, сколько русским военным дается. Велено было «каждому бедному семейству выдать по 2 четверти муки и по двадцать аршин холста», что и было немедленно исполнено [8, с. 80; 9, с. 247; 2, с. 144]. 17 декабря 1723 г. последовал указ Сената о взимании таможенной пошлины с дербентских купцов наравне с российскими [10, Т. VI. С. 187].

Вскоре после вступления в Дербент российской армии владетель Табасарана Рустам-кади обратился к Петру I с просьбой оказать помощь в борьбе с уцмием Кайтагским, Сурхай-ханом Казикумухским и Дауд-Хаджи, которые напали на его владения за отказ от участия в военных предприятиях против российских войск. Петр I решил оказать Рустам-Кади всяческую помощь. Об этом свидетельствует грамота Петра I от 1 сентября 1722 г. на имя Рустам-кади, в которой русский император обещал помощь войсками. Табасаран был принят в подданство России в 1722 г., табасаранские владетели майсум и кадий были подчинены российскому коменданту в Дербенте [5, с. 245; 11, с. 253 - 255]. Коменданту А. Т. Юнгеру и наибу Дербента предписывалось «…дабы его, Рустема, равным же образом от неприятелей охраняли». Одновременно с кадием майсум Махмуд-бек был взят под защиту дербентского коменданта [14, с. 87].

Подобная политика проводилась не только в отношении местных владетелей, но и в отношении рядовых горцев. Еще накануне Персидского похода Петр I издал следующий приказ: «Когда пойдем в случение к нам во владение Персидское, чтоб запретить под смертию никакого разорения и тесноты не чинить; чтоб жили в домах и никакого страха не имели, понеже от того много зла последовать может: первое – разбегутся и нам все пусто будет, всех огорчим, и через то все потеряем, что

нам, обещая потребность: того ради надлежит лучше о вечном и прочном радеть и делить, нежели о временном малом прибытке; что же надлежит о пропитании войск, то надлежит хлеб и скот порядочно брать, учредя особых людей комиссарами, но не своевольно, дабы избежать тщеты и всему делу повреждения» [6. Ч. VIII. С. 205-206].

Как во время похода русских войск (1722-1723 гг.), так и в последующие годы комендантского правления ни один город, ни одно село не подвергались ограблению со стороны русских, их обращение с населением было лояльным. В указе Петра I военным властям, говорилось: «дабы жителям отнюдь не было, обходились бы зело приятельски и не сурово (кроме тех, кто будет противен), но ласково, обнадеживая их всячески…». Данным распоряжением Петра I руководствовались русские власти в Прикаспийских областях [1, с. 16]. О том, что данный указ Петра I неукоснительно исполнялся военными властями в Дагестане, говорит хранящийся в архиве «Дербентский комендант». 22 мая 1733 г. по приказу генерал-майора А. Б. Бутурлина солдатам, находящимся на сенокосных лугах в районе Дербенте, было строго приказано, чтобы в армянские и магометанские деревни не ходили и тамошним обывателям обид и разорения не чинили, чтобы не брали у них никаких продуктов. Тем же, кто ослушается, грозил суд. Архивные документы сообщают, что дербентский комендант защищал местное население от противоправных действий со стороны российских военных.

Так, в 1724 г. капрал Дагестанского пехотного 1-го батальона Никита Пименов, за то, что он в нарушение указа использовал могильные плиты из верхней крепости Дербента на поделки, был арестован и находился под следствием. 18 мая 1727 г. гренадер Дербентского пехотного полка Иван Кречетов ночью ходил с караула на большой рынок и поломал у дербентского жителя лавку, за что был наказан: шпицрутенами через полк по 1 разу в течение 3 дней и снова записан в гренадеры. 9 мая 1728 г. есаул, сотник и 7 казаков донского войска были замечены в воровстве «пожитков басурманских», и, чтобы избежать мести наиба, были высланы из города в дальние сады, где они зарубили местную жительницу. За это вместо смертной казни (повешение) есаул и сотник были биты 40 раз кнутом, а казаки 30 раз. [16, с. Д. 167. Л. 68; Д. 8. Л. 4; Д. 157, Л. 13; 89; Д. 72. Л. 122].

Завершая данную статью, на основе всего вышесказанного можно сделать следующее: Кавказская политика России включала в себя разнообразные методы. В ее основу Россия положила методы политическо-

го характера, в отличие от Турции и Ирана, которые основным методом на Кавказе считали грубая сила и карательные походы против непокорных. Управление Дагестаном русские военные власти строили с учетом сложившейся ситуации: в мирное время – широко используя политику «ласкания» и политического покровительства, а в экстремальных условиях – прибегали к карательным мерам. Такая политика России – дала свои положительные результаты, способствуя росту симпатий горцев к России.

Примечания

1. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией, - Баку, 1965. С. 16.

2. Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра 1.: Дисс. …канд. ист. наук. Махачкала, 1999. С. 144.

3. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., Изд-во АН СССР, 1961. С. 59.

4. Гасанов М.Р. К вопросу о вхождении Табасарана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX вв. Махачкала, 1988. С. 62.

5. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. – С. 245;

6. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России собранные из достоверных источников и расположенная по годам. Часть VIII; IX; М.: В университетской типографии у Н. Новикова, 1789. Ч. VIII. С. 205-206.

7. История Дагестана: Курс лекций \ Даг. гос. педагогический институт. М. Р. Гасанов, Г. Х. Ичалов, А. А. Кандауров, Ш. М. Мансуров, Р. Н.

Мирзоев, Г. С. Федоров, Д. М. Шигабудинов, М. Ш. Шигабудинов. Махачкала: Дагучпедгиз. 1992. – С. 150;

8. Козубский Е.И. История города Дербента – Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1906. – С. 80;

9. Приказы и письма императора Петра Великого и императрицы Екатерины I к генералу Матюшкину, во время войны с Персией. Оттиск Отечественной записки. Ч. 30. Кн. 86. [б. г.] – С. 247;

10. ПСЗ. Т. VII. С. 187.

11. Русско-Дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: (Документы и материалы) / Ред. колл.: М.М. Ихилов (отв. ред.); сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигиздат, 1958. – С. 259, 260, 270, 271, 277-278;

12. РДО XVIII – нач. XIX вв. С. 63-64;

13. Рукописный Фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 211-212;

14. Сотавов Н-П.А. Внешнеполитические отношения Дагестана со странами Востока (Турция, Иран) в первой половине XVIII века: Дисс. …канд. ист. наук. - Махачкала, 1968. – С. 87.

15. Феодальные отношения в Дагестане XIX – начале XX в.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х-О. М. Хашаева. – М.: Наука, 1969. – С. 81-82.

16. ГКУ «(Центральный Государственный Архив Республики Дагестан) ЦГА РД». Ф. 18 – Дербентский комендант: Оп. 1.

17. ГКУ «(Центральный Государственный Архив Республики Дагестан) ЦГА РД». Ф.382. Комендант крепости Святого Креста: Оп. 1.

Шавлаева Т.М.
Grand PhD of Philosophy in History,
Академия наук Чеченской Республики (Грозный)

ИССЛЕДОВАТЕЛИ XIX ВЕКА О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ

Традиционное хозяйство – это налаженная система хозяйствования, выработанная многими поколениями данного этноса, построенная в гармонии с ландшафтными условиями края и ментальными особенностями народа. Как правило, оно характерно коренным народам.

Хозяйственная деятельность чеченцев являлась объектом внимания исследователей XIX века. Забегая вперёд, отмечу, что в оценке, мнения исследователей были неодинаковыми, а порой – и противоречащими самим себе. Истинные причины такого явления, на наш взгляд, кроились в своеобразной политической и военной обстановке, сложившейся в Чечне на тот исторический момент.

Тем не менее, формы хозяйственной деятельности и домашние производства чеченцев имеют глубокие традиции и требуют участия как маскулинной силы, так и феминной аккуратности. По археологическим данным, древние орудия труда – каменные рубила и скребки, отщепы относятся к мустьерской эпохе палеолита. Восстановлены их древние названия на чеченском языке: рубило называлось «дерто», каменный скребок с углублением – «ванто», отщепы – «цкъацкъар». В древних и средневековых памятниках материальной культуры отмечено обильное присутствие орудий труда и бытовых предметов, имеющих непосредственное отношение к хозяйственной деятельности народа.

Этнографические сведения о хозяйственной деятельности чеченцев представлены в фольклорных материалах [1] .

Исторические сведения о хозяйстве чеченцев в русской литературе относятся к последним десятилетиям XVIII в. – это работы И.Г. Гербера, Ф.Ф. Симановича, П. Г. Буткова и др. По заданию Российского правительства в течение трёх лет (1781-1783) исследователь Я. Рейнеггс совершил по Кавказу пять экспедиций и изложил своё представление о домашней экономике чеченцев. Я. Рейнеггс в частности, писал, что домашняя экономика оставлена на попечение женщин…для мужчин ничего не остаётся ничего, кроме охоты, грабежа и пьянства [2, с. 218, 226].

Ценные сведения о хозяйстве и промыслах содержатся в трудах исследователей первой половины XIX в. И. Гюльденштедта, А. О. Дебу, Г. Х. Засс, Ю. Клапрота, Р.Ф. Розена. Хозяйственную деятельность чеченцев рассматривали К. Самойлов, А. М. Буцковский, Г. Властов, С. Иванов , С. Броневский , А. П. Берже.

Пребывание К. Самойлова в Чечне совпало с периодом Кавказской войны. Автор отмечает «врождённое отвращение их к какому либо труду», но, тут же, пишет, что «главный торг в прежние времена чеченцы производили хлебом, что в мае 1850 года было заключено перемирие сроком на три дня для проведения ярмарки около крепости Грозной, куда было дозволено привести товары и горцам, подвластным Шамилю. «Главный привоз из гор составляли хозяйственные продукты: «яйца, сыр, масло, мёд; привезли также много шкур, обделанных и необделанных; кожаные изделия, сукна, ковры и тому подобное»; «сырые продукты имеют в горах очень низкие цены». Однако К. Самойлов остался очень довольным изделиями оружейных мастеров, выделываемых в ауле Атаги [3, с. 70, 68-70, с. 17]. Больше подобные ярмарки не собирались, видимо, опасались сближения горцев с русскими.

Восторженного мнения о чеченских мастерах был и Г. Властов [4, с. 32]. Исследователь С. Иванов восхищался трудолюбием кавказского горца [5, с. 17]. Известно высказывание Н. Ф. Грабовского о туземцах офицерах, «которые нисколько не стеснялись званием, очень усердно работают косою, топором и всем тем, чем можно работать» [6, с. 98-99].

Противоречивые высказывания оставил А. П. Берже, Правитель дел Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. В одном случае он отмечает, что обитатели низменных аулов на свой хлеб обменивали товар. В другом - склонность чеченцев к праздности [7, с. 70].

Исследователь кустарных промыслов Северного Кавказа О. В. Маргграф дал особенную оценку трудолюбию и мастерству горянки [8, с. 28], но обошёл вниманием мужчин, которые выполняли земледельческие работы, связанные с террасированием участков, пахотой, боронованием, применяя при этом тяжёлые предметы. В 90 – е годы XIX в. более 80 % населения Терской области занималось хлебопашеством. В частности, на одного человека в Чечне в среднем приходилось до 20, 4 пуда хлеба. Чечня являлась житницей Северо-Восточного Кавказа. Животноводческая сфера также требовала активного участия мужчин при заготовке сена, возведении и поддержании хозяйственных строений, отгонном выпасе скота. В начале 90 – х годов XIX в. в Чечне насчитывалось

до 365 тыс. мелкого рогатого скота, на каждые 100 душ населения обоего пола в среднем приходилось 196, 2 голов [9, с. 584, 587, 598]. В традиционном обществе чеченцев были такие производства и виды работ как обработка камня, дерева, металла, выделка овчины, заготовка дров, стрижка овец и пр., где совершенно исключалось участие женщины. Более того, на мужчинах лежали социальные нагрузки, и ответственности было больше. Как видим, обвинения в тунеядстве мужчин-горцев сильно преувеличены.

Несмотря на столь противоречивые мнения исследователей, интерес к хозяйственной деятельности и кустарному производству народов Кавказа, в том числе и чеченцев, только возрастал. Почему?

С падением крепостного права в стране усиливается товарное производство, в том числе и крестьянской среде. Со второй половины XIX века в кругах российской общественности, куда к тому времени входило и чеченское общество, отмечено особое внимание к кустарному производству, что связано с пониманием его экономической значимости. Фискальные интересы всячески стимулировали деятельность Министерства государственных имуществ, поэтому ещё в середине XIX века была предпринята первая попытка, чтобы систематизировать данные о местных промыслах. Первое научное осмысление проблемы домашнего производства сделал историк и экономист А. К. Корсак, издавший в 1861 году работу «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России». Автор показал не только значение кустарного производства, но и какие изменения претерпевает оно в период вхождения промышленности в стадию капитализма [10]. В 1870 году по поручению земств в Российских губерниях был начат сбор сведений о степени развития крестьянских промыслов с рекомендацией принятия мер, содействующих улучшению производства.

С 1874 года по 1888 год работала специальная комиссия, созданная при Совете Торговли и Мануфактур, по исследованию кустарной промышленности. В результате своей аналитической работы они издали 16 томов книг. Кстати, о значении кустарной промышленности для народного хозяйства писали в разные годы В. И. Вешняков, Н. Г. Чернышевский, Е. А. Андреев, С. Харизоменов, В. И. Ленин и др. [11].

И, наконец, по распоряжению министра внутренних дел от 6 сентября 1886 года по стране начали создавать Кустарные Комитеты. Однако изучение кустарных промыслов чеченцев было начато О. В. Маргграфом в книге, приуроченной к открытию в Москве Всероссийской промышленно-художественной выставки в 1882 году [12]. По оценке учёных, работа О. В. Маргграфа является самой ценной в этом плане [13, с. 45].

В 1893 году секретарь статистического комитета Терской области Г.А. Вертепов был специально командирован для изучения кустарных промыслов и разработки мер для охраны исторических памятников [14]. С целью выяснения практических нужд кустарей и оказания им практической помощи 31 декабря 1899 года был открыт особый правительственный орган Кавказский Кустарный Комитет, который развернул научно-исследовательскую работу по изучению местных промыслов и ремесел. В 1901 году в Тифлисе собрался Первый съезд деятелей кустарной промышленности Кавказа, на котором были заслушаны содержательные доклады по итогам научной деятельности Комитета [15]. Плодотворным итогом также явились работы делопроизводителя Кавказского Кустарного Комитета А. С. Пиралова [16].

Такое внимание со стороны правительства к крестьянскому мастерству дало положительные итоги. В 1902 году прошла Всероссийская промышленная выставка, где были выставлены изделия кавказских мастеров, в частности, из Грозненского округа Терской области под № 3109 был выставлен металлический бокал; под № 3134 были представлены изделия из сыромятной кожи мастера Зормаева. В коллекции Кавказского Кустарного Комитета под № 3240 были показаны чеченские шерстяные изделия [17, с. 481, 484]. В 1904, 1907 годы на Кавказе работали экспедиции Государственного Этнографического музея [18, с. 496], из чеченских сёл в Российский Этнографический Музей были доставлены изделия местных мастеров.

Таким образом, для своего времени в Чечне были развитые формы хозяйственной деятельности и домашних производств.

По свидетельству исследователей XIX - начала XX века О. В. Маргграфа, А. С. Пиралова, Г. А. Вертепова, Е Максимова и др., в условиях отсутствия фабрично-заводской промышленного, народы Кавказа, в том числе и чеченцы, удовлетворяли свои потребности изделиями собственного производства.

Разные мнения исследователей 19 века отражают лишь сложную политическую обстановку, сложившуюся в то исторический период на Кавказе и, в частности, Чечне.

Примечания

1.Чеченский фольклор. Многотомное издание. Составитель И. Мунаеев; Чеченский фольклор. Составитель Джамбеков Ш. – Грозный, 1990. – 592 с.

2. Северный Кавказ в Европейской литературе XIII – XVIII веков. Сборник материалов. - Нальчик, 2006. - С. 218, 226.

3. Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002. - С. 70, 68, 69.

4. Властов Г. Война в Большой Чечне//Русский инвалид. 1856. № 160. - С.32.

5. Иванов С. И. О сближении горцев с русскими на Кавказе// Военный сборник. - СПб., 1859. Т. 7. - С. 17.

6. Хасиев С. А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. - Нальчик, 2004. - С. 107, 98 – 99.

7. Берже А. П. Чечня и чеченцы. – Грозный, 1991. – С.70.

8. Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.1882. – С.28.

9. История Чечни История Чечни с древнейших времён до наших дней в двух томах. Т. I. - Грозный, 2008. - СС. 584, 587.

10. Корсак А.К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и России. - СПб., 1861.

11. Роль кустарной промышленности в процессе индустриализации страны. [Электронный ресурс]. http://www.bg-znanie.ru (дата обращения: 27. 02. 2011г.).

12. Маргграф О. В. Указ. соч. М. 1882.

13. Ахмадов Ш. Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв //Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начале XX вв.) - Грозный, 1986. - С. 45.

14. Вертепов Г. А. Очерк кустарных промыслов в Терской области // ТС. – Владикавказ, 1897. – Т. IV.

15. Труды Первого съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. - Тифлис, 1902.

16. Пиралов А. С. Краткий обзор кустарных промыслов Кавказа. - Тифлис, 1900. Он же. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. - СПб., 1913.

17. Указатель Всероссийской кустарно-промышленной выставки, состоящей под августейшим покровительством ЕЯ Императорского Величества государыни Императрицы Александры Фёдоровны. – С. Петербург, 1902.. – С. 481, 484.

18. Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. - М., 2000, 2006. - С. 496.

Шнирельман В. А.
Главный научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ[1]

Проблематика социальной памяти много шире, чем историография. Историография говорит о движении научной мысли, а социальная память - о том, что, как и почему общество помнит. Или, напротив, о чем оно не хочет помнить и что всячески стремится забыть (феномен амнезии). Источники изучения социальной памяти необычайно многообразны. Отчасти это - исторические труды, но также школьные учебники, музеи, топонимика, памятники и памятные места, художественные произведения, кинофильмы, ритуалы, праздники, юбилеи исторических личностей, городов, республик, а также версии прошлого, которые даются СМИ [1].

Зачем нам нужно прошлое? Кто-то сказал, что у счастливых народов нет прошлого. Они радуются своему современному положению и верят в свое не менее благополучное будущее. Зато несчастные народы постоянно задумываются о причинах своего бедственного положения, ищут его причину в каких-то прошлых событиях, в особенности, в деятельности недругов. Наряду с этим они ищут в древности своих успешных или героических предков, чтобы, опираясь на их пример, преодолевать невзгоды и двигаться вперед. В прошлом ищут моральную опору, оправдание, поддержку, а также почву для дружбы или ненависти. Социальная память по сути своей кумулятивна. Это означает, что совершающаяся несправедливость тут же будит память о других несправедливостях, имевших место в прошлом. И недовольство нарастает, как снежный ком.

Все это напрямую касается образа Кавказской войны. Так, трагические события недавнего времени, такие как Чеченская война, заставляют вспоминать о депортациях 1943-1944 гг., те в свою очередь – о махаджирстве, а, тем самым, и о Кавказской войне. Все это складывается в цепочку якобы взаимосвязанных событий, и рисуется образ постоянного и жестокого врага в лице России. При этом забываются десятилетия спокойной и мирной жизни. Но для чеченцев 1960-1970-е гг. сегодня

[1] Исследование проведено при поддержке РНФ, грант №14-18-03090

выглядят Золотым веком, и они их с ностальгией вспоминают, хотя несправедливости совершались и в тот период. Однако на фоне недавних кризисов и войн они кажутся мелочью, о которой можно забыть. Это показывает, что социальная память, во-первых, избирательна, во-вторых, контекстуальна, в-третьих, делает акцент не столько на фактах, сколько на их оценке, в-четвертых, апеллирует скорее к эмоциям, чем к холодному рассудку. Значение одних фактов раскрывается только в сопоставлении с другими, хотя между ними может и не быть прямой связи.

Все это видно, в особенности, на примере музеев, где создание экспозиции предполагает тщательный отбор исторического материала и его интерпретацию. Например, в центре Махачкалы находится Краеведческий музей, где на втором этаже располагаются три зала, показывающие историю XIX-XX вв. Зал XIX в. практически целиком посвящен Кавказской войне. Там посетители видят огромный портрет Шамиля, и школьникам всегда рассказывают о его подвигах. Но ведь в Шамиле можно видеть героя, а можно – жестокого тирана, можно – бескомпромиссного борца с царской империей, а можно – человека, который под конец жизни советовал дагестанцам никогда больше не вступать в конфликт с русскими, и т. д. Однако музей героизирует Шамиля, не показывая его во всей его противоречивости. И для школьников это – главный герой Дагестана, символ смелости и героизма, символ преданности своему народу и отважного сопротивления жестокой и могущественной империи.

Именно так Шамиля десятилетиями и изображали за исключением нескольких последних лет сталинского периода, когда он внезапно был превращен в английского и турецкого шпиона [2, p. 130-147, 194-221; 3, с. 217, 236, 266, 276]. Но в ходе Чеченской войны 1990-х гг. образ Шамиля в глазах местного населения стал неоднозначным. Представление о книжной героике сменилось отчаянием при столкновении с реальным массовым кровопролитием. Поэтому, если для одних Шамиль все еще сохранял прежний ореол, то другие, испытав на собственном опыте все ужасы войны, всячески обвиняли его в развязывании кровопролитной бойни. Тогда появились книги и статьи, где он подвергался жесткой критике [3, с. 363]. Некоторые авторы осуждали попытку Шамиля силой навязать горцам государственность, салафиты критиковали его деспотизм и жестокость в отношении местного населения, а уставшие от идущей вокруг бойни люди порицали его за то, что он втянул горцев в истребительную войну с Россией. Кстати, сразу после Первой Чечен-

ской войны салафиты взорвали его памятник, подготовленный для установки в селе Гимры.

Люди – существа сложные, неоднозначные и противоречивые, что касается и исторических личностей. Но социальная память избирательна. Она всегда делает акцент на том, что актуально в данный момент. Кроме того, ее содержание у различных социальных или этнических групп различается. Здесь и вступает в дело фактор интерпретации – одни видят одно, а другие – другое. Соответственно не совпадают и оценки одних и тех же фактов.

Так и возникают конфликты из-за памятников историческим деятелям. Такие памятники всегда наделяются богатым смыслом, связанным не только с данной конкретной личностью, а с гораздо более широким контекстом. Ярким примером этого служит памятник генералу А. П. Ермолову. Разумеется, горцы помнят о его жестокой политике, но этот памятник рассматривается ими как символ имперской власти в контексте завоевательной политики на Кавказе, включающей жестокость многих царских генералов. Все это воспринимается ими в негативном свете. А многие русские, напротив, видят в Ермолове героя, верную опору государственности, защитника российских рубежей, усмирителя тех, кто поднял руку на империю.

Все это и объясняет непростую судьбу памятников Ермолову. Первый памятник ему был поставлен в Грозном в царскую эпоху. Затем после революции в 1922 г. он был в позором снят с пьедестала, но возвращен обратно в 1949 г., что стало актом устрашения и служило напоминанием о недавних депортациях. В 1960-1980-х гг. было немало попыток взорвать памятник или, по крайней мере, облить его краской. И, наконец, в 1989 г. он снова потерял свое почетное место, а затем был полностью разрушен [3, с. 237, 282].

Но с конца 1990-х гг. память о Ермолове как «покорителе Кавказа» начала возвращаться. В 1998 г. памятник ему был возведен в Ставрополе, в октябре 2008 г. - в Минеральных Водах, в сентябре 2010 г. – в Пятигорске, а в 2012 г. - в Орле. Все это неизменно вызывало возмущение у народов Северного Кавказа [4; 5], и в последние годы такие памятники иной раз страдали от актов вандализма. Зато некоторые русские интеллектуалы и представители казачества высказывались за памятник и никаких проблем здесь не видели. Вряд ли надо объяснять, что речь идет о символической борьбе, причем не только конкретно с памя-

тью о Ермолове, но и с тем, что обитатели Северного Кавказа считали несправедливой политикой центра.

Поэтому в Чечне в селе Дади-Юрт в 2013 г. был поставлен памятник чеченским женщинам, оказавшим сопротивление русским солдатам в 1819 г., в чем лидер партии «Родина», депутат Госдумы А. Журавлев увидел «антироссийскую акцию» [6]. Тем временем, в 2013 г. в Майкопе был открыт памятник, посвященный героическому прошлому адыгов. В итоге долгих споров власти Адыгеи поступили осторожнее, сгладив отсылки к событиям Кавказской войны, хотя они, безусловно, сохранились. И, если вначале памятник планировалось посвятить жертвам Кавказской войны, то затем он строился под названием «Памяти и Единения», а в окончательном варианте получил называние «Единение и Согласие» [7].

Кавказская война была трагедией для кавказских народов. Речь шла не только о подавлении их стремления к свободе и самостоятельности, но и об огромных человеческих потерях. Причем не только о погибших во время войны, но и о махаджирстве, которое сделало многие области безлюдными и открыло их для колонизации. Сегодня от адыгов иной раз можно услышать, что, если бы не махаджирство, они могли бы создать государство, способное по своим размерам потягаться с Францией. Между тем, в Краснодарском крае адыгейцы владеют лишь небольшой автономией, а шапсуги и вовсе представляют незначительное меньшинство. В то же время на Кубани культивируется версия о том, что вся эта территория якобы исконно принадлежала казакам, причем это вошло и в местные учебники.

А что думают о Кавказской войне в федеральном центре? В 2013 г. в московском Манеже проходила выставка, посвященная 400-летию дома Романовых, где было представлено много материалов об истории России, включая войны. Но места Кавказской войне там не нашлось. Похоже, что, сознавая сложную обстановку на Северном Кавказе, устроители выставки сознательно придерживались фигуры умолчания, опасаясь провоцировать нежелательные эмоции.

Мониторинг федеральных школьных учебников показывает, что там о Кавказской войне говорится лишь походя. А в проспекте нового единого учебника ее вовсе не было. В последних государственных образовательных стандартах нет и упоминаний о депортациях народов. Иными словами, трудная кавказская тема старательно обходится. Если же она упоминается, то в очень характерном контексте. В целом ряде

школьных учебников основными виновниками Кавказской войны объявляются горцы по известному принципу, гласящему, что «жертва сама виновата». В то же время из этих учебников школьник ничего не узнает ни о политике выжженной земли, проводившейся генералом Ермоловым, ни о зверствах царских генералов, уничтожавших горцев целыми аулами. Не узнает он и о планах выселения горцев с Кавказа, появившихся еще в правление Александра I. Он останется в неведении и о махаджирстве, в результате которого десятки тысяч горцев вынуждены были помимо своей воли переселиться в Османскую империю в 1859-1865 гг. Зато ему объяснят, что Россия не могла терпеть неповиновения со стороны мюридов и вынуждена была применить силу. Тем самым, с помощью умолчания и одностороннего освещения событий горцы демонизируются, а политика царских властей представляется «вынужденным ответом» [8].

Если в советское время Кавказская война трактовалась в школьных учебниках как национально-освободительное движение, то в некоторых современных федеральных учебниках она подается как «конфликт цивилизаций». Это, разумеется, следствие цивилизационного подхода, разделяющего мир на несколько различных цивилизаций, развивающихся своими путями и обладающих каждая своим особым менталитетом. Якобы поэтому эти цивилизации не могут найти общий язык и часто находятся в конфликте. В лучшем случае им дозволяется вести диалог. Но о каком позитивном результате такого диалога может идти речь, если они, по убеждению сторонников цивилизационного подхода, обладают разным менталитетом и по определению им не дано понять друг друга, а их культуры несовместимы? Некоторые поклонники цивилизационного подхода убеждены в том, что Северный Кавказ и Россия – это разные цивилизации. Но в таком случае позволительно спросить, что Северный Кавказ делает в России? Не правы ли те, кто требует его отделения? А ведь именно такие настроения находят отражение в представлениях о том, что кавказцы якобы не интегрируются, не уважают «нашу культуру» и «наши обычаи». Но если они – особая цивилизация, можно ли от них этого требовать? Понятно, что такой цивилизационный подход обрекает Россию на распад. Кроме того, его необдуманное использование в школьном образовании вырабатывает у школьников ксенофобские чувства, в том числе, к обитателям Северного Кавказа. Вот к чему приводит обращение к такому сомнительному инструменту как цивилизационный подход.

Примечания

1. Connerton P. How societies remember. Cambridge, 1989.

2. Tillett L. The great friendship. Soviet historians on the non-Russian nationalities. Chapel Hill, 1969.

3. Шнирельман В. А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

4. Нефляшева Н. Памятники и политика на Северном Кавказе. 2000-е годы [электронный ресурс] // Адыги. Ru, 10 апреля 2011. URL: http://adygi.ru/index.php?newsid=8185 (дата обращения: 21.10.2015 г.).

5. Костенко Е., Селезнева Е. Памятник генералу Ермолову в Пятигорске до сих пор вызывает противоречивые мнения [электронный ресурс] // Адыги. Ru, 26 декабря 2010. URL: http://adygi.ru/index.php?newsid=5154 (дата обращения: 21.10.2015 г.).

6. Иванов М. Чеченский памятник просят проверить на экстремизм

Депутат Госдумы разошелся с властями республики во взглядах на Кавказскую войну [электронный ресурс] // Коммерсант, 19 сентября 2013. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2283004 (дата обращения: 21.10.2015 г.).

7. Иванов А. Никаких намёков на то, что памятник будет посвящён жертвам Кавказской войны, нет [электронный ресурс] // Адыги. Ru, URL: http://adygi.ru/index.php?newsid=868 (дата обращения: 21.10.2015 г.).

8. Шнирельман В. А. «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и школьные учебники // Расизм в языке образования / Под ред. В.Воронкова, О.Карпенко, А. Осипова. СПб., 2008. С. 88-111.

Щукина Е.Л.
к.и.н., доцент, Южный федеральный университет

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ЕДИНСТВА НА ЮГЕ РОССИИ

Межкультурная коммуникация народов с различными традициями и верованиями становится весьма значимой и актуальной проблемой современности. Противопоставление на «своих» и «чужих», рост этнизации сознания и этноцентризма, связанный со стремлением рассматривать все явления окружающей действительности сквозь призму доминирования ценностей культурных моделей своей этногруппы, как наиболее верных и правильных, порождает проблемы в межкультурном диалоге народов региона. Целостность социокультурного пространства страны подвергается существенным рискам, когда ксенофобия, в ее различных видах: этнической, религиозной, политической, идеологической, становится способом конструирования образа «чужого».

В рамках современной терминологии, под межкультурным диалогом понимается «открытый и уважительный обмен мнениями на основе взаимопонимания и уважения между отдельными людьми и группами с различной этнической, культурной, религиозной, языковой принадлежностью». В настоящее время общество столкнулось с ярким выплеском агрессии, который выражается в конфликте культур, ценностей, моделей поведения, для конструктивного разрешения которого необходим поиск путей и способов согласования культур. Следовательно, согласование культур означает согласование ценностей и совместной деятельности в данном направлении.

Вопросами, связанными с изучением межкультурной коммуникации, мигрантофобий, ксенофобий занимаются многие наши и зарубежные ученые: М.Н Гобугло, Г.С. Денисова, Э.А. Паин, В.И. Мукомель, А.В. Тишков, А.П. Садохин, А.В. Сериков, О.М. Шевченко. Из зарубежных исследователей следует выделить Р. Руммеля, М.Д. Эшльмана, Х. Клингемена, Дж. Хёрт, У. Липпмана.

Межкультурный диалог предполагает интенсификацию культурных обменов, расширение взаимодействия национальной и региональных культур. Невозможно переоценить значимость межкультурного диалога для сохранения толерантных взаимоотношений и профилактики межэтнических конфликтов в регионе, сохранения единого социокуль-

турного пространства страны. Необходимо акцентировать внимание не на том, что нас разъединяет, а на том, что объединяет.

На протяжении более чем полувекового пути развития искусства в республиках Северного Кавказа, ведущие художники, писатели, музыканты, театральные деятели были воспитанниками русской художественной школы, но, в то же время, сохранили свою национальную самобытность. Русская культура сыграла основную роль в становлении изобразительного искусства, театра, классической музыки на Северном Кавказе. Именно процесс взаимного обогащения культур России и народов Северного Кавказа явился фактором быстрого зарождения и развития различных видов элитарного искусства там, где они не были особо развиты, либо вовсе отсутствовали. В свою очередь, как отмечал, Ю.А. Жданов: «Кавказ сыграл существенную роль для… становления свободолюбивых черт и идей у представителей передовой российской интеллигенции» [1,с.190].

Как отмечается в многочисленных исследованиях по этнической психологии проявление агрессии, как правило, является безличным. Межкультурный диалог, знакомство с ценностями и традициями других культур, их многообразием, во многом минимизирует конфликтогенную составляющую и позволяет преодолевать дистанцирование по принципу «свой» - «чужой». Чем более толерантно респонденты относятся к представителям иной национальности, тем в большей мере их отношение основано на личном опыте. И, наоборот, чем более агрессивно и нетерпимо настроены люди, тем в большей степени их мнение основывается на иных источниках – опыте родственников, суждениях их окружения или СМИ. К таким выводам приводят результаты многих этнопсихологических и этносоциологических исследований.

Юг России и, в частности, Ростов-на-Дону был и остается многонациональным городом, где традиции поликультурности и поликонфессиональности сформировались еще со времен Екатерины Великой. Эмпирические данные, полученные в ходе комплексного социологического исследования, проведенного в Ростовской области в 2013г. свидетельствуют, что межэтнические отношения не являются проблемой номер один в регионе, общий уровень мигрантофобии составляет 26 % [2,с.139]. Однако, распределение ответов на вопрос «Насколько связана, по Вашему мнению, неприязнь на национальной почве со следующими обстоятельствами?» - различия в поведении, обычаях; конкуренция на рынке труда; соблюдение традиций и обычаев региона. 72 % опрошен-

ных дали ответ: «С тем, что люди иной национальности не соблюдают обычаи и традиции региона» [2,с.134]. Соответственно, необходим активный культурный взаимообмен между народами Юга России, площадкой для которого, в Ростове-на-Дону и других годах Юга России (там, где еще не открыты), может стать планируемое в ближайшее время, создание «Дома народов», как центра культурного взаимообмена, творчества, развития и взаимообогащения искусства.

Межнациональное сотрудничество, сохранение единого социокультурного пространства, формирование общероссийской и региональной идентичностей, базирующихся на общности культурных норм, традиций, ценностей являются чрезвычайно важными аспектами дальнейшего гармоничного развития региона. Значимую роль в данных процессах призваны играть общественные организации, инициирующие сотрудничество с общеобразовательными учреждениями в проведении конкурсов, посвященных актуализации проблематики гармоничных межэтнических отношений, трансляции исторической памяти о добрососедских взаимоотношениях между народами. Весьма важной представляется и популяризация деятельности представителей культуры прошлых эпох, наших современников всех национальностей, привнесших существенный вклад в формирование единого социокультурного пространства, взаимообогащение культур и созидательное развитие нашего края.

Проблемам гармонизации межэтнических, межкультурных отношений, минимизации конфликтогенных факторов уделяется все большее внимание, как в нормативных документах, в частности, принятой в 2012 году «Стратегии государственной национальной политики России до 2025», так и выступлениях главы государства. На заседании Совета по межнациональным отношениям, в июле 2014 года, В.В. Путин предложил «создать единую систему мониторинга межнациональных отношений и предупреждения возможных конфликтов на этнической почве», а также указал на потребность в патриотическом воспитании молодежи, приоритетах в государственной молодёжной политике, которые должны быть направлены на «формирование гармоничной личности, на воспитание гражданина России – зрелого, ответственного человека, в котором сочетается любовь к своей большой и малой родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом с тобой». Задача по обеспечению информационной безопасности РФ, сохранению и развитию традиционных духовно-нравственных ценностей и национально-культурной иден-

тичности народов России, развитие межрегионального и межнационального культурного взаимодействия ставится и в «Основах государственной культурной политики», определяющих на ближайшие десятилетия стратегические цели в культурного развития страны.

По инициативе Министерства регионального развития начинает реализовываться проект по созданию «Центров толерантности» в крупных городах. Этот проект был создан после поручения Президента разработать федеральную целевую программу «Усиление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014–2018 годы. С помощью центров толерантности каждый житель и гость России смогут познакомиться с культурными традициями народов, проживающих на территории нашего государства. В донской столице тоже должны открыть такой центр, где ростовчане смогу изучать культуру и традиции народов России. Главная задача работы центра – «возрождение традиций взаимоуважения и мирного сосуществования» народов. Авторы проекта надеются «научить толерантности в широком смысле слова». Для выполнения своих задач центру планируют выделить два-три помещения. В одном из них будет возможность транслировать сюжеты с примерами толерантного и нетолерантного поведения, будут места для проведения дискуссий и даже возможность интерактивного голосования по итогам обсуждения или просмотра видеороликов. Еще в одном помещении будут проводить тематические выставки. Предполагается, что региональный департамент образования будет активно сотрудничать с Центром толерантности.

Тем не менее, только государственных инициатив по поддержанию межкультурного диалога недостаточно, значимую роль в данных процессах должны играть общественные организации. В честности, ростовское отделение Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы и сотрудничества с Арменией» в 2014 году реализовывало проект: «Мы вместе: были, есть и будем», посвященный добрососедским отношениям русского и армянского народов. Исторический и современный опыт дружбы и сотрудничества русского и армянского народов может и должен задействоваться российским обществом для преодоления негативных аспектов этнизации сознания, этнофобий и этнонационализма. Замечательный пример толерантных взаимоотношений нам продемонстрировали школьники в своих рисунках и сочинениях: «Могущество и сила России во многом обусловлены крепкой дружбой народов, населяющих ее… И мы с вами должны постоянно учиться

принимать друг друга такими, какие мы есть – независимо от национальности, вероисповедания, убеждения и обычаев. Учиться уважать друг друга и беречь межнациональное согласие в нашей стране» [3,с.85]. В настоящее время осуществляется реализация проекта на тему «Я – гражданин России», призванного способствовать воспитанию патриотизма, чувства гордости за свою Родину, пониманию поликультурности и поликонфессиональности страны. Оба проекта реализовывались по гранту Правительства Ростовской области, помощи диаспоры и Торгово-промышленной палаты.

В целом, значимость межкультурного диалога невозможно переоценить для сохранения единого социокультурного пространства региона. Во многом, ксенофобия порождается отсутствием опыта личного общения и знания о культурных и религиозных традициях других народов. Необходимо расширять межкультурную коммуникацию народов, привлекать СМИ, с участием ученых-экспертов, для гораздо более предметного и широкого освещения этнокультурных особенностей народов южнороссийского региона, подчеркивать традиции взаимосвязи и взаимодополняемости культур, привлекать общественные организации, гражданское общество для расширения межкультурного диалога и реализации задач, стоящих перед современным обществом.

Примечания

1. Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры // Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Изд.2-е, перераб. /Отв.ред.Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д; Наука-пресс,2005.- 432с.

2. Барков Ф.А., Сериков А.В. Этноинституциональные факторы межэтнических отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2014. №3.С.129-139.

3. Мы вместе: были, есть и будем. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования. 2014.

Эльбуздукаева Т.У.
д.и.н., профессор кафедры Гуманитарного факультета Чеченского государственного педагогического университета (Грозный),

Изрипова Е.А.
ст. преподаватель кафедры истории и права гуманитарного факультета Гуманитарного факультета ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова (Грозный)

РОССИЯ И ЧЕЧНЯ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Распространение религиозного экстремизма привело к политическому решению Президента РФ В.В. Путина обезопасить россиян от разрушительного воздействия экстремисткой угрозы. Россия показала способность вовремя реагировать на вызовы и принимать меры для решения своих внутренних проблем.

Терроризм становится долговременным фактором, негативно влияющим на развитие общественных отношений, как в России, так и в сопредельных государствах. Современный терроризм связан с наркобизнесом, незаконной торговлей оружием, нефтью, изготовлением и распространением фальшивых денег, с перемещением капитала, его отмыванием и легализацией.

Деятельность «Исламского государства» подрывает доверие широких мусульманских слоев к институтам государственной власти, изменяет политическую и межконфессиональную ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Эскалация напряженности в Афганистане, угрозы вторжения террористов в Центральную Азию свидетельствуют о том, что экстремисты, получив практические навыки конспирации, минно-взрывной войны и ведения боевых действий в условиях города готовы к совершению террористических и диверсионных актов.

Экономические санкции Евросоюза, приведшие к обнищанию населения, духовно-нравственный кризис, коррупция, организованная преступность, низкий авторитет местного духовенства, активизация вербовщиков ИГИЛ, выступили акторами активного распространения на Северном Кавказе идеологии исламского радикализма.

Опасность представляют и многочисленные проповедники воинствующего ислама радикального толка, прошедших обучение в ислам-

ских учебных заведениях Саудовской Аравии, Пакистана, Египта и завербованных исламистами, перед которыми ставится задача распространения идей сепаратизма и религиозного экстремизма.

В Чечне поддерживают российскую военную операцию в Сирии против террористического «Исламского государства», а профилактика против ухода молодежи в ИГ ведется на самом высоком уровне. Р.А. Кадыров призвал общественность не отождествлять деятельность боевиков ИГИЛ ни с одним из традиционных течений ислама.

Идеи чеченского национализма уступили место идеологии транснационального джихадизма. Идеологический раскол также поспособствовал победе над подпольем, равно как и отток боевиков в Сирию и привлекательность идеологии Исламского государства (ИГ). В середине июня 2015 года «амир» чеченских джихадистов присягнул на верность ИГ, таким образом, окончательно порвав с чеченской повесткой [1].

Существенное сокращение активности вооруженного подполья в Чеченской Республике во многом связано с широко применяемой коллективной ответственностью, когда родственников боевиков подвергают гонениям, берут в заложники, а их дома уничтожают. В последние годы борьба с подпольем велась жесткими силовыми методами.

Глава Чечни Рамзан Кадыров заявил, что правоохранительным органам необходимо принять исчерпывающие меры для предотвращения проникновения в республику идеологов, боевиков и сторонников террористической группировки «Исламское государство» (ИГ). Об этом он заявил в ходе коллегии МВД в Грозном 21 октября 2015 г. «В республике сохраняется стабильная оперативная обстановка. С начала года у нас в несколько раз увеличилось число выявленных пособников, явок с повинной. Успешно пресечены попытки совершения терактов», – заявил глава Чечни. За 9 месяцев этого года в Чечне было задержано и склонено к явке с повинной 66 пособников и участников бандподполья, при оказании вооруженного сопротивления уничтожено 16 боевиков, в том числе один бандглаварь Адам Тагилов [2].

По мнению экспертного сообщества в Чечне имеются силы, способные сформировать конкурентную и более привлекательную идеологию, чем экстремизм. Это институты традиционного ислама и институты гражданского общества. Взаимодействие этих институтов поможет региональным властям перекрыть доступ экстремистам к тем слоям населения, которые в силу низкого уровня образования и социального обеспечения становятся легкой добычей для «джихадистов».

Одним из приоритетных направлений в деле противодействия экстремизму и терроризму в Чеченской Республике является укрепление межнационального и межрелигиозного согласия и толерантности.

Общественно-политическая ситуация в Чеченской Республике определяется взаимоотношением между двумя основными конфессиями: православием и исламом. Министерством по национальной политике, печати и информации ЧР систематически проводятся встречи и диалоги между представителями духовенства; восстанавливаются и благоустраиваются храмы, кладбища православных христиан.

С 2006 г. ежегодно в честь Светлого Христова Воскресения (Пасхи) проводятся праздничные мероприятия, которые свидетельствуют о стабилизации общественно-политической ситуации в Чеченской Республике.

Руководство республики оказывает активное содействие в том, чтобы православные христиане, выехавшие из республики в другие регионы России во время боевых действий, могли каждый год посещать могилы своих близких.

Также в день празднования Пасхи из Регионального фонда им. Первого Президента Чеченской Республики, Героя России А.А. Кадырова каждому православному христианину выделяются определенные денежные средства в виде благотворительной помощи.

Чеченская Республика становится центром российского мусульманского сообщества. В логику данного лидерства хорошо вписывается то, что Президент РФ периодически доверяет Главе ЧР Рамзану Кадырову важные дипломатические миссии в ближневосточном регионе.

С некоторых пор Грозный стал местом проведения международных исламских конференций с участием авторитетных богословов со всего мира.

В резолюции V-го международного миротворческого форума «Ислам – религия мира и созидания» по теме «Религия и власть в условиях современного мира», посвященного памяти первого Президента Чеченской Республики А-Х. Кадырова (25-26 мая 2013 г.), говорится, что «государство и религиозные организации своими совместными усилиями по утверждению мира, согласия, социальной справедливости, а так же универсальных духовных ценностей, могут предотвратить немало проблем глобального и религиозного характеров»[3].

Участники форума отмечали, что религия несет в себе огромный потенциал развития гражданского общества, демонстрируя себя как условие, обеспечивающее целостность Российской Федерации.

В Конституции Чеченской Республики в полном соответствии с федеральной конституцией подтверждается, что она является светским государством, в котором «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [4].

Тем не менее, в республике религия и государство тесно взаимодействуют.

Расширяется взаимодействие государственных органов с религиозными объединениями по всем направлениям сотрудничества, в первую очередь, в борьбе с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом, с преступностью, в духовно-нравственном оздоровлении общества.

По решению главы правительства Чечни Рамзана Кадырова местные имамы получают зарплату в районных администрациях. В администрациях районов существуют отделы религии, где эти люди внесены в штат с формулировкой «специалист» и конкретно оговоренной зарплатой [5].

Нынешний муфтият активно участвует в общественной жизни республики. Под его особым вниманием находится молодежь. С недавнего времени духовное управление мусульман Чечни, начало выдавать лицензии всем религиозным учебным заведениям.

С марта 2014 г. имамы мечетей Грозного обязаны следить за внешним видом прихожан и отчитываться о проведенных проверках.

Под строгим контролем находятся проповеди, которые ведутся в чеченских мечетях. На пятничной молитве мечети Чечни переполнены верующими, после всех религиозных отправлений ведутся разговоры об общественной жизни. Все, о чем говорилось в мечети, становится известно соответствующим органам.

В Духовном управлении мусульман Чеченской Республики утвержден план по реализации Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения республики в части, касающейся профилактики экстремизма и терроризма.

Данный документ предусматривает комплекс профилактических и предупредительных мероприятий-тренингов, разъяснительных бесед, конкурсов и кинолекторий.

Р.А. Кадыров призвал, чтобы духовенство усилило разъяснительную работу среди молодежи, полностью исключило участие в вооруженном конфликте Сирии выходцев из Чечни. «Для жителей региона, вступивших в террористическую группировку ИГИЛ, обратная дорога на Родину закрыта». По его словам, «иблисское государство» готовит убийц и мародеров, которые рано или поздно захотят вернуться домой и сеять зло на родной земле». Об этом глава республики сказал в ходе расширенного совещания с депутатами Парламента ЧР, главами муниципалитетов, имамами мечетей, кадиями районов, представителями силовых структур [6].

Руководство Чечни держит под пристальным вниманием религиозные направление в обществе. Прибегая порой к жестким мерам, чеченским властям удалось преломить ситуацию в этом плане в нужную им сторону. Но вряд ли это означает, что при удобном случае радикализм, который многие наблюдатели связывают с религиозной революцией, не оживет в другом обличье.

У ваххабизма имеется мощный потенциал: маргинальные слои общества, безработная, студенческая молодежь, часть интеллигенции, также молодежь привлекает идея альтернативной модели социальной организации в виде мини-общин, которые воплощают идеи братства, равенства и справедливости.

Примечания

1. Чечня: внутреннее зарубежье Доклад Международной кризисной группы | 30 июня 2015 http://www.crisisgroup.org/~/media/Files/europe/caucasus/Russian%20translations/236-chechnya-the-inner-abroad-russian.pdf (дата обращения 22 октября 2015 г.);

2. Пресс-служба Главы и Правительства Чеченской Республики // http://gotuda.ru/index.php/vse-novosti/215527-2015-10-20-182714 (дата обращения 22 октября 2015 г.).

3. РЕЗОЛЮЦИЯ V-го международного миротворческого форума «Ислам – религия мира и созидания» по теме «Религия и власть в условиях современного мира», посвященного памяти первого Президента Чеченской Республики А-Х. Кадырова. 25-26 мая 2013 года г. Грозный // http://azbar.ru/novosti/politika/religiya-i-vlast-v-usloviyah-sovremennogo-mira.html (дата обращения 23 июня 2015 г.).

4. Конституция ЧР. Статья 11 // http://chechnya.gov.ru/page.php?r=63(дата обращения 23 июня 2015 г.).

5. В Чечне имамы получают зарплату в районных администрациях? Версия для печати 20.04.2006 // http://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/protection/2006/04/d7948/ (дата обращения 23 июня 2015 г.).

6. Кадыров потребовал, чтобы в сирийском конфликте исключили участие чеченцев // http://www.ramzankadyrov.ru/press.php?releases&press_id=5939&month=06&year=2015 (дата обращения 23 июня 2015 г.).

Для заметок

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
III МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА ИСТОРИКОВ-КАВКАЗОВЕДОВ
Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства

17 ноября 2015 г.

Ответственный редактор
В.В. Черноус

Сдано в набор 10.12.2015. Подписано в печать 17.12.2015.
Печать офсетная, гарнитура Times New Roman.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 14,0.
Тираж 550 экз. Заказ № 154.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111
тел. 8-918-570-30-30.